

Annotation

- [Густав Эмар](#)
 - [Глава I. ВСТРЕЧА В ПУСТЫНЕ](#)
 - [Глава II. НОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ](#)
 - [Глава III. МНОГО СОБЫТИЙ В ТЕЧЕНИЕ КОРОТКОГО ВРЕМЕНИ](#)
 - [Глава IV. ЗМЕЯ](#)
 - [Глава V. АТЕПЕТЛЬ ГУРОНОВ-ВОЛКОВ](#)
 - [Глава VI. ПРОГАЛИНА](#)
 - [Глава VII. ФОРТ «NECESSITE»](#)
 - [Глава VIII. ГОЛУБАЯ ЛИСИЦА](#)
 - [Глава IX. ПЛЕННИКИ](#)
 - [Глава X. ПИЛЬМА](#)
 - [Глава XI. БЕРЛОГА СЕРОГО МЕДВЕДЯ](#)
 - [Глава XII. БИВУАК АНГЛИЧАН](#)
 - [Глава XIII. ПОХИЩЕНИЕ ВЛЮБЛЕННОГО](#)
 - [Глава XIV. СЛЕДЫ](#)
 - [Глава XV. ОХОТНИКИ](#)
 - [Глава XVI. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА](#)
 - [Глава XVII. МУЧЕНИК](#)
 - [Глава XVIII. ЛИЦОМ К ЛИЦУ](#)
 - [Глава XIX. НАПАДЕНИЕ](#)
 - [Глава XX. БЕГСТВО](#)
 - [Глава XXI. РАСПЛАТА](#)
 - [notes](#)
 - [Note1](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Густав Эмар
Атласная змея

Глава I. ВСТРЕЧА В ПУСТЫНЕ

Солнце садилось за Аллеганскими горами, окрашивая в пурпур густые облака Сумерки, сгущавшиеся все более и более, окутывали долины.

И только на вершинах гор все еще было довольно светло, хотя и их освещали уже последние лучи заходящего солнца.

С заходом солнца поднялся холодный и резкий вечерний ветер, от которого вздрагивали древесные ветви и гнулась к земле высокая трава, росшая по берегам реки.

Еще немного — и наступила ночь; все предметы слились и образовали одну массу, контуры которой, становившиеся все более и более смутными, наконец, совершенно пропали во мраке.

Наступившая ночь не обещала хорошей погоды. Насыщенные электричеством густые тучи быстро проносились почти над самой землей. На небе не было видно ни одной звездочки, мрак, казавшийся еще гуще благодаря отсутствию луны, до такой степени сгустился, что ничего нельзя было различить в десяти шагах перед собой.

Мы покинули двух из самых важных действующих лиц нашего рассказа, графа де Виллье и барона де Гриньи, в ту самую минуту, когда, встретившись с Бержэ и его краснокожим другом у бухты Мариго, они прыгнули в пирогу вместе с Золотой Ветвью и Смельчаком, двумя преданными им солдатами.

Теперь как раз пора вернуться к обоим офицерам и до известной степени принять участие в их отважной экспедиции.

Пирога быстро скользила по реке, рассекая носом бурные волны.

Путешественники хранили молчание, невольно подчиняясь влиянию угрюмой природы, окружавшей их со всех сторон. Они всецело положились на опытность индейского вождя и канадца И, по-видимому, в этом случае они смело могли положиться на них: оба проводника, несмотря на ночной мрак, продвигались вперед с такой же уверенностью, как если бы путь им освещало яркое солнце; они точно угадывали препятствия, встававшие перед ними на каждом шагу, и обходили их довольно легко.

Прошло уже больше двух часов после того, как пирога покинула бухту Мариго, а путешественниками не было произнесено еще ни одного слова. Граф де Виллье решился, наконец, прервать это молчание, становившееся, как ему казалось, одинаково тягостным для всех.

— Дорогой Бержэ, — сказал он охотнику, — неужели вы не боитесь

сбиться с дороги, что так упрямо настаиваете продолжать путешествие, не обращая внимания ни на что? Здесь так же темно, как в преисподней.

— Ив самом деле, — с хохотом заметил барон, — здесь так темно, что обезьяна могла бы наступить на собственный свой хвост. Я почти уверен, что, в конце концов, нам все-таки придется остановиться и ждать здесь, пока хоть немного рассеется мрак.

— А зачем? — спокойно спросил Бержэ. — Неужели вы думаете, что мы, т. е. вождь и я, в первый раз путешествуем в такую темь? Кроме того, не мешает иметь в виду еще и следующее: если мы ничего не видим, значит, и нас никто не может увидеть, а это для нас весьма важно.

— Это правда, — согласился граф, — ну, а если мы собьемся с дороги?

— Сбиться с дороги, господин Луи! Нет, этого нечего бояться, за это я вам ручаюсь, — возразил Бержэ смеясь.

— Я готов вам верить, друг мой, а между тем, — может быть, впрочем, я и ошибаюсь, — но мне кажется, что мы удалились от середины реки и теперь держимся ближе к берегу, чем прежде.

— Вы почти угадали, господин Луи, да, мы приближаемся к берегу.

— Разве мы выйдем на берег?

— Пока еще нет, но только река, на которой мы находимся в настоящую минуту, очень узка, и, хотя мы и держимся самой середины течения, все же мы очень недалеко от берега.

— Что это значит, Бержэ? Разве мы плывем не по Огио?

— Уже давно, господин Луи. После того мы успели уже покинуть и Манонгахэлу и теперь почти уже час плывем по одной очень глубокой, хотя и очень узкой реке, как это вы заметили недавно.

— Как вы называете эту реку?

— Французы ее не знают, краснокожие же дали ей индейское название, означающее Желтая Вода, потому что, как вы могли бы заметить, при свете луны вода в ней такая мутная и в ней так много желтого ила, что река вполне справедливо заслуживает это прозвище.

— А долго будем мы плыть вверх по этой реке?

— Нет, господин Луи, через несколько минут мы ее покинем и войдем в другую, по которой будем плыть около двух часов, а затем выйдем на берег. На этом и кончится наше путешествие водой.

— Хорошо! А долго нам придется идти до тех пор, пока мы достигнем вашего жилища?

— Нет, господин Луи, мы доберемся до него незадолго до восхода солнца.

— Прекрасно! Мне, признаюсь вам, очень приятно слышать это. Но

скажите мне, Бержэ, почему бы вместо того, чтобы утомлять себя этим ночным путешествием, в чем, по-моему, положительно нет никакой надобности, не переждать нам где-нибудь на берегу до тех пор, пока не рассветет? Это доставило бы нам несколько часов отдыха, а на заре мы снова тронулись бы в путь.

— Я тоже держусь этого мнения, — подтвердил барон, зевая так ужасно, что можно было опасаться, как бы он не свихнул себе челюстей, — наши солдаты счастливее нас: эти молодцы, наверное, спят себе преспокойно.

— При других обстоятельствах я, конечно, ничего не имел бы против того, чтобы исполнить ваше желание, господа, — холодно отвечал охотник, — но, к несчастью, это невозможно.

— Почему? — спросили вместе оба молодых человека.

— Тс! — произнес охотник, — говорите тише! Вы ведь не знаете, кто может подслушать наш разговор.

— Как? — вскричал барон, — нас могут подслушать даже и в этой пустыне!

— Сударь, у краснокожих есть одна очень разумная поговорка...

— Ба! А что гласит эта поговорка?

— Она гласит, сударь, что в пустыне деревья имеют глаза, а листья уши.

— Черт возьми! Значит, вы боитесь каких-нибудь врагов? — спросил граф де Виллье.

— Не совсем так, господин Луи, но я держусь настороже. Мы проезжаем в настоящую минуту охотничьи территории племен, враждебных французам, и, кто знает, может быть, некоторые из их воинов и сидят здесь в засаде?

— О! Я теперь понимаю вашу осторожность, мой достойный друг, если только правда все, что вы говорите.

В ту же минуту почти неуловимый шум, похожий на всплеск воды, послышался на небольшом расстоянии от пироги.

Бержэ сжал руку графа, точно советуя ему молчать, и прислушался.

Вождь поступил точно так же, как и охотник, и заставил умолкнуть барона.

Прошли две или три минуты и снова повторился тот же шум, такой же слабый, но уже в другом направлении.

Охотник нагнулся к индейцу, и канадец и гурон обменялись несколькими словами, приблизив губы к ушам, голосом таким тихим, как дыхание.

Индейский вождь выпустил весло, снял с себя плащ из шкуры бизона, стянул пояс, в котором оставил только свои скальпель, и затем соскользнул в воду; Бержэ сейчас же приказал молодым людям взять весла для того, чтобы удерживать пирогу неподвижной на том же месте.

Затем охотник, положив палец на курок ружья, подавшись всем корпусом вперед, насторожившись и устремив вперед неподвижный взор, казалось, хотел пронизать мрак, который, наподобие черного савана, простирался от одного края горизонта до другого, окутывая весь пейзаж своим непроницаемым покровом.

Любопытство обоих офицеров было сильно возбуждено; они ничего не понимали в движениях своих проводников. Они чувствовали невольное беспокойство, хотя они и не знали, чему приписать их странное поведение, но угадывали, что в эту минуту вблизи них происходит что-то очень важное и им, может быть, грозит серьезная опасность.

Им очень хотелось узнать в чем тут дело; но как люди, совершенно незнакомые с индейскими нравами, а следовательно, и с опасностью, которой они могли подвергаться, они не смели вмешиваться из боязни, что это вмешательство может расстроить планы индейца и охотника.

Вдруг в тишине пронесся сдавленный крик.

Хотя крик этот был и очень слаб, но он был такой болезненный, такой раздражающий, что французы содрогнулись от ужаса.

В ту же минуту вода закипела, точно ее с силой отталкивали; пирога накренилась слегка влево и в лодку прыгнул человек.

Человек этот был Тонкий Слух. В одной руке он держал свой нож, а другой с победоносным видом размахивал окровавленными волосами.

Вождь обменялся несколькими словами с Бержэ, затем взялся за весла и пирога снова поплыла против течения.

— Ради Бога! — вскричал граф, — что такое случилось?

— Не оставляйте нас дольше в неизвестности, — добавил барон де Гриньи.

Солдаты проснулись, они тоже прислушивались, причем в них страх смешивался с любопытством. Они совершенно не знали того, что произошло во время их сна.

— Ба! — равнодушно отвечал Бержэ, — тут не о чем особенно беспокоиться: случилось то, что я предвидел, вот и все!

— Но, — сказал барон, — это ничего нам не объясняет.

— Вот вам в двух словах описание того, что произошло. Англичане, которым, конечно, очень интересно знать все, что у нас происходит, держат разведчиков на всем протяжении нашей границы. Несмотря на нашу

осторожность и все наши предосторожности, я был почти уверен, что нам не удастся пробраться за эту линию разведчиков без того, чтобы нас не заметили или, по крайней мере, не напали на наши следы. Так именно оно и случилось: один из разведчиков заметил нас и спустился с берега в воду, чтобы рассмотреть нас поближе. К несчастью для этого бедняги, и я и вождь

— оба были настороже... И вот в то время, как он смело приближался к нам, не подозревая опасности, он вдруг очутился лицом к лицу с вождем, который убил его без милосердия и, кроме того, снял с него скальп по обычаю краснокожих.

— Вот что значит быть слишком любопытным! — добавил он в заключение, смеясь.

— Гм! — произнес граф, — но если крик, изданный этим человеком, слышал кто-нибудь и еще, кроме нас?

— Этого нечего бояться.

— Почему?

— Потому что он был один.

— Вы в этом уверены?

— Совершенно. Этот индеец — делавар, а воины этого племени имеют обыкновение ходить в одиночку по тропинке войны, в особенности, когда дело касается засады.

— Хорошо! Я это допускаю, — сказал граф, — а теперь что вы намерены делать?

— То же, что мы делаем и сейчас и ничего другого: продолжать как можно быстрее наш путь водой.

— А если мы натолкнемся еще на неприятельских разведчиков?

— Тем хуже будет для них, но я не думаю, чтобы это случилось. Теперь мы находимся сравнительно в безопасности; линия эта пройдена, и было бы очень странно, если бы мы встретили здесь какого бы то ни было врага, белого или краснокожего.

Но тут судьба как бы пожелала дать охотнику урок и доказать, что он ошибается; в воде послышался довольно сильный шум на небольшом расстоянии впереди лодки.

— Э? — вскричал граф, — это еще что такое? Охотник прислушался всего одну или две секунды, а затем беспечно выпрямился и взглянул на индейца.

— Еще один враг, — отвечал тот.

— Ага! Значит, вы ошиблись? Вы сознаетесь?

— Вовсе нет, — смеясь, отвечал охотник, — этому врагу я могу

сказать только: добро пожаловать. Позвольте мне действовать по-своему.

— Сначала только объясните, в чем дело.

— Это бесполезно. Вы сами увидите все, что произойдет, подождите.

— В такую темноту мы все равно ничего не увидим, — заметил граф.

— Да имейте же терпение, господин Луи. Господи Батюшка, какой вы нетерпеливый! — возразил охотник.

— Не можем ли мы чем-нибудь помочь вам?

— Может быть, и понадобится! Во всяком случае, будьте готовы стрелять, как только я вам скажу. Если окажется необходимым, я рискну и на это.

— Но где? Как? Во что стрелять? В кого?

— Увидите, увидите! Согласны?

— Да, раз вы этого требуете! Ах! Вы ужасный человек!

— Спасибо, господин Луи, но только обещайте мне, что бы ни произошло, не стрелять без моего приказа. Гораздо лучше, если только возможно, избегать выстрелов, потому что звук их может привлечь таких посетителей, которым нам совсем нежелательно сообщать, где мы находимся в настоящую минуту.

— Согласен. Мы будем повиноваться вам и будем готовы стрелять по первому сигналу с вашей стороны.

— Отлично.

Во время этого разговора пирога не замедляла своего бега. Шум все усиливался и с каждой минутой слышался все ближе и ближе.

Тем временем канадец, видимо, находившийся не только в прекрасном, но даже в веселом настроении, раскрыл свою охотничью сумку и вытащил оттуда небольшое полено с кулак, а длиной около пятнадцати дюймов; это было так называемое гнилое дерево, которое индейцы называют околь.

Бержэ приладил полено на самом носу пироги.

Молодые люди внимательно следили за всеми этими приготовлениями, в которых они ровно ничего не понимали.

— Теперь будьте внимательнее, — сказал охотник, когда полено было крепко воткнуто в обшивку суденьшка.

— Внимательнее... в чем дело, старый охотник? — спросил барон.

— Следите внимательно за тем, что вы увидите сейчас, — отвечал охотник, высекая огонь и кладя на полено пучок пакли, пропитанной водкой, которая сейчас же вспыхнула ярко пылающим факелом.

Тогда над рекой протянулась широкая зона света, центр которой занимала пирога.

— Смотрите, — проговорил Бержэ, протягивая руку, — видите вы, вон

там?

— Э! — вскричал граф, — в самом деле... но что же это такое? Мне кажется, там как будто что-то ворочается... Но только понять не могу, что это такое?

— Это серый медведь переплывает через реку и больше ничего.

— Так, так, так! — промолвил барон, потирая руки, — мясо серых медведей, говорят, очень вкусно.

— Замечательно! Но сначала его надо убить.

— Это верно! Он, по-видимому, направляется в эту сторону. Посмотрите-ка, Бержэ.

— Обязательно, его тянет к свету.

— Это настоящее чудовище, — сказал граф, — посмотрите какая у него громадная голова!

— Серый медведь самое страшное животное в этих странах, — продолжал охотник, — когти его достигают иногда десяти и даже двенадцати дюймов длины. Сила его громадна, ловкость замечательна, а свирепость такова, что ягуары кажутся в сравнении с ним ягнятами.

— Гм! — сказал барон, — значит, это враг серьезный.

— И даже очень. Встреча с ним всегда оканчивается чьей-нибудь смертью. Если мы его не уьем, он сам нас уьет, предупреждаю вас.

— . Черт возьми! Его не следует упускать. Слышите вы там, молодцы?

Золотая Ветвь и Смелчак молча кивнули головой в знак согласия.

— Постараемся, — продолжал Бержэ. — Выслушайте теперь меня внимательно: самое большее через пять минут он уже будет возле нас. Когда он подплывет на протяжение руки, я рассеку ему голову топором.

— Хорошо! А если он не будет убит?

— Вы будете стрелять все вместе, не думая обо мне, иначе мы все погибнем. Старайтесь целиться ему в глаза, потому что пули расплющатся об его череп. Поняли вы меня?

— Вполне, а как же вы?

— Я сумею выпутаться из беды, будьте спокойны. Теперь молчите! Вот он подплывает.

Четыре француза зарядили ружья; индейский вождь продолжал грести, по-видимому, столь же спокойно, как если бы не случилось ничего особенного.

Бержэ с топором в руке стоял прямо и твердо на носу пироги.

Зверь был всего в нескольких футах от лодки.

Над водой видна была его огромная голова; глаза блестели во мраке точно два горящих угля, а кровавая пасть, вооруженная страшными зубами,

открывалась по временам, чтобы издать хриплый рык.

Одна минута протекла в страшной тревоге для французов. Бержэ, откинув назад верх туловища, приподняв над головой руку, вооруженную топором и выставив вперед правую ногу, спокойно ждал приближения зверя.

Индеец все продолжал грести, посматривая по временам на серого медведя без малейшего страха.

— Вперед! Немного правее! — крикнул охотник. Индеец слегка повернул пирогу.

В одну минуту одна из могучих лап свирепого зверя оперлась о край лодки и пригнула ее почти к уровню воды. Топор опустилсЯ вниз с быстротой молнии. Медведь издал ужасный рев, и пирога приподнялась.

— Можете спрятать ваши ружья, — спокойно сказал Бержэ, — голова его рассечена до глаз.

Медведь бился с ужасными хрипами в последних конвульсиях агонии, разбрасывая вокруг себя воду, которую он бил четырьмя гигантскими лапами.

Тонкий Слух тихонько скользнул в реку, приблизился к хрипевшему чудовищу, затянул ему обе задние лапы в мертвую петлю и, таща его таким образом за собой, медленно поплыл к берегу.

Пирога последовала за ним.

Соединенных усилий шести человек оказалось едва достаточно для того, чтобы притянуть к земле труп страшного зверя.

Это был один из самых крупных экземпляров; медведь весил около тысячи фунтов.

Индеец и охотник, как только зверя вытащили на землю, сочли своей обязанностью содрать с него шкуру, что они проделали с ловкостью и быстротой, свидетельствовавшими об известной опытности в этом деле; затем они обрезали все четыре лапы, считающиеся лакомым кушаньем, вырезали несколько фунтов филея, срезали весь жир, а остальное кинули в добычу хищным птицам.

— Вот теперь у нас есть чем позавтракать, — весело сказал охотник.

— Да, и, по-моему, завтрак будет на славу, — подтвердил барон.

— Какого вы мнения об этой дичи, господин Луи?

— Сказать вам правду, я прежде всего думаю, что это дичь очень крупных размеров и убить ее, как оказывается, довольно-таки трудно.

— Все зависит от того, как взяться за дело, — весело отвечал Бержэ.

— Во всяком случае, этот завтрак обошелся нам не без волнений.

Когда мясо и жир медведя были перенесены и тщательно уложены в

пирогу, путешественники заняли в ней прежние места.

Факел, в котором теперь уже не было надобности, потушили. Индеец и охотник снова взяли за весла, и пирога тронулась в путь.

— Скоро мы доберемся до места? — спросил граф.

— Через несколько минут мы войдем в реку, о которой я вам уже говорил, господин Луи, а затем не больше как через два часа мы будем у цели.

— Отлично. А затем?

— Путешествие по земле займет очень мало времени. Я ведь уже говорил вам, что вы доберетесь ко мне к рассвету.

— К восходу солнца?

— Да, господин Луи.

Послышались два вздоха удовольствия. Охотник с улыбкой повернул голову.

Это двое солдат дали невольную весточку о своем существовании.

Очевидно, несмотря на свое удовольствие, доставленное им встречей с серым медведем, они ощущали желание продолжать свое путешествие по твердой почве.

Граф де Виллье, разделяя их мнение, удовольствовался словами:

— Ну, приятель Бержэ... мы надеемся на Бога и на тебя!

— Послушайте, господин Луи! Вы, должно быть, забыли свое обещание обращаться со мной, как с другом вашего брата. Вы говорили мне «вы» всю дорогу.

И канадец стал грести быстрее и веселей.

Глава II. НОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Пирога, с самого выхода из бухты Мариго все время плывшая по середине реки, за исключением того времени, пока продолжалась охота на серого медведя, теперь взяла правее и приблизилась к берегу.

Часам к трем утра, как и предсказывал это канадец, она пристала к выдававшейся остроконечности в виде мыса, которая была совершенно лишена деревьев и растительности.

Путешественники вышли на берег с нескрываемой радостью.

Длинный и утомительный переезд в узком и неудобном суденышке ужасно их утомил.

Они стали ходить по берегу, чтобы восстановить в своих членах кровообращение, задержанное такой продолжительной неподвижностью.

Небо стало проясняться.

На горизонте показались бледные светлые полосы, верные предвестницы утренней зари.

— Прежде всего, вождь, — сказал Бержэ, — мы уберем пирогу в безопасное место.

Тонкий Слух, как и все индейцы, не принадлежал к числу людей болтливых и поэтому молча кивнул головой в знак согласия.

— Здесь? — спросил граф.

— Да, здесь.

— Это кажется мне довольно трудным.

— Совсем не так трудно, как вы думаете, господин Луи. Вы сейчас это, впрочем, увидите; мы спрячем ее таким образом, чтобы иметь возможность отыскать ее в случае надобности.

Прежде всего из пироги выгрузили все, что в ней находилось.

Различные предметы разделили на небольшого размера свертки и все это в строгом порядке разложили на берегу.

Затем индеец и канадец вытащили пирогу из воды, перевернули ее вверх дном и ловко подняли к себе на плечи.

Остальные забрали вещи и провизию, то есть все, что было сложено на берегу.

Затем тронулись в путь.

Не больше как через четверть часа они достигли опушки леса, куда повел всех индеец, служивший проводником; спутники его последовали за ним, и вскоре все шесть человек исчезли под лесистым сводом.

Лес этот, как это довольно часто встречается в Америке, состоял только из одного вида деревьев, большей частью очень старых, покрытых мхом, прозванным бородой испанца, который ниспадает длинными фестонами с оконечностей ветвей, связанных между собой непреодолимой густотой лиан.

Сначала казалось невозможным пробираться по этому лесу, — до такой степени был непроходим этот лес и так велики были встречавшиеся на каждом шагу препятствия.

Несмотря на это, благодаря ловкости обоих проводников, путникам довольно легко удавалось преодолевать все затруднения; каким-то непонятным, одним им известным способом, или, лучше сказать, инстинктом отыскивали они дорогу в этом хаосе.

Французы легко шли следом за проводниками по тропинке, проложенной хищными зверями, довольно-таки узкой и образовавшей бесконечные извилины, но все же такой, по которой можно было пройти без особого утомления.

Таким образом, путешественники достигли прогалины, образовавшейся от падения нескольких деревьев, свалившихся от ветхости.

Дойдя до этого места, проводники остановились.

— Отдохнем, — сказал Бержэ, сбрасывая пирогу на землю.

— Разве мы уже пришли? — спросил граф.

— Нет еще, господин Луи, но теперь уже недалеко осталось. С вашего позволения мы здесь позавтракаем! Смотрите! Начальник уже собирается разводить огонь, я помогу ему.

— Черт возьми! И мы тоже, — сказал Золотая Ветвь, — аппетит быстро растет во время таких прогулок! И хотя я и не могу считать себя особенно искусным поваром.

— А я когда-то даже учился этому и одно время служил поваром, — заметил Смельчак.

Солдат произнес это таким тоном, что все невольно рассмеялись, хотя им и было очень приятно слышать, что один из них обладает такими важными познаниями.

— Ну, когда так, скорей за дело! — весело сказал Бержэ — Я, прежде всего, припрячу пирогу в такое место, где нам нетрудно будет отыскать ее потом, если встретится в этом надобность, и где — я готов поспорить — ее не найдет уже никто...

И, оставив обоих солдат и вождя заниматься приготовлением завтрака, он направился к оконечности прогалины. Там он начал внимательно осматривать все деревья одно за другим.

Огромный лес, в котором находились в эту минуту шестеро путешественников, состоял, как мы уже говорили, из одной и той же породы деревьев, именно *cupressus disticha* — одной из самых замечательных древесных пород, свойственной Северной Америке и заслуживающей особого описания.

Cupressus disticha занимает первое место среди деревьев Нового Света и прежде всего заслуживает внимания своей гигантской высотой. Когда подойдешь к такому дереву, невольно восхищаешься этим прямым и оголенным стволом, который возносит чуть не до самого неба огромную вершину, тень от которой падает на землю, точно от облака, низко проносящегося над землей; его своеобразные листья не имеют себе подобных ни в одном лесу ни Старого, ни Нового Света.

Оно растет, обыкновенно, в воде или на местах низких, ровных, по соседству с озерами и большими реками и то только там, где эти земли большую часть года покрыты на два или на три фута водой.

Часть ствола, погруженная в воду, и та часть, которая превышает ее на четыре или на пять футов, поддерживается отростками или подпорками.

Эти столбы называют стропильными козлами.

Когда дерево достигло полного развития, эти отростки раскидываются во все стороны, оставляя между собой пространства достаточно широкие для того, чтобы несколько человек могли свободно в них спрятаться.

Каждый из пилястров оканчивается под землей большим и крепким корнем.

Корень этот растет криво и разделяется и разветвляется во всех направлениях в слое земли, находящемся непосредственно под водой.

Из этих корней образуются деревянные конусы, высотой от четырех до шести футов и от шести дюймов до двух футов в диаметре у основания. Большие конусы внутри обычно пусты. Индейцы делают из них ульи для пчел.

Часть дерева, достигающая почти высоты пилястров, тоже пуста внутри.

Но тут уже природа дерева точно изменяется.

Оно поднимается прямо, как мраморная колонна, на восемьдесят или девяносто футов над поверхностью земли.

Затем дерево разветвляется, раскидывается направо и налево, словом, во всех направлениях как бы затем, чтобы там образовать плоскую вершину, горизонтальную как балдахин, в котором орлы вьют свои гнезда и где иногда отдыхают журавли и аисты. Что еще более прибавляет странной красоты этим деревьям, так это длинные перевязи крупных мхов, которые

ниспадают с их высоких ветвей и развеваются по ветру.

Никакое перо не в состоянии описать всю прелесть этого леса, состоящего исключительно из этих великолепных гигантов растительного царства!

Граф де Виллье и его друг, которые впервые со дня прибытия своего в Америку находились среди настоящих пустынь, еще не изуродованных рукой человека, с восторгом любовались красотами девственного леса. Граф де Виллье и барон де Гриньи с любопытством следили за всем, что делал канадец, которому удалось спрятать с необычайной ловкостью свою пирогу в пустом стволе одного дерева и так хорошо скрыть свой тайник, что, не зная, никому не удалось бы ее открыть; следуя за канадцем, оба друга незаметно для самих себя приблизились к опушке прогалины Голос Бержэ и заставил их сразу остановиться.

— Эй! — крикнул им охотник, подбегая к молодым людям, — но ни одного шага дальше в эту сторону, господа, если вы дорожите жизнью!

— Что это значит? — спросили они с удивлением, — разве нам грозит опасность? И неужели она так велика, что...

— Ужасна, громадна! Мы стоим на болоте. За этой прогалиной, образующей нечто вроде почти отвесного холма, за исключением больших жаров, вы рискуете попасть в яму глубиной от девяти до двенадцати футов по меньшей мере, где вас в одну минуту задушат грязь и тина, эта густая и зеленая трава, которую вы видите вокруг себя, скрывает от глаз жидкую грязь. Вот смотрите. С этими словами канадец взял жердь, нагнулся над болотом и слегка воткнул ее в траву. Палка начала колебаться то вправо, то влево, затем, точно повинувшись какой-то таинственной и непреодолимой силе, постепенно стала погружаться и, наконец, через несколько минут совершенно исчезла, — а она была длиной более пятнадцати футов.

— Вот видите, — спокойно сказал охотник.

— Да! — отвечал барон бледнея, — это ужасно... если бы вы не остановили нас вовремя...

— А что, это болото тянется очень далеко? — спросил граф.

— Миль на двадцать, а может быть, и больше, никто этого не знает.

— Как же это могло прийти вам в голову, друг мой, — продолжал граф, — заставить нас идти по такой опасной дороге?

— А потому, что это единственная дорога, по которой можно добраться к тому месту, куда я вас веду, деревня, где я живу, окружена с трех сторон этим болотом. Впрочем, со мной вам тут не грозит никакая опасность.

— Да, это правда! Идем завтракать. Там, по-видимому, только нас и

ждут.

Индейский вождь и оба его помощника показали себя настоящими мастерами своего дела, и завтрак был готов даже раньше, чем рассчитывали. Само собой разумеется, что он главным образом состоял из того, что дала охота на медведя: медвежьи лапы, печенные в золе, и кусок хорошо прожаренного филея; затем, так сказать, уже от себя, путешественники прибавили ямс, хлеб и две тыквенные бутылки с вином и водкой.

Продолжительное путешествие не могло, конечно, не оказать влияния на аппетит путешественников.

Все уселись в кружок на траву, и каждый, выбрав казавшийся ему наиболее лакомым кусок, принялся работать зубами с усердием, которое подавало надежду, что от завтрака не останется ничего.

В то время, пока путешественники завтракали, взошло солнце.

Пейзаж тотчас же изменился.

Он предстал пред ними в такой красоте, что французы, не успевшие еще свыкнуться с красотами американской природы, то и дело вскрикивали от восторга.

Солнечные лучи обливали прогалину потоками света.

Взор блуждал по неизмеримым излучинам величественных вековых деревьев, густолиственные вершины которых образовывали громадный купол зелени.

С рассветом пробуждались и птицы, и в лесу начался веселый концерт.

Попугаи с громкими криками порхали с одного дерева на другое.

Серые векши и опоссумы перепрыгивали с ветки на ветку.

На холме, казавшемся путешественникам молчаливым, хмурым и грустным несколько минут тому назад, теперь все жило, расцветало и дышало всеми своими гигантскими порами, сияло величием и красотой под благодетельным влиянием лучезарного света.

Это было восхитительное зрелище.

В ту минуту, когда путешественники оканчивали свою трапезу, на недалеком расстоянии послышался крик водяного голубятника.

Граф поднял голову.

— На что вы смотрите? — спросил его Бержэ.

— Я ищу птицу, которая сейчас кричала.

— Это водяной голубятник, он наш друг, — ответил охотник. И вслед затем сам стал подражать крику той же птицы и делал это с таким совершенством, что молодой человек машинально обернулся.

— Э! — вскричал он в изумлении, — это еще что такое?

В ту же минуту отряд из пятидесяти воинов вышел на прогалину по тропинке, противоположной той, по которой прибыли путешественники.

— Это друзья, — отвечал Бержэ, вставая, — индейцы и лесные бродяги, они вышли к нам навстречу. Они же и дали о себе знать нам криком, который вы слышали.

— Добро пожаловать! — весело сказал молодой человек.

Все встали, чтобы приветствовать прибывших, которые, в свою очередь, остановились на опушке прогалины.

Они неподвижно стояли, каждый на своем месте, и ждали, пока с ними заговорят.

Это были все сильные здоровые люди, большей частью средних лет, с гордыми и энергичными лицами. Если не считать бороды, которую носили некоторые из лесных бродяг, да длинных белокурых волос, ниспадавших густыми прядями им на плечи, между ними и индейцами не было почти никакого различия: тот же цвет кожи, похожий на жженный кирпич, тот же самый охотничий костюм, — словом, издали было очень трудно отличить бледнолицых от краснокожих.

По знаку Бержэ новоприбывшие разделились на два почти одинаковых отряда: Тонкий Слух стал во главе первого, а канадец стал впереди второго отряда.

Тогда вождь подошел к графу и по индейскому обычаю сжал ему левую руку правой.

— Вот ты, наконец, и пришел (обычная формула приветия). — Вот мои дети, это Гуроны озер; они любят своего белого деда. По моему приглашению они пришли к тебе, ты можешь располагать ими по своему желанию для службы нашего белого деда. Это самые знаменитые воины моего племени; руки их крепки, сердце мужественно, язык их не лжив, а глаза их видят ночью так же хорошо, как и днем.

— Благодарю вас, вождь, — ответил граф, — за то, что вы привели сюда ваших воинов, они будут жить возле нас. С их помощью и пользуясь вашими советами, я надеюсь, что нам удастся счастливо исполнить приказания нашего белого деда; он любит своих индейских детей и желает им счастья.

Бержэ переводил эту речь индейцам по мере того, как она произносилась, равно как он же служил переводчиком и для Тонкого Слуха, потому что вождь, хотя и понимал по-французски и даже говорил немного на этом языке, но познания его были все-таки недостаточны для того, чтобы он мог произнести целую речь.

Индейцы почтительно поклонились и, в знак удовольствия, дважды

огласили глубокие своды леса дикими звуками их ужасного воинственного клича.

Затем граф повернулся к лесным бродягам.

— Товарищи, — сказал он, приветствуя их, — нам с вами нет надобности объясняться через переводчика. Мы дети одной родины, все равно, что братья. Родились ли мы по ту или по эту сторону океана, канадцы мы или европейцы — мы все сыновья одной матери, той французской нации, благородные традиции которой вы так хорошо представляете в Америке. Я не только надеюсь, но даже уверен, что вы мне поможете победить нашего общего врага. Вы же, со своей стороны, можете быть уверены, что я поведу вас только туда, куда этого потребует честь Франции!

— Да здравствует Франция! Да здравствует король! Смерть англичанам! — закричали канадцы громовым голосом, с энтузиазмом потрясая своим оружием.

— Да, друзья мои, да здравствует король! Да здравствует Франция! — повторил граф, махая шляпой.

Когда крики, наконец, умолкли и снова наступила тишина, граф продолжал

— Возложенное на нас поручение вполне достойно и вашей храбрости, и вашей опытности. Нам придется преодолевать всевозможные препятствия и затруднения, вести опасную борьбу, но с вашей помощью и пользуясь советами Бержэ, испытанная храбрость которого мне известна, я не сомневаюсь в том, что успех увенчает мои усилия.

— Наша честь повелевает нам помогать вам всеми нашими силами, господин Луи, — сказал охотник, — будьте уверены, что мы свято исполним наш долг

— Я это знаю и вперед вас за это благодарю; вы поступили вполне разумно, Бержэ, назначив нашим друзьям свидание вдали от всякого нескромного взора. Теперь, после того как мы объяснились и условились относительно нашего дальнейшего образа действий, нам нечего уже бояться шпионов со стороны наших врагов и можно будет отправиться, как только будут окончены все необходимые приготовления.

— Господин Луи, я счел себя обязанным в интересах экспедиции, а также для того, чтобы мы не пошли по ложному следу, отправить одного из наших наиболее ловких разведчиков на поиски англичан; он ушел еще вчера с восходом солнца и отсутствие его не может быть продолжительным. По-моему, нам следовало бы подождать его возвращения, прежде чем принимать какое бы то ни было определенное решение. Я почти уверен, что он принесет нам известия о тех, кого мы

хотим захватить врасплох.

— Я вполне разделяю ваше мнение и поздравляю вас, друг мой, с прекрасной мыслью отправить этого разведчика... А что же мы будем делать тем временем, чтобы не навлекать на себя подозрений?

— То, что и было решено вначале, господин Луи, — мы будем охотиться, впрочем, ни один шпион не посмеет проникнуть сюда к нам, потому что мы все друг друга знаем, а шпион будет тотчас же открыт и повешен!

— Это верно! А теперь, раз тут нас больше ничто не удерживает, мне кажется, нам можно было бы направиться и к вашей деревушке

— Да, тем более что нас там ждут с нетерпением мы даже несколько запоздали.

— Ну, так с Богом в путь!

Несколько минут спустя оба отряда, слившиеся теперь в один, покинули прогалину и снова углубились в лес по тропинке, по которой прибыли лесные бродяги, единственной проходимой через болота

Глава III. МНОГО СОБЫТИЙ В ТЕЧЕНИЕ КОРОТКОГО ВРЕМЕНИ

Теперь нам следует вернуться к капитану дону Паламэду Бернардо де Бивар и Карпио. Его рыцарская и корыстолюбивая особа была покинута, как помнит читатель, умирающей на окровавленной траве.

Хотя смерть его была больше чем вероятна и хотя достойный капитан не мог сам изменить ни позы, ни места, однако, прибыв на место поединка, граф де Виллье в сопровождении своего друга, барона де Гриньи, не нашел там ни раненого, ни умирающего. А, между тем, прогалина все еще сохраняла следы ожесточенной борьбы противников.

Вот что произошло в отсутствие графа.

Капитан, обессилев от потери крови, потерял сознание и лишился чувств.

Несчастный лежал уже несколько минут без движения; он, без сомнения, незаметно для самого себя был уж на пути от жизни к смерти, как вдруг, к счастью для него, потому ли, что Провидение как-то особенно заботилось о его драгоценном существовании или же, что более вероятно, случайно-на прогалине появились три всадника.

Двое из этих всадников, по своим богатым и изящного вкуса костюмам, по-видимому, принадлежали к высшему классу общества: они носили шпагу, что с первого же взгляда заставляло признать в них особ благородных. Они были очень молоды; по лицу старшего ему нельзя было дать больше двадцати лет.

Третий всадник был человек с мужественными, энергичными и умными чертами лица; его черные глаза, полные огня, придавали его характерному лицу выражение решимости. Черная и густая борода покрывала весь его подбородок. Ему было самое большее тридцать лет; роста он был высокого, стройный, мощно сложенный и в то же время не лишенный в известной степени и грации, хотя это понятие не совсем применимо к мужчине.

Костюм его, чрезвычайно простой, совершенно черный и без вышивок, был костюмом доверенного слуги. Он носил на боку охотничий нож на широком поясе из толстой кожи, а рукоятки двух длинных пистолетов торчали в кобурах его седла.

Выехав на прогалину, трое всадников остановились и бросили вокруг

себя беспокойный взгляд.

— Что это значит? — вскричал младший из них, указывая своей кокетливо затянутой в перчатку рукой на распростертое на земле тело.

— Э! — отвечал тот, который имел вид слуги, — это, по всей вероятности, труп.

— Вы думаете, Андрэ, что этот несчастный умер? — спросил молодой путешественник.

— Я не могу вам сказать этого точно, но, если госпожа маркиза желает, в этом нетрудно и удостовериться.

— Да, пожалуйста, узнайте, Андрэ, не ошиблись ли вы, — отвечал тот из всадников, которого слуга величал маркизой, и затем добавил сердитым тоном: — Раз и навсегда прошу вас помнить, что меня не следует называть ни госпожой, ни маркизой. Зачем же стала бы я тогда переодеваться, если вы станете таким образом, точно нарочно, как будто желая доставить себе удовольствие, каждую минуту объяснять, кто я в действительности? Следите за собой и за своим языком.

Андрэ опустил голову, ни слова не ответив на этот выговор, и приблизился к лежащему на земле человеку, которого он считал мертвым. Остальные два всадника оставались на том же месте, может быть, потому, что не придавали особенной важности этому инциденту, а может быть, и потому, что не желали близко видеть труп.

Между тем, Андрэ соскочил на землю, нагнулся над телом и перевернул его. Дон Паламэд лежал в траве вниз лицом.

Вдруг слуга выпрямился с криком удивления.

— Что там еще? — насмешливо спросил старший из всадников. — Разве покойник был вашим врагом, Андрэ?

— Нет, сударь.

— Он не укусил вас?

— Этот несчастный еще долгое время не будет в состоянии пользоваться тем, что некогда называл своими челюстями.

— Тогда что же значит ваш крик?.. Ваше удивление?

— Знаете ли вы, господа, кто такой этот несчастный, с которым так дурно поступили?

— Нет, да и не желаем особенно этого знать.

— А между тем, вам следовало бы им заняться, или же позвольте мне позаботиться о нем.

— А почему?

— Да потому, что мне кажется, что он еще дышит.

— Если он и дышит, то так незаметно, что ей-ей об этом не стоит и

говорить, — заметил младший из всадников.

— Но... Андрэ прав, — сказал старший, — не можем же мы оставить этого несчастного без помощи... я узнаю его.

— Кто это? — спросил маркиз или маркиза.

— Ах! — отвечал старший с легким оттенком иронии. — Мы только что начинаем компанию и уже успели потерять одного из самых надежных наших бойцов. Этот человек, которого ты видишь распростертым на земле, — наш храбрый рубака, неустрашимый капитан Паламэд.

— И правда...

— Черт с ним, с этим негодяем! Этот испанец оказался просто-напросто жалким хвастуном. Так вот какой прекрасный результат дало его бахвальство!

— Тут нашла коса на камень, — сентенциозно заметил слуга всадников.

— Совершенно справедливо! В особенности на этот раз. Ей Богу! Славные удары шпаги. Потомок Сида весь исколот. Посмотрите-ка на его раны, Камилла.

— Я узнаю и угадываю руку, нанесшую эти удары, — отвечала Камилла с жестом ненависти и гнева. — Однако для нас утешительного тут мало.

— Ты уже колеблешься? Может быть, ты уже подумываешь о возвращении назад?

— вскричал старший из всадников с таким выражением, в котором надежда смешивалась с разочарованием.

— Вовсе нет! Но мщение наше придется отложить.

— Тем лучше!

— Почему же тем лучше? Я не понимаю тебя, Луиза.

— Не Луиза, а Луи, с твоего позволения, — возразил, улыбаясь, другой всадник. — Я вовсе не говорю о случившемся и просто потому, что, по моему мнению, маркиза де Буа-Траси и графиня де Малеваль не могут удовлетвориться такой обыкновенной мезьей. Подослать убийцу к изменившему им человеку, это недостойно нас! Для женщин, которых я только что назвал, это даже унижительно и не может дать полного удовлетворения!

Графиня опустила голову, не отвечая на слова маркизы.

Раз переодетые, дамы нашли возможным сами раскрыть свое инкогнито, мы не видим никакого неудобства последовать их примеру.

Маркиза продолжала через минуту:

— Очевидно, нам придется поискать лучшего, и мы найдем лучшее с

Божьей помощью.

— В Писании сказано: «Ищите и обряцете», — иронически заметила графиня, — поступим же и мы так, как учит Евангелие!

— В добрый час! Мне нравится, когда ты говоришь так. Во время этой беседы Андрэ, молочный брат маркизы, деятельно старался оказать посильную помощь капитану, раны которого он даже обмыл с грехом пополам.

Несмотря на это, раненый все еще не подавал ни малейших признаков жизни.

— Что нам делать с этим негодяем? — спросил слуга.

— Гм! — протянула маркиза, — он, по-видимому, очень болен.

— Оно и на самом деле так; однако, я думаю, что благодаря моему умению распознавать раны я могу поручиться за то, что положение его не совсем уж безнадежно. Потеря крови причинила обморок, но ни один важный орган не задет и не поврежден

— Мы ведь здесь в пустыне, — заметила графиня.

— Вдали от всякого жилья, — с намерением подчеркнула маркиза. — Малейшая потеря времени может сделаться для нас губительной.

— Так предоставим же его собственной судьбе, — сказал Андрэ

— Это будет, пожалуй, самое лучшее, что мы можем для него сделать.

— Река течет всего в двух шагах отсюда. Андрэ многозначительно посмотрел на обеих дам.

— Огио быстра и глубока, господа... Как прикажете мне поступить с ним! Я исполню ваше приказание.

— Он дал себя убить, как дурак, тем хуже для него! Он ни на что ненужный жалкий хвостун!

— А потому... — продолжал Андрэ, делая многозначительный жест.

— Мертвые не болтают! — продолжала маркиза, отворачиваясь.

— Хорошо, — холодно отвечал молодой человек. Затем он нагнулся и поднял тело на руки.

Обе дамы разговаривали между собой и, казалось, нисколько не занимались происходившим.

Андрэ, как мешок, перекинул тело поперек седла своей лошади.

Капитан сделал легкое движение и вздохнул.

Андрэ остановился.

— Ну? — спросила его маркиза.

— Он приходит в сознание.

— Одной причиной больше для того, чтобы поторопиться. По одному тому, как хладнокровно произнесла маркиза эти слова, можно было

представить себе, какого опасного врага имел в ней граф де Виллье.

Андрэ поклонился и собрался уезжать с прогалины. Вдруг кусты раздвинулись, и показался человек не больше как в десяти шагах от путешественников.

У этого человека со свирепым лицом, в беспорядочной одежде, за поясом была заткнута пара длинных пистолетов и охотничий нож, а в руке он держал ружье.

При виде его обе дамы сделали испуганные движения, а Андрэ быстро стал перед ними для того, чтобы их защитить.

Незнакомец поставил на землю приклад своего ружья и, устремив мрачный взгляд на группу из двух дам и их слуги, проговорил с насмешкой:

— Я, по-видимому, попал как раз вовремя!

— Что вам от нас нужно? — спросил Андрэ, стараясь казаться совершенно спокойным и не выдать своего волнения и испуга.

— Черт возьми! Если я не ошибаюсь, здесь можно заработать деньжонок... Я требую свою долю, вот и все!

— Что нужно от нас этому олуху? — вскричала с гневом маркиза.

Она сумела победить в себе первое движение женской слабости.

— Потише, прекрасный молодой человек, — холодно возразил незнакомец, — не кричите, пожалуйста! Давайте лучше потолкуем миролюбиво; мне кажется, что это будет гораздо лучше для всех нас, в особенности же для вас!

— Я вас не понимаю, — высокомерно возразила маркиза

— За мной остановки не будет, молодой господин, я сейчас вам все объясню... Впрочем, я и явился сюда именно за этим.

— Прежде всего, кто вы такой? — сказала маркиза, успевшая вернуть себе все свое хладнокровие и твердость.

— Кто я такой? Объяснять это мне пришлось бы вам слишком долго. Кроме того, для вас это и не может представлять никакого интереса. В настоящую минуту вам достаточно знать, что я человек, не знающий ни упреков совести, ни страха и вообще одинаково способный на многое как дурное, так и хорошее.

— Словом, — перебила его маркиза, — человек, который может сделать все что угодно за хорошую плату.

— Именно, — ответил незнакомец совершенно спокойно, — вы угадали.

— Прекрасно. Но все это не объясняет нам ваших намерений.

— Значит, вы не хотите их понимать? Если слух не обманул меня, потому что я слышал весь ваш разговор, — он с намерением сделал

ударение на последних словах, — я мог бы, если мы пойдем друг друга, оказать вам некоторые услуги; я ведь без предрассудков... на известных, конечно, условиях... Я хорошо знаю все тропинки в этой стране, в особенности же те, о которых и понятия не имеют обыкновенные проводники.

Из этого ружья я за шестьдесят шагов всаживаю пулю в глаз ягуара; я знаю, где находятся укромные местечки, куда можно прятать на время или навсегда различные ненужные больше вещи, какого бы вида эти вещи ни были, и при этом могу поручиться, что их никто и никогда не найдет без меня.

— Прекрасно! И это все?

— Почти, я обладаю, кроме того, двумя прекрасными качествами.

— Посмотрим, каковы они.

— Я верен и нем; только два эти качества стоят дорого тому, кто пожелал бы ими воспользоваться.

— Я это понимаю, — смеясь сказала маркиза. — Итак?..

— Итак, судите сами, гожусь я вам или нет?

— Может быть.

Графиня и Андрэ оставляли до сих пор на долю маркизы заботу поддерживать этот разговор.

Обе дамы шепотом поговорили между собой несколько минут, в то время как незнакомец, все еще опираясь о свое ружье, насмешливо посматривал на них.

Затем маркиза сказала, обращаясь к незнакомцу:

— Можете вы взять на себя попечение об этом раненом и вылечить его?

— Разве вы действительно хотите, чтобы он выздоровел?

— К чему этот вопрос?

— Потому что недавно у вас, по-видимому, было совсем иное намерение, совсем иное желание.

— Очень может быть; а теперь я другого мнения.

— Хорошо, он выздоровеет.

— И вы будете молчать?

— Буду молчать, идет!

— Отлично! Возьмите этот кошелек.

И она протянула тяжелый кошелек незнакомцу, который сначала прикинул его на руке, а затем опустил в свой широкий карман с выражением удовольствия.

«Прекрасно! — прошептала маркиза, внимательно следившая за этим

маневром.

— Он корыстолюбив, и, благодаря этому, будет в моих руках!».

— Это все? — спросил незнакомец.

— Нет еще.

— Что вам еще нужно?

— Ваше имя.

— У меня его нет, по крайней мере, моего имени здесь никто не знает.

— Как же тогда называют вас люди, имеющие с вами дела?

— Меня называют Изгнанником.

— Изгнанник! Теперь я буду помнить. Когда я могу вас видеть, если вы мне понадобится?

— Когда пожелаете.

— Где же?

— Где хотите.

— Гм! Мне это не совсем понятно, — проговорила графиня де

Малеваль.

— Я не могу отвечать иначе.

— Однако, живете же вы ведь где-нибудь в лесу?

— Очень возможно.

— Где же вы живете?

— Этого я не могу сказать... не могу и не хочу.

— А почему?

— Потому что не хочу, чтобы ко мне ходили.

— Однако, как же увидеть вас, когда вы будете нужны?

— Меня можно найти.

— Но где же найти вас?

— Везде!

— Мы играем с вами в загадки.

— Ничуть. Скажите мне, где и когда вы желаете меня видеть, и я буду находиться в условленный час в указанном месте.

— Хорошо! Будьте здесь, где мы сейчас находимся, завтра в полдень.

— Хорошо! В полдень я буду ждать вас здесь.

— Вы сообщите мне, как будет чувствовать себя этот несчастный.

— Это решено.

— Но как же вы дотащите его, ведь вы пешком.

— Об этом не беспокойтесь, я его увезу.

— Однако...

— Вы хотите это знать?

— Да.

— Тогда подождите.

Незнакомец свистнул как-то особенно.

Через две или три минуты послышался лошадиный галоп, кусты раздвинулись, и почти тотчас же на прогалину выскочила великолепная лошадь и стала тереть свою изящную и умную голову о плечо Изгнанника.

— Вот, — сказал последний, — вы теперь довольны?

— Совершенно!

— В таком случае, милейший, — сказал он, обращаясь к Андрэ, — передайте мне раненого, он ничего не потеряет от этой перемены.

Последний повиновался.

Изгнанник прыгнул в седло и поместил капитана перед собою.

— Готово, — сказал он.

— Завтра в полдень, — напомнила ему маркиза.

— Я приду.

— Прощайте!

Затем трое всадников удалились с прогалины, и звук копыт их лошадей скоро замер в отдалении.

Изгнанник оставался неподвижно на месте, устремив глаза в ту сторону, где исчезли путешественники.

Когда он, наконец, уверился, что он один, выражение его лица мгновенно изменилось.

Бедняжка! — сказал он, — я как раз вовремя явился к нему на помощь. Еще несколько минут, и он погиб бы! Это человек, и было время, когда он оказал мне услугу. Я не мог оставить его умирать как собаку.

Затем он тронулся в путь.

— Кто эти женщины? Что им надо? — продолжал он через минуту. — Несмотря на их переодевание, я сразу узнал, что они важные дамы! Тут есть тайна, и я открою ее!

В эту минуту он пробирался вдоль берегов Огио.

— Ах! Это золото, — прошептал он, — не знаю почему, но мне кажется, что оно жжет? Освободимся от него!

И он, который перед маркизой и ее приятельницей так хорошо разыграл корыстолюбивого человека, вынул из кармана кошелек, данный ему маркизой, и швырнул его в реку.

Минуту спустя этот странный бандит свернул на узкую тропинку, вившуюся змейкой между деревьями, и углубился в лес.

Едва он исчез, увозя свою ношу, как два человека вступили на прогалину, где произошло столько событий в такое короткое время.

Эти два человека были граф де Виллье и барон де Гриньи.

Идя из форта Дюкэна, они все время следовали вдоль берега реки.

Благодаря этому они и не встретили ни переодетых женщин в сопровождении слуги, ни Изгнанника, и не узнали, какая судьба постигла раненого капитана.

Глава IV. ЗМЕЯ

Изгнанник, которого мы будем продолжать называть этим именем до того дня, когда нам удастся открыть его тайну, увез на своем коне знатного испанского идадьго дона Паламэда и Карпио.

Старик своим появлением, по всей вероятности, избавил благородного идадьго от смерти: или от удара кинжалом в сердце, или же от купанья в бурливых водах Огио.

Проехав около десяти минут вдоль опушки леса, Изгнанник, вместо того, чтобы повернуть на дорогу, которая вела к его хижине, свернул вправо и направился по едва заметной тропинке, бесчисленные излучины которой, казалось, шли все по одному и тому же месту, — до такой степени они перепутывались между собой. Всадник не жалел шпор, и лошадь неслась быстрым галопом; раненый, казалось, не чувствовал толчков и не открывал глаз; лицо его было все такое же бледное и так же мертвенно-неподвижное. И только нервные судороги, которые по временам пробегали по всему его телу и заставляли его подсакивать, одни лишь они служили доказательством, что жизнь еще теплилась в этом теле.

Изгнанник довольно часто глядел на него со смесью грусти, жалости и иронии. При этом он ворчал себе под нос:

— Бедняга! Какая это шпага могла нанести ему такие жестокие удары? Если мне удастся его спасти, он будет иметь право хвалиться, что видел смерть очень близко. Я спасу его, — добавил он через минуту, — так надо! Он будет служить нам, сам того не сознавая!

При этом лицо его принимало выражение непреклонной решимости, которая, наверное, заставила бы порядком призадуматься французских дам, если бы они могли его видеть.

После довольно продолжительной езды по лесам, продолжавшейся не меньше часа, Изгнанник достиг, наконец, такого места, где лесная чаща была до такой степени густа и запутана лианами, растениями и кустарником, что становилось положительно невозможным продвигаться дальше верхом; даже пешеходу и тому удалось бы продолжить путь сквозь эту непроходимую чащу лишь ценой невероятных усилий.

Над этим местом, мрачным и таинственным, которое, казалось, могло служить только логовищем хищным животным, следы которых виднелись на каждом шагу, возвышался гигантский тагпеу; дерево это казалось просто огромным по сравнению с другими деревьями и, простирая могучие

ветви по всем направлениям, оно покрывало своею тенью значительное пространство.

Ствол этого лесного гиганта имел около двенадцати метров в окружности.

Изгнанник остановился в нескольких шагах от дерева-гиганта, бросил кругом себя подозрительный взгляд и, убедившись, что все спокойно вблизи того места, где он находился, поднес руку ко рту и два раза подал сигнал, подражая крику голубятника.

Почти в ту же минуту в ответ ему послышался тот же крик, а затем хриплый голос, по-видимому, вырывавшийся из самой чащи кустарника, плотного как стена, спросил угрюмо:

— Это вы, хозяин?

— Да, это я, — отвечал Изгнанник, по-видимому несколько не удивившись вопросу невидимого своего собеседника.

— Как вы поздно приехали, хозяин.

— Меня задержали!

— Да, — продолжал голос, — и кроме того вы подобрали кое-что по дороге, Жан-Поль.

— Это полумертвый раненый, которого я не позволил окончательно добить, — отвечал тот, которого из чащи называли именем Жан-Поля. — Эй, старый барсук, выходи поскорей из твоего логовища, мне нужна твоя помощь.

— Странная мысль пришла вам в голову! — проворчал невидимый собеседник, — значит, теперь волки покровительствуют ягнятам! Свет перевернулся вверх ногами.

Жан-Поль стал смеяться.

— Хорош ягненок нечего сказать! Ты его увидишь. Ну, мне надоело слушать твои вечные жалобы и, кроме того, у меня нет времени ждать, пока изменится расположение твоего духа. Ну, Змея, ползи ко мне!

— Черт возьми! Разумеется, я должен выйти, раз вы этого требуете, — проворчал тот, кого назвали Змеей, все еще не показываясь. — Разве я не делаю всегда того, что вы мне приказываете?

— Если это так, чего же ради ты так долго не идешь?

— Хорошо, хорошо, иду, черт возьми. Нечего вам так сердиться.

— Я не сержусь, а просто у меня нет времени ждать, и на это я имею право, надеюсь.

— Ну, да! Недоставало еще того, чтобы вы стали теперь делать мне упреки! Чего доброго, это может заставить меня ползти поскорей!

Жан-Поль, раз уже мы теперь знаем его имя, ограничился тем, что

молча пожал плечами.

В эту минуту послышался довольно сильный треск в сплошной стене лиан, казавшейся непроходимой.

Ветви раздвинулись направо и налево, давая проход человеку, которого Изгнанник ожидал с таким нетерпением и который выходил из своего убежища с такой неохотой.

Это был человек очень высокого роста, но зато необычайно худой. Его маленькая голова, украшенная целым лесом красно-рыжих волос, закрывавших ему лоб почти до самых бровей, сидела на длинной и тонкой шее; угловатые черты его лица носили выражение коварства, становившегося еще заметнее благодаря блеску подвижных навывкате, серых глаз.

На вид ему можно было дать лет сорок. Все его движения странным образом оправдывали данное ему прозвище змеи.

Он, казалось, не ходил, а ползал и скользил по земле, как настоящая змея.

Чтобы еще более дополнить сходство этого человека с пресмыкающимися, его кости при каждом движении издавали сухой звук, похожий во всем на звук колец гремучей змеи.

Это болезненное явление, происходившее от слишком большой сухости костей, сильно огорчало беднягу, потому что очень часто, особенно в тех случаях, когда он желал проскользнуть незамеченным, выдавало его присутствие его врагам.

Несмотря на такую скелетообразную худобу, его мускулы, твердые как железо, свидетельствовали о замечательной силе, которая, благодаря редкой ловкости, делала его во всех отношениях чрезвычайно опасным противником для тех, кого злосчастная судьба приводила к ссоре с ним.

Одет он был почти так же, как Изгнанник, с той единственной разницей, что одежда сидела на нем как мешок. В заключение остается только добавить, что он был вооружен с головы до ног.

Проскользнув в раздвинутые ветви лиан, бросая, вследствие долгой привычки к осторожности, вопросительные взгляды вокруг себя, он продвинулся вперед и, остановившись перед всадником, поклонился ему не только вежливо, но даже довольно почтительно.

— Вот и я, — сказал он, — что вам от меня нужно?

— Наконец-то, ты решился послушаться меня, — отвечал Изгнанник, — возьми этого человека и отнеси его в твою хижину; главным образом, старайся трясти его как можно меньше; повторяю тебе, что он ранен и очень серьезно.

— Вот еще! Что же мне теперь сиделкой сделаться, что ли?

Черт бы побрал этого негодяя... Странные у вас бывают иногда мысли, хозяин!

Несмотря на это, Змея повиновался, но вдруг он вскрикнул от удивления и, вместо того, чтобы удалиться со своею ношей, остановился неподвижно.

— Э! — вскричал он, — кого же это, однако, нам черт принес?

— Значит, ты его узнал?

— Клянусь Богом! Надо быть слепым, чтобы не узнать его даже в таком, нельзя сказать, чтобы особенно блестящем виде.

— Ты и теперь будешь упрекать меня за то, что я его спас?

— Кто же его знает? Может быть, вы сделали хорошо, а может быть, и дурно! В прежние времена он был очень и очень плохим товарищем; я довольно-таки долго пожил с ним и успел подметить все особенности его скверного характера!

— Все-таки давай сначала вылечим его, а там видно будет.

— Это верно, — сказал Змея с печальной улыбкой — мы сумеем в любую минуту отделаться от него, если он станет нам мешать, я беру это на себя!

— Разумеется! Хотя не знаю почему, но мне кажется, что нам не придется прибегать к этому. Он еще нам пригодится, ты увидишь!

— Это уж ваше дело. А теперь?

— Неси его в хижину и постарайся хорошенько заботиться о нем! — приказал Изгнанник, спрыгивая с лошади на землю. — Никогда не надо делать дело наполовину.

— Но, — возразил опять Змея, — присутствие здесь этого человека расстраивает все наши планы.

Жан-Поль улыбнулся со странным выражением и, положив тихонько руку на плечо своего товарища, сказал ему:

— Делай то, что я тебе говорю, и не беспокойся об остальном; я беру на себя ответственность за все, что может случиться. Не бойся ничего.

— Если так, то мне больше не о чем говорить, — ответил Змея, делая утвердительный жест.

Затем, поправив как следует свою ношу, Змея направился к себе в хижину той же дорогой сквозь лианы.

Изгнанник смело последовал за ним, ведя свою лошадь на поводу.

Люди и животное шли по этому лабиринту с закрытыми глазами.

Немного погодя они очутились в обширном зеленом зале, закрытом со всех сторон стенами из лиан. Лианы эти были так перепутаны и

пересекались таким густым колючим кустарником, что, как только Изгнанник соединил ветви, раздвинутые Змеей, самому опытному глазу стало невозможно проникнуть сквозь эту громадную листовенную завесу, которая, казалось, выросла таким образом здесь вполне естественно и составляла часть остального леса.

В центре зеленой залы величественно возвышался гигантский ствол магнеу, о котором мы говорили выше. Внутренность ствола этого дерева была совершенно пуста. Колоссальное дерево питалось только одними деревянистыми волокнами коры, причем оно, по-видимому, нимало не страдало от этой громадной пустоты, вырытой в нем веками и даже в самом его основании.

Змея воспользовался этим открытием, сделанным им случайно, и извлек из него самую полезную сторону для того, чтобы устроить в этом дупле свое жилище и поместиться в нем самому с лошастью так же удобно, как если бы это была настоящая хижина.

Мало того, он ухитрился даже пробить окна в этом странном жилище и сделал дверь из одного куска коры, герметически закрывавшего отверстие.

Жилище было разделено на две равные части посредством перегородки.

Правая сторона, предоставленная хозяину, заключала в себе постель, сундук, два стула, два табурета и стол.

Левая сторона служила конюшней; в ней свободно могли помещаться две лошади, а иногда здесь стояло и по четыре лошади сразу. Несколько штук кур жили, как умели, бок о бок с лошадьми.

Хозяин этого таинственного жилища стряпал на воздухе, под навесом, верх которого служил чердаком для подножного корма и чуланом для хранения овощей и т. п.

Несколько охапок травы, валявшихся в самом темном углу хижины и покрытых овечьими и медвежьими шкурами, дали возможность устроить постель, на которую тотчас же положили раненого.

Он уже был не в обмороке, а спал. Слабость, причиненная потерей крови, погрузила его в глубокий сон, почти летаргический.

Изгнанник и Змея, положив капитана на импровизированную постель, сами сели за стол и, поставив на него горшок с сидром, закурили трубки.

— Значит, вас задержала случайная встреча с этим негодяем? — спросил Змея, протягивая свой стакан, чтобы чокнуться с хозяином.

— Отчасти это, а отчасти и кое-что другое, товарищ, — отвечал Жан-Поль, чокаясь своим стаканом о стакан своего собеседника. — В колонии

довольно шумно в настоящую минуту.

— Вы мне это говорили, но я все-таки понять не могу, какое нам до всего этого дело и насколько может касаться нас то, что делается в колонии.

— Потом ты это поймешь, — продолжал Изгнанник с насмешливой улыбкой, — если, конечно, ты расположен служить мне и дальше, как служил до сих пор.

— Неужели вы в этом еще сомневаетесь, хозяин? — спросил Змея с видимым волнением. — Клянусь святой Анной из Орэ, — добавил он, благоговейно поднося руку к шляпе, — я ваш душой и телом, хозяин, я ваша собственность, ваша вещь, я, словом, весь ваш. Не говорите же так со мной, это мне очень больно слышать, а вы ведь знаете, что я иногда брыкаюсь...

— Пстой, пстой, успокойся, я не хотел оскорблять тебя, — сказал Изгнанник, — я тебя знаю и ценю.

— В добрый час! — продолжал Змея, сдерживая волнение. — Я знаю, что я негодяй, изгнанный из общества, которое хорошо сделало, отвергнув такую паршивую овцу, как я; у меня, к несчастью, много пороков, я совершил много преступлений и за мной нет ни одного доброго дела, чтобы бросить его на весы. Все это правда, но у меня есть одна добродетель: моя испытанная преданность вам! Не сомневайтесь же в ней, умоляю вас, если не хотите, чтобы я выкинул какую-нибудь отчаянную штуку!

— Ну, ну! Ты стараешься казаться гораздо хуже, чем на самом деле; я знаю тебя лучше, чем ты думаешь.

— Нет, я только говорю правду про самого себя, я — вонючее животное, ядовитая тварь, все что хотите. Я ненавижу всех людей без исключения, и они воздают мне за это сторицей и имеют полное право поступать таким образом; но я люблю вас, но не за то, что вы десять раз спасали мне жизнь... Что это для меня? Меньше чем ничего.

— Так за что же? — спросил Изгнанник с некоторым любопытством.

— За то, что вы один из всех людей, с которыми мне только приходилось иметь дело, не отвернулись от меня с презрением; за то, что вы открыли во мне хорошие стороны в этом ужасном хаосе моих пороков; за то, что, вместо того, чтобы презирать меня и отталкивать, вы великодушно протянули мне руку помощи; за то, что вы меня пожалели, — словом за то, что вы подняли меня самого в моих собственных глазах и доказали мне, что я, собака и проклятая Змея, могу еще годиться на что-нибудь и, может быть, даже делать добро.

— Ну, и ты видишь, что я был прав, и ты вовсе не так дурен, как

говоришь, но довольно говорить об этом, пожалуйста, и потолкуем лучше о наших делах: я спешу.

— Я к вашим услугам.

— Я случайно наткнулся на этого раненого. Я появился как раз в ту минуту, когда те, которые, по всей вероятности, были настоящими виновниками приключения, окончившегося для его так печально, спокойно совещались между собой: бросить ли его в Огио с камнем на шее или же прикончить ударом кинжала?

— Странная отплата, нечего сказать.

— Не так ли? Я слышал, как они совещались, и это заставило меня призадуматься... затем я показался им и спас его. Их я должен снова увидеть завтра. У меня явились некоторые подозрения, которые мне хотелось бы проверить: может быть, дело это гораздо выгоднее для наших проектов, чем мы думаем. Во всяком случае, принимая во внимание положение, в котором мы находимся, никакие меры предосторожности не будут лишними. Ты меня понимаешь?

— Прекрасно.

— Вот почему я привез этого негодяя сюда, вместо того, чтобы отвезти его к себе; как только он будет в состоянии говорить, выпроси его поискуснее, поисповедай его и доведи до того, чтобы он рассказал тебе свое приключение.

— В случае надобности я расскажу ему, как хотели с ним поступить лица, у которых вы его отняли.

— Напротив, этого ты ни в коем случае не делай; надо, чтобы он про них даже не знал и думал, что эти лица принимают в нем большое участие.

— Как вам будет угодно.

— Я без всякого стеснения могу добыть некоторые сведения с другой стороны. Что же касается тебя, забудь или сделай вид, что ты забыл злобу, которую ты к нему питаешь; даже уверь его, если окажется нужным, что ты именно и спас его.

— Ну этого я уж ни за что не стану делать. Да, впрочем, он мне и не поверит, он слишком хорошо знает, как сильно я его ненавижу.

— Весьма возможно! Итак, действуй по своему усмотрению; лишь бы ты не уклонялся от моих инструкций, все остальное безразлично.

— Хорошо! Хорошо! Будьте спокойны, я ведь не ребенок! Изгнанник встал.

— Вы уже уезжаете?

— Да, становится поздно, отсюда до меня далеко, моя дочь, пожалуй, станет беспокоиться.

— Это верно! Когда же я вас опять увижу?

— Как только я буду свободен: может быть, завтра, а уж послезавтра наверняка.

— Я буду вас ждать. Больше вы мне еще ничего не скажете?

— Нет, будь осторожнее, вот и все!

— Ну, а если придет кто-нибудь из тех, кого вы знаете?

— Никто не придет раньше двух дней; я предупредил...

Змея поднялся, в свою очередь, и вывел лошадь из конюшни.

— В особенности, — продолжал Жан-Поль, садясь в седло, — ухаживай хорошенько за нашим раненым, может быть, он со временем нам еще пригодится.

— Положитесь на меня. Ведь вы знаете, — добавил Змея с улыбкой и выражением, которое он старался сделать хитрым, — у меня есть некоторые познания в медицине и в хирургии.

— Вот потому-то я и привез его сюда. Ну, прощай! До завтра или самое позднее до послезавтра.

— Хорошо. А в какое время, приблизительно, вы приедете?

— Я и сам не знаю... после обеда.

— Хорошо! Итак, прощайте, желаю вам успеха!

— Благодарю.

Змея раскрыл проход.

Изгнанник вступил в лес; затем лианы были тщательно за ним задвинуты, но не прежде, чем эти двое людей обменялись последним рукопожатием.

Жан-Поль направился к хижине, которой он достиг вскоре после захода солнца.

Дочь ждала его с тревогой.

Завидев Изгнанника, она вскрикнула от радости и бросилась к нему.

— Ну что же, отец? — с тревогой спросила она.

— Успокойся, дитя мое, все благополучно! — отвечал он, целуя ее в лоб.

— Благодарю, благодарю, отец! — вскричала девушка с плохо скрываемым волнением.

— Увы! — прошептал Изгнанник, подавляя вздох, — может быть, и она меня покинет в один прекрасный день?

И он, задумчиво опустив голову, вошел в хижину следом за дочерью.

Глава V. АТЕПЕТЛЬ ГУРОНОВ-ВОЛКОВ

Тонкий Слух, или Куга-Гандэ по-индейски, был главным вождем той деревни, к которой направлялись оба отряда после обычных приветствий, которыми они обменялись в момент встречи.

Сахем принял на себя командование отрядом. Поместившись во главе колонны, он сейчас же предложил Бержэ, а равно графу де Виллье и барону де Гриньи занять места рядом с ним.

Это предложение занять место рядом с сахемом, считающееся очень почетным, поставило обоих офицеров высоко в глазах краснокожих, которые вообще очень строго относятся ко всему, что касается этикета и чинопочитания.

Молодые люди, оба еще так недавно попавшие во французские колонии, не имели до сих пор возможности познакомиться с жизнью индейцев в их деревнях. Те индейцы, которых они видели мельком в форте Дюкэне, будучи вынужденными подчиняться требованиям европейской цивилизации, не представляли из себя ничего особенно интересного для наблюдателя-европейца.

Их манеры и даже их костюм, составлявший странную смесь всевозможных одеяний, выменянных у солдат и колонистов, несколько не удивляли обоих молодых людей.

Теперь же им представлялся в первый раз случай, пожалуй, даже заняться серьезным изучением нравов и обычаев краснокожих, которых большинство европейцев в то время почему-то считали существами низшей расы, чуть ли не получеловеками.

Французские офицеры с живейшим интересом следили за всем происходившим у них перед глазами и забрасывали вопросами канадца, который сейчас же спешил объяснить им все, что могло им казаться неясным.

Он словоохотливо объяснял офицерам все, что в поведении индейцев с первого раза могло казаться им не только странным или смешным, но даже, пожалуй, угрожающим их личной безопасности.

Что же касается Золотой Ветви и Смельчака, то они очень быстро сумели найти себе друзей между канадцами благодаря той насмешливой беспечности, которая так свойственна французскому солдату.

Они смеялись и разговаривали с ними, точно знали их целые двадцать лет, отвечая прибаутками на прибаутку, шуткой на шутку.

При выходе из леса путешественники снова очутились на берегу реки.

Перед ними расстилалась обширная равнина, покрытая зеленой густой травой; равнина эта шла, постепенно поднимаясь, до самых контрфорсов горной цепи, которые замыкали горизонт с этой стороны.

Почти на две мили впереди виднелась деревня индейцев, раскинувшаяся по обоим берегам реки.

Деревня эта, довольно значительная, состояла не меньше как из двухсот домов или, правильнее сказать, хижин.

Как с той, так и с другой стороны деревню защищала ограда из кольев высотой футов в двенадцать, вбитых в землю и связанных между собой веревками из древесной коры; перед оградой тянулся ров шириной в двадцать футов, глубиной в восемь. Двое ворот, из которых одни выходили на север, а другие на юг, давали доступ во внутренность атепетля-деревни; древесные стволы, перекинутые через ров, которые было легко убрать, служили подъемными мостами для сношения с внешним миром.

В противоположность большинству туземного населения, ведущего кочевую жизнь, окружающие деревню поля были хорошо обработаны, что следовало, конечно, приписать влиянию канадских метисов, составлявших довольно большой контингент населения деревни.

Немного правее деревни и не больше как в расстоянии двух миль от нее виднелись два отдельных кладбища: одно кладбище лесных бродяг, а другое — индейское.

На первом, окруженном живой изгородью, виднелись скромные могилы, увенчанные крестами, выкрашенными в черную краску.

На втором виднелись те возвышенные подмости, куда туземцы имеют обыкновение класть своих покойников, которых они оставляют таким образом превращаться в мумии под влиянием воздуха, солнца и дождя.

Индейское кладбище давало о себе знать еще издали зловонным запахом от разлагавшихся трупов, который ветер разносил во все стороны.

Этот атепетль, могущий служить прототипом большинства центров туземного населения (во время наших путешествий по Северной Америке мы встречали много таких же) по всей вероятности, был построен по планам и указаниям канадских метисов.

Тут виднелась даже претензия на некоторую правильность, указывавшую на цивилизующее влияние прогресса. Улицы его были широки и прямы и все сходились радиусами к обширной площади, занимавшей центр деревни.

Среди этой площади возвышалась большая хижина врачевания, куда собирались во время совещаний вожди племени.

Ее окружали другие хижины.

Эти хижины по фасаду имели вид длинных четырехугольников в один этаж; материалом для их постройки служили громадные ветви и древесные стволы с ободранной корой, сложенные в срубы опять-таки по европейскому образцу.

Индейцы, кроме того, обмазывали еще эти стены глиной, смешанной с сеном.

Крыши были покрыты корой каштанового дерева.

Каждая хижина внутренними перегородками делится таким образом, что получаются три комнаты, сообщающиеся одна с другой посредством дверей из дубленой кожи лани, натянутой на деревянную раму.

Затем к хижине примыкало маленькое коническое здание, покрытое землей, так называемый теплый кали, или зимний кали.

Эти вспомогательные постройки находятся, обыкновенно, в нескольких туазах от главного жилища и почти всегда прямо против входной двери.

Большая хижина врачевания или, лучше сказать, хижина совета, по своей странной форме заслуживает особенного описания.

Эта хижина имела вид ротонды, куда могло поместиться не сколько сот человек.

Находясь, как мы уже говорили, в центре деревни, она была выстроена на вершине искусственного холма высотой в двадцать пять футов.

Собственно хижина врачевания имела больше тридцати футов высоты, что придавало ей, в известной степени, величественный вид.

Здесь мы заметим, что искусственный холм был гораздо древнее хижины, которая стояла на нем.

По всей вероятности, холм этот был насыпан раньше и с другой целью.

Словом, индейцы не больше нашего знают, каким народом и с какой целью были насыпаны все эти искусственные горы.

Впрочем, на этот счет существует предание, которое одинаково рассказывают все индейские племена Северной Америки.

На основании этого предания они уверяют, что эти холмы и другого рода памятники в том самом состоянии, в каком они существуют и сейчас, предки их нашли в то время, когда, прибыв с запада, завладели всей страной, предварительно прогнав или победив племена краснокожих туземцев.

Эти искусственные горы или холмы имеют очень много сходства с пирамидами, рассеянными по Мексике и построенными чичимэками во

время их переселений.

По этому же образцу, между прочим, построены пирамиды майя, и это заставляет предполагать, что народ, воздвигнувший эти искусственные памятники, предназначал их первоначально для какой-нибудь религиозной цели.

Они служили храмами или заменяли собой храмы по обычаю древних народов, воздвигавших жертвенники на возвышенных местах в надежде, что, чем ближе они будут к небу, тем лучше услышат их боги и тем скорее исполнят их прошения.

Теперь мы расскажем, каким образом строят краснокожие свою великую хижину врачевания и как поступили в свое время предки Тонкого Слуха, соорудившие ее на вершине искусственного холма. Сначала они вбили в землю, на одинаковом расстоянии один от другого, ряд столбов или свай около шести футов вышиной; на верхушках этих столбов они сделали небольшие выемки или пазы, куда легли затем большие перекладки, которые связали сваи между собой.

Внутри этого круга они поместили второй ряд более крепких и большего размера свай, около двенадцати футов высотой, также с выемками и соединенных перекладинами. Затем внутри второго круга поместился третий ряд столбов еще выше предыдущих; наконец, в самом центре этих концентрических кругов поставили громадный столб. Все это, за исключением верхушки центрального столба, было сначала обрешечено, и уже на этот подрешетник легла крыша. Материал для крыши дала березовая кора, наложенная в несколько рядов с целью не пропускать дождя.

Очень часто на такого рода крыши насыпают еще слой земли в предохранение от пожара; но в селении гуронов эта предосторожность почему-то была признана излишней.

В хижину врачевания или совета вела одна только дверь; она была очень широка и очень высока, выходила на восток и служила одновременно для пропуска света и для выхода дыма, когда в хижине разводили огонь совета. Но так как огонь разводят небольшой, такой, который давал бы только достаточно света в продолжение ночи, и на топливо употребляют сухие дрова, очень мелко наколотые и очищенные от коры, то огонь этот дает очень мало дыма.

Наружные стены были сложены, как и во всех остальных хижинах в деревне, из грубо обтесанных древесных стволов.

Внутри хижины совета между первым и вторым рядом столбов устроены были амфитеатром два или три ряда лавок, на которых вожди и

наиболее знаменитые воины усаживались или ложились по желанию во время торжественных собраний Лавки эти покрывались циновками или коврами, сделанными с большой тщательностью из маленьких переплетенных между собой тонких лубков ясеня и дуба.

Направо от большого центрального столба в землю был вбит тотем, или отличительная эмблема племени, а налево от него на двух колах, оканчивавшихся в виде вил, покоилась великая священная трубка мира, которую ни в каких случаях не разрешалось класть на землю.

У подножия этого столба разводится во время собрания огонь, освещающий хижину; тут же вблизи столба помещаются и музыканты.

Вокруг этого же столба исполняются священные танцы во время торжественных заседаний, которые, заметим мимоходом, происходят почти ежедневно в течение целого года, так как индейцы никогда не приступают к совещанию до тех пор, пока не будут выполнены все требуемые по их понятиям формальности, а в том числе и мистические танцы, имеющие целью расположить к ним Великого Духа.

Прием, сделанный краснокожими французским офицерам, был прост, радушен и гостеприимен; женщины, дети и старики высыпали на улицы и приветствовали прохождение отряда радостными криками и различными пожеланиями.

Выражение этой радости было вполне чистосердечно и естественно; видно было, что эти люди и в самом деле говорили то, что думали, и с истинным удовольствием принимали у себя французов, к которым чувствовали искреннюю дружбу и глубокую благодарность за те благодеяния, которые они получали от французов со времени поселения последних в их стране.

Эти наивные доказательства благодарности и любви, пользующейся первым удобным случаем откровенно высказаться, очень трогали молодых офицеров и наполняли сердца их радостью: каждый из них с гордостью думал в эти минуты про себя, что они — представители той великой нации, которой так симпатизировали эти бедные индейцы.

Граф де Виллье и его спутники, оказавшись одинокими в дикой стране в нескольких тысячах лье от своей родины и на громадном расстоянии от самых незначительных поселений бледнолицых, невольно испытывали тайную боязнь, видя себя изолированными в первый раз со времени своего приезда в Америку и к тому же среди людей, языка и нравов которых они совсем не знали. Правда, их сопровождали несколько человек таких же бледнолицых как и они сами, но, за исключением Бержэ, люди эти были им совершенно чужды, а образ их жизни, столь непохожий на их собственный,

был далек от того, чтобы успокоить их, невзирая на все их уверения.

Но радушная встреча сразу успокоила их и вернула им беспечную веселость и смелость, свойственную французской нации, и они, уже не боясь ничего и не думая ни о каких опасностях, всем сердцем отдались охватившему их радостному настроению.

Тем временем небольшой отряд достиг деревенской площади и здесь по знаку предводителя остановился. После обмена еще целым рядом приветствий жители деревни, по новому знаку начальника, разошлись по своим хижинам и этим дали понять своим гостям, что не желают стеснять их своим присутствием.

Затем вождь взял графа де Виллье за руку и повел к большой, красивой хижине, в которую ввел его вместе с остальными спутниками.

— Брат мой у себя дома, — сказал вождь, делая легкий поклон.

Потом, не прибавив больше ни одного слова, он ушел, предоставив французам делать что им угодно.

Прошло несколько дней, в течение которых французы отдыхали после утомительного путешествия.

Индейцы относились к ним в высшей степени почтительно.

Бержэ точно сквозь землю провалился.

В самый вечер прибытия графа де Виллье в деревню охотник вдруг исчез, не предупредив никого ни одним словом.

Такое продолжительное отсутствие, совершенно к тому же непонятное, очень сильно беспокоило капитана, который, лишившись возможности посоветоваться с опытным и преданным ему канадцем, поневоле должен был, к великому своему неудовольствию, оставаться в полном бездействии среди индейцев, языка которых он не знал. Кроме того, он боялся вступать в переговоры с канадскими охотниками, жившими в деревне, так как довериться им казалось ему очень рискованным.

Однажды утром, между десятью и одиннадцатью часами, недели две спустя после прибытия в деревню краснокожих, в ту минуту, когда капитан оканчивал свой завтрак с глазу на глаз со своим другом бароном де Гриньи, дверь в хижину неожиданно отворилась, и веселый голос крикнул:

— Здравствуйте, как изволите поживать?! Капитан при звуке этого голоса, который он тотчас же узнал, быстро повернулся лицом к двери.

— Бержэ, — крикнул он, — наконец-то ты нашелся!

— Я сам собственной своей персоной и готов служить вам, господин Луи, — продолжал охотник весело. — Разве вы меня не ждали?

— Наоборот, я с нетерпением жду тебя и очень давно.

— Я так и думал. Ну, вот и я, господин Луи, весь к вашим услугам!

Охотник затворил за собой дверь, взял скамью и уселся перед капитаном.

— Ты голоден? — спросил его граф де Виллье.

— Нет, благодарю! Я завтракал часа два тому назад. Ну, да дело не в этом... вас, если не ошибаюсь, очень беспокоило мое долгое отсутствие, не так ли, господин Луи? Будьте откровенны.

— Признаюсь, старина Бержэ, и это тем более беспокоило меня, что время не терпит... Мы и так много его потеряли.

— Это правда! К несчастью, я не мог, несмотря на все мое желание, окончить скорей дело, которое...

— Как окончить? — вскричали с удивлением молодые люди.

— Да так, — добродушно отвечал канадец. — Впрочем, надеюсь скоро доказать вам, что я с пользой употребил время.

— Но отчего же вы не предупредили нас о том, что уходите? — спросил барон.

— Неужели вы находили это почему-нибудь неудобным?

Охотник покачал головой и улыбнулся одному только ему свойственной тонкой улыбкой:

— Господин барон, — отвечал он, — не забывайте никогда, что в пустыне деревья имеют уши, а листья — глаза.

— Я не понимаю, зачем вы мне это говорите?

— А затем, что хотя мы находимся и довольно далеко от колоний, однако, около нас есть люди, которые наблюдают за нами и здесь, слушают наши слова, подстерегают наши малейшие движения и не задумались бы донести на нас нашим врагам.

— Вы думаете?

— Я в этом уверен. А вам известно, что в каждом деле самый лучший товарищ тот, который ничего не знает, потому что не только не может поступить неосторожно, но даже и думать это про себя. Вот почему я и ушел из деревни, не сказав вам ни слова... вы довольны моим объяснением?

— А теперь?

— Теперь другое дело. Вы сейчас все узнаете и сами решите — потерял я время даром или нет.

— В таком случае, говорите скорее! — с нетерпением вскричал барон.

— Здесь? О, нет, это уже извините, слишком много ушей нас подслушивает. Возьмите ружья и пойдемте пройтись, а дорогой во время охоты поговорим.

Оба офицера последовали за охотником; деревенские улицы были

почти пустынно; женщины, сидя в своих хижинах, занимались домашними делами; что же касается воинов, способных носить оружие, то они отправились два дня тому назад в экспедицию под командой вождя, немногие же оставшиеся дома были большей частью старики и лениво лежали на пороге своих жилищ и грелись на солнце, следя в то же время за играющими детьми. Поэтому никто, по-видимому, не заметил и не заинтересовался уходом трех бледнолицых, спокойный шаг которых не имел к тому же ничего такого, что могло бы обратить на себя внимание.

Вскоре они скрылись под деревьями и вошли в чащу леса. Через несколько минут граф де Виллье остановился и, поставив свое ружье прикладом на землю, спросил охотника.

— Ну что же! Будешь ты теперь говорить, наконец?

— Молчите! — отвечал последний тоном, не допускавшим возражения, — мы еще слишком близко.

Прогулка или, скорей, шествие продолжалось. Они достигли берега реки, где на песке лежала пирога. Бержэ спустил на воду легкое суденышко и сделал знак своим спутникам занять в ней места. Последние, заинтригованные поступками канадца, молча повиновались.

Тогда охотник оттолкнулся от берега, схватил весла и направился к островку, акров около двенадцати величиной, сплошь заросшему лесом и походившему на корзину цветов, точно вынырнувшую из лона вод.

Через несколько минут лодка уже достигла островка.

Глава VI. ПРОГАЛИНА

Трое людей высадились на островок, вытащили пирогу на берег и тотчас же углубились в лес.

Вскоре они достигли места, походившего на природную прогалину. Там охотник остановился.

— Теперь, — сказал он, повернувшись к французам и опираясь о дуло ружья, — нам нечего бояться нескромных ушей.

— В таком случае, милейший Бержэ, позволю себе надеяться, что ты уже не станешь отказываться объяснить нам все, что...

— Мне нечего сказать вам, господин Луи, — перебил он, — в настоящую минуту я не более, как посланный... Подождите того, кто один может все вам объяснить; он, поверьте мне, скоро появится. Подождите!

Затем охотник, бросив вокруг себя испытующий взор, вложил в рот два пальца правой руки и стал подражать крику голубой канюки.

Подражание это было настолько хорошо, что, хотя оба офицера и знали, кто именно подражает крику птицы, тем не менее они машинально подняли глаза к густолиственным вершинам деревьев.

Почти тотчас же на недалеком расстоянии раздался крик, подобный только что изданному охотником; в кустарнике послышался довольно сильный шум, кусты раздвинулись, и на прогалину вышел человек.

Увидев этого человека, граф не мог сдержать крика удивления.

Он видел перед собой таинственного отшельника хижины на Огио, отца Анжелы.

Это и в самом деле был Изгнанник. Костюм его был все тот же и только более глубокий оттенок меланхолии омрачал его лицо, черты которого обыкновенно были такими энергичными.

Почти в ту же минуту второй человек появился на прогалине и молча встал рядом с первым.

Это был Змея.

Изгнанник, делая вид, что не узнает капитана, холодно ему поклонился.

— Вы граф Луи Кулон де Виллье? — спросил он его отрывисто.

— Мне кажется, сударь, — отвечал граф удивленно, — что я уже имел честь...

— Извините, сударь, — продолжал Изгнанник, — но я настойчиво прошу вас сделать мне честь ответить на мой вопрос. Мне положительно

запрещено продолжать этот разговор, если...

— Хорошо, сударь, — высокомерно отвечал граф. — Я граф Луи Кулон де Виллье, капитан королевского морского полка, а это вот барон де Гриньи.

— Очень хорошо, сударь, — отвечал Изгнанник спокойным голосом, — благодарю вас. А я имею дело именно к вам и к вашему другу. Согласны вы меня выслушать?

— Мы вас слушаем, сударь, — проговорил граф, видимо, сильно оскорбленный странным поведением своего собеседника. — Потрудитесь сообщить мне то, что вам поручено.

— Я это именно и хочу сделать, господа, — сказал Изгнанник с поклоном.

Наступила минута молчания.

Оба офицера вопросительно посматривали на своего собеседника.

Поведение Изгнанника могло удивлять, конечно, только одного графа де Виллье.

Эти странные вопросы и такое официальное обращение к нему, казались ему необъяснимыми.

Между тем, канадский охотник, ненадолго исчезнувший в высокой траве, снова появился около троих собеседников.

— Ну? — спросил Изгнанник.

— Мы одни на острове, — отвечал Бержэ, — но какому-нибудь нескромному наблюдателю может прийти в голову мысль попытаться застигнуть вас врасплох и поэтому я, буду наблюдать за окрестностями. Когда вы окончите беседу вы меня позовете.

— Хорошо.

Бержэ взял ружье под мышку и снова проскользнул в траву. Едва он исчез, как Изгнанник сделал два шага вперед, снял шапку и, почтительно кланяясь графу, сказал ему с благодушной улыбкой:

— Извините меня, господин граф, за тот, по меньшей мере, странный способ, с каким я держал себя до сих пор. Но осторожность требовала, чтобы я говорил с вами именно таким образом. Я не знал, какие уши могли бы меня услышать, а для нас в особенности очень важно, чтобы никто не знал, что мы знакомы.

— В добрый час, сударь, — весело отвечал молодой человек. — Теперь я узнаю вас; признаюсь вам, что ваш холодный и официальный тон удивил и оскорбил меня сначала. Но теперь об этом не может быть и речи... Значит, вы боитесь, что нас даже и здесь могут подслушать враги ваши... или наши?

— Да, граф. Я уверен, что за мной следили с самого моего отъезда из форта Дюкэна. Кто? Этого я не знаю, потому что, несмотря на все употребленные мной средства, на все мои хитрости для того, чтобы обмануть этого невидимого шпиона, мне невозможно было от него отделаться. И, сказать вам правду, хотя Бержэ и уверял меня, что мы здесь одни, я в этом совсем не убежден и боюсь нечаянного нападения...

— Здесь? Ну, это было бы довольно трудно, чтобы нас захватили здесь врасплох, — перебил его барон, улыбаясь.

— Вы еще не знаете, как хитры и изобретательны индейцы, граф; но мне пришла в голову идея, которая, если только не встретится с вашей стороны препятствий, сразу решит вопрос, и в случае, если бы нас даже подслушивали, нам все-таки нечего было бы бояться ушей любопытных!

— Нам очень интересно, что вы такое придумали, — сказали оба офицера.

— Вы говорите на каком-нибудь иностранном языке?

— Гм! — произнес граф, — я знаю несколько английских слов.

— Я тоже, — добавил барон.

— Здесь нельзя употреблять английского языка — это было бы одно и то же, что говорить по-французски.

— Это верно. Тогда я не знаю...

— Погодите. Вы, без сомнения, изучали словесность?

— Конечно, — отвечал граф, смеясь, — у отцов иезуитов, но что тут общего?

— Значит, вы понимаете по-латыни?

— Довольно хорошо; я думаю, что, в случае надобности, я мог бы даже разговаривать на этом языке.

— А ваш друг?

— Что касается меня, — сказал барон, — то, хотя в свое время меня и очень старались напичкать классической премудростью, но я с грехом пополам могу только понимать разговор на этом языке, в чем и сознаюсь откровенно.

— Достаточно, если вы будете понимать хоть наполовину, сударь, а затем уже граф де Виллье объяснит вам то, чего вы не поймете.

— Неужели вы собираетесь говорить со мной по-латыни?

— А почему бы нет? — отвечал Изгнанник грустно, с легким оттенком иронии.

— Вы, граф, новый человек в этой стране и вам предстоит еще многому научиться; между прочим, не судить о людях по первому впечатлению.

— Это правда, сударь, извините меня, я не хотел вас обидеть. Но, я думаю, вы и сами согласитесь, что мое изумление до известной степени вполне извинительно.

Изгнанник пожал ему руку, улыбаясь, и затем, перейдя на латинский язык, продолжал:

— Но мы уже и так потратили много времени на праздную болтовню, и пора приступить к делу.

Слова эти были произнесены таким правильным латинским языком, что оба молодых офицера в себя не могли прийти от восторга и изумления.

Отец Анжелы являлся им в стольких различных видах!

Но, несмотря на это, они все-таки даже приблизительно не могли сказать себе, что это за человек и к какому классу общества он принадлежал на самом деле.

— Я слушаю вас, — сказал граф.

— Граф, — продолжал Изгнанник, — комендант форта Дюкэна отправил меня сообщить вам, что отряд английских охотников, истребить который вам приказано, стоит лагерем не более как в нескольких милях от того места, где мы находимся; не позже как через трое суток он пройдет в расстоянии выстрела от вас. Комендант надеется, что вы примете все зависящие от вас меры к успешному выполнению возложенного на вас поручения и добьетесь желаемого результата.

— Я тоже надеюсь на это, сударь. Бержэ сказал мне, что необходимые для этой экспедиции люди им уже собраны и ждут только приказания выступить.

— Отлично! По окончании этой экспедиции вы как можно скорее отправитесь к Огио.

— Я должен немедленно вернуться в форт?

— Отнюдь нет... Вы отправите пленников и товар в форт Дюкэн, а сами будете ожидать дальнейших приказаний от коменданта.

— Хорошо. Ну, а кто же передаст мне эти приказания?

— Этого я не знаю. Может быть, я, а может быть, и ваши знакомые. Граф, я не счел нужным передать вам предварительно мои полномочия. Теперь же на всякий случай потрудитесь, пожалуйста, ознакомиться с ними.

При этом Изгнанник достал из-за пазухи письмо, зашитое в мешочек из кожи лани, и подал его графу.

Молодой человек распечатал письмо и быстро пробежал его глазами.

Оно заключало в себе следующие слова:

«Податель сего письма пользуется моим полным доверием. Верьте и

вы всему тому, что он вам скажет от моего имени. У меня нет тайн от него.

Де Контркер».

— Отлично, сударь, — приветливо отвечал граф, возвращая письмо, — но я не нуждался в этом новом доказательстве для того, чтобы знать, что я могу верить вам безусловно.

— Благодарю вас, граф, — отвечал Изгнанник, складывая письмо и снова пряча его в мешочек.

— Вы ничего не хотите прибавить?

— Ничего, касающегося дел колонии, граф.

— В таком случае, потрудитесь передать господину де Контркеру, что я сделаю все, что только в силах сделать человек, чтобы оправдать доверие, которое ему угодно было оказать мне назначением начальником экспедиционного отряда.

— Я слово в слово передам ему ваш ответ, граф. А теперь, прошу извинить меня, я хочу сообщить вам нечто очень важное, касающееся лично вас и господина де Гриньи.

— Я вас не понимаю, сударь.

— Я сейчас объясню вам все... насколько возможно подробно.

Барон де Гриньи, до сих пор довольно рассеянно прислушивавшийся к разговору, пододвинулся к ним с любопытством.

— О чем же идет речь? — спросил он.

— Вы сейчас это узнаете. Хотя вы и очень недавно появились в колонии, но вы уже нажили себе в ней неумолимых врагов.

— Я!? — вскричал граф с удивлением.

— Что такое? — проговорил барон, еще более удивленный, чем его друг.

— Не было ли у вас неприятного столкновения накануне вашего отъезда на берегу Огио? — продолжал Изгнанник невозмутимо.

— Да, как же, я это отлично помню. Какой-то долговязый негодяй подозрительного вида затеял со мной ссору, хотя я и сам не знаю, из-за чего. Мне даже кажется, что я проткнул его своей шпагой насквозь и, наверное, убил его.

— К несчастью, нет, граф, вы его не убили.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу только сказать, что человек этот не был вами убит, а только ранен, и теперь снова жив и здоров, клянусь вам.

— Ну, что ж, тем лучше! Я в душе даже жалел, что расправился с ним так жестоко.

— Виноват, граф, — перебил его Изгнанник, — вам следовало бы

сказать: тем хуже.

— А почему?

— Потому что этот субъект, бывший морской разбойник и торговец неграми, самый отчаянный негодяй из всех когда-либо существовавших, и он за плату обязался убить вас... Впрочем, он это, наверное, еще сделает, если только ему представится удобный случай.

— Да, — сказал граф, хмуря брови, — я и сам думал так.

— А теперь вы можете в этом быть уверены, и я советую вам держаться настороже. Ваши враги, я это знаю точно, пока отказались от мысли об убийстве; но они больше, чем когда-нибудь, жаждут мести и решились добиться этого всеми средствами.

— А вы знаете этих врагов? — холодно спросил граф.

— Знаю, но успокойтесь, граф, тайна эта хранится в моем сердце, она выйдет оттуда только по вашему приказанию.

— Благодарю вас. Что бы ни предпринимали против меня враги, о которых вы говорите, я, со своей стороны, никоим образом не хочу им вредить.

— Напрасно, граф, если вы не будете убивать змей, которые станут бросаться на вас, эти змеи убьют вас безжалостно и беспощадно.

— Бог милостив! Я ни за что не изменю своего решения. Я удовольствуюсь тем, что буду защищаться в случае нападения; но сам, что бы там ни случилось, не перейду в роль нападающего. Бывают такие враги, оскорбления которых должен презирать порядочный человек и нападать на которых — подлость. Я в этом случае признаю одно только отражение ударов.

— Чувство это достойно уважения, граф, но позвольте мне заметить вам, что в настоящем случае действовать таким образом было бы чистейшем безумием.

— Может быть.

— А ваш друг тоже держится такого же мнения на этот счет?

— Вполне, сударь, — поспешно проговорил барон, — я назвал бы себя бесчестным, если бы поступил иначе.

— Если так, я не считаю себя вправе больше настаивать, господа, и в заключение позволю себе только заметить вам, что, хотя у вас и есть враги, желающие во что бы то ни стало добиться вашей гибели, у вас есть также и друзья и, когда наступит время, они вам это докажут.

— Кто бы ни были эти друзья, барон де Гриньи и я, мы искренне благодарим их за участие к нам, но потрудитесь передать им от нас, что если они станут пытаться защищать нас против нашего желания, то

смертельно нас оскорбят. Мы усердно просим их оставаться нейтральными и спокойными зрителями этой борьбы.

— Граф, я передал вам только слова ваших друзей, как посланный, и теперь передам им точно так же и ваши слова, хотя и сомневаюсь в том, что они согласятся исполнить ваше желание.

Молодые люди с удивлением взглянули на невозмутимое и холодное лицо Изгнанника, тщетно стараясь прочесть в его мраморно-суровых чертах мысли, которые он скрывал так ловко.

— Впрочем, в конце концов, — продолжал граф с напускным равнодушием, — будущее покажет нам, чего мы должны бояться и на что можем надеяться. Скоро я с вами опять увижусь, сударь?

— Не знаю, все будет зависеть от обстоятельств. Затем они собирались уже проститься и расстаться, как вдруг на недалеком расстоянии в высокой траве послышался довольно сильный шум, похожий на быстрый бег тяжелого и могучего животного.

Что это такое? — вскричал граф.

— Стойте, — сказал Изгнанник, внимательно прислушиваясь; потом, жестом приказав офицерам не двигаться с того места, где они стояли, кинулся в сопровождении Змеи по направлению шума и почти тотчас же исчез, покинув графа и его друга на произвол судьбы.

Между тем, молодые люди, не зная, что происходит вокруг них и боясь засады, зарядили свои ружья, чтобы быть готовыми ко всяким событиям.

Прижавшись друг к другу, чтобы иметь возможность поддержать один другого в случае надобности, они ждали.

Полная тишина сменила предшествовавший шум. Глубокое молчание царило на острове. Оба офицера, не видя Изгнанника, уже собирались покинуть свое место и пуститься на поиски Бержэ, как вдруг из кустов, окаймлявших прогалину, раздался пронзительный и насмешливый крик водяного голубятника, повторенный два раза.

Почти сейчас же пронесся ужасный воинственный крик.

Семь или восемь краснокожих воинов выскочили наподобие диких зверей из высокой травы и кинулись на молодых людей, которых они окружили, размахивая пиками и томагавками.

Французские офицеры не потеряли присутствия духа. Внезапное нападение, вместо того, чтобы испугать их, вернуло им, напротив, хладнокровие. Теперь, когда опасность стала видима, у них пропала всякая боязнь, и они весело готовились встретить лицом к лицу своих свирепых врагов.

Между тем, последние, хотя у них и не было огнестрельного оружия,

вовсе не были ничтожными противниками, они, по-видимому, решили храбро сражаться. Число их, все увеличивавшееся с минуты на минуту, делало их еще смелее; следом за первыми, на прогалине появилось еще более двадцати воинов.

Борьба грозила быть ужасной, и, несмотря на всю свою храбрость, оба француза должны были неминуемо погибнуть, если не явится откуда-нибудь помощь.

— Черт возьми! — смеясь, сказал граф своему другу, — мне кажется, что мы не мало перережем... этих красавцев.

— Весьма возможно, — отвечал барон в том же тоне. — Нельзя сказать, чтобы молодцы эти были красивы и, по-видимому, они настроены далеко не дружелюбно по отношению к нам.

Ба! Кто знает? Они очень некрасивы, это правда, но, может быть, вовсе не так злы, как кажутся. Все дело сводится к тому, чтобы сдерживать их до появления наших друзей.

— И главное, не отступать ни в коем случае, — продолжал барон насмешливо.

— Соединим оба корпуса нашей армии.

Этими немногими словами молодые люди быстро обменялись друг с другом; затем они стали плечом к плечу, и, выставив дула ружей вперед, ждали, чтобы враги начали атаку, потому что до сих пор последние довольствовались только криками, жестикуляциями и потрясанием оружия.

— Они придумывают какую-нибудь дьявольскую штуку, — вполголоса проговорил барон.

— Ладно! Увидим! Пусть их, — отвечал граф. — Время, которое они на это неизбежно потеряют, — для нас самое главное; это даст нашим друзьям возможность явиться на помощь в нужную минуту.

— Где же они, однако, могут быть?

— Не знаю, но я убежден, что они очень скоро явятся к нам на помощь; мне кажется, что они должны быть недалеко от нас.

— Их всего только трое.

— Это правда, но и этого довольно, их даже слишком много.

В эту минуту индейский вождь, узнать которого можно было по орлиному перу, вставленному в его военный плюмаж, сделал знак рукой: крики смолкли точно по волшебству.

Краснокожие отошли на два или на три шага назад, расширяя таким образом круг, среди которого стояли молодые люди.

Вождь бросил свое копье на землю и, скрестив руки на груди, сказал гортанным голосом:

— Пусть бледнолицые откроют свои уши: сейчас будет говорить вождь.

Граф молча кивнул головой.

— Слушают ли меня белые воины? — продолжал вождь.

— Слушаем.

— Хорошо! — сказал краснокожий. — Вот что говорит Голубая Лисица: Великий Дух дал своим красным детям эту землю, чтобы они владели ею. Зачем же бледнолицые хотят ее у них украсть? Мои воины храбры, они не хотят, чтобы мокасины бледнолицых оставляли следы на их земле. Они убьют их и сделают себе военные свистки из их костей.

Голубая Лисица умолк, без сомнения, затем, чтобы видеть, какой эффект произвели слова его на французских офицеров. Последние презрительно пожали плечами, но молчали.

Минуту спустя вождь продолжал:

— Бледнолицых только двое, пусть они посчитают краснокожих воинов, и они узнают, что сопротивление невозможно... они бросят оружие и отдадутся в руки моих молодых людей. Я сказал. Голубая Лисица ждет.

— А что сделают с нами краснокожие, — спросил граф, — если мы положим оружие и отдадимся воинам Голубой Лисицы?

— Бледнолицые умрут, — напыщенно отвечал вождь. — На закате солнца они будут привязаны к столбу пыток.

— Клянусь Богом! — смеясь, проговорил молодой человек, — уж если нам не миновать смерти, то мы предпочитаем пасть храбро, с оружием в руках.

— Мой бледнолицый брат сказал нет? — холодно спросил вождь.

— Черт возьми! Да ты с ума сошел, краснокожий, если можешь серьезно делать нам такие предложения, — весело проговорил барон.

— Хорошо! — отвечал Голубая Лисица все так же невозмутимо.

Он поднял с земли свое копье и повернулся к индейцам, по всей вероятности, затем, чтобы подать последним сигнал к атаке, как вдруг раздались два выстрела.

Вождь подпрыгнул и упал лицом на землю. Он был мертв.

Около него другой индеец хрипел и катался в предсмертных конвульсиях.

В ту же минуту два человека выскочили на прогалину, набросились на индейцев, колотя и опрокидывая всякого, кто попадался им под руку. Они проложили себе дорогу и с решительным видом стали рядом с молодыми офицерами.

Последние, при виде их, вскрикнули: они узнали Золотую Ветвь и

Смельчака.

Оба храбрых солдата были мокры до костей: чтобы добраться скорее, они переплыли реку. Но какое им было до этого дело, раз им счастливо удалось исполнить свое намерение.

— Добро пожаловать, храбрые мои друзья! — вскричал граф. — С вашей помощью нам больше нечего бояться, теперь нас четверо. Краснокожие узнают, что значит нападать на французов.

— Через десять минут нас будет целая сотня, капитан, — отвечал Золотая Ветвь.

— Да, — прибавил Смельчак, — мы явились в качестве передовых... вплавь.

— Молодцы! — похвалил их барон, — и вы начали с того, что избавили нас от несносного болтуна.

— Молчите, — остановил его граф, — мы поговорим потом. Теперь смотрите в оба! Индейцы готовятся к нападению. Самое главное, что бы ни случилось, надо стараться держаться всем вместе.

Краснокожие, застигнутые врасплох неожиданным нападением солдат и пораженные смертью своего вождя, сначала, по обыкновению своему, в беспорядке отступили, так как не знали, с каким количеством врагов они имели дело; но затем, убедившись, что на них с такой смелостью напали только двое солдат, им стало стыдно отступить перед таким ничтожным числом противников; кроме того, они желали отомстить за смерть вождя, и это вернуло им всю их храбрость.

Через несколько минут они снова окружили французов и, издав свои ужасный воинственный клич, кинулись на своих врагов.

Французы ждали этой атаки и были готовы встретить ее. Разрядив свои ружья прямо в лицо нападающим, которых этим они снова заставили отступить, они взяли свои ружья за дула и, действуя, как дубинами, стали вертеть ими вокруг головы с поразительной быстротой и ловкостью. Их защищал круг из железа и дерева.

Французы, спокойные и, по-видимому, невозмутимые, защищались с непоколебимой энергией, не отступая ни на шаг, противопоставляя слепой ярости врагов хладнокровие людей, твердо решивших бороться до последней капли крови.

Индейцы, доведенные до отчаяния понесенными ими серьезными потерями, взбешенные тем, что такое ничтожное число врагов заставило их отступить, воодушевляли друг друга дикими криками и удваивали свои усилия, неестественные для того, чтобы победить четверых людей, спокойствие и храбрость которых превосходили всякие пределы.

Битва продолжалась уже несколько минут; уже целая дюжина индейцев валялись мертвыми или опасно ранеными на земле, покрасневшей от их крови; невозможно было предвидеть, за кем останется победа, потому что, несмотря на усталость, начинавшую овладевать французами, они с удвоенной энергией продолжали храбро сопротивляться, как вдруг непредвиденное обстоятельство изменило ход битвы и заставило краснокожих признать себя побежденными.

Толпа индейцев, во главе которых находились Бержэ и Тонкий Слух, внезапно выскочила на поляну со всех сторон и с яростью устремилась на индейцев, нападавших на французов.

Помощь явилась как раз вовремя, потому что французы выбились из сил и через несколько минут они пали бы, побежденные не врагами, а усталостью.

Стычка была ужасна. Опрокинутые индейцы напрасно пытались искать спасения в бегстве: преследуемые, как дикие звери, они были безжалостно уничтожены своими свирепыми противниками.

Напрасно оба офицера пытались воспрепятствовать этому избиению все были убиты и скальпированы.

— О! Это ужасно! — вскричал граф, обращаясь к Бержэ, — убивать несчастных, которые уже не защищаются.

— Ба! — проговорил последний, пожимая плечами, — это вам так только кажется, господин Луи! А что же вы стали бы делать?

— Разве нельзя было взять в плен этих несчастных?

— К чему! Мы были, напротив, милостивы, вы не знаете нравов этой страны. Поверьте мне, гораздо лучше было убить этих несчастных, чем брать их в плен!

— О! Как можете вы говорить это, Бержэ?

— Ей-ей! По крайней мере, они не страдали. Переход от жизни к смерти совершился для них с быстротой молнии; тогда, как если бы мы пощадили их сегодня, завтра их привязали бы к столбу и в течение нескольких дней подвергали бы пыткам и в конце концов сожгли бы живьем.

Граф ужаснулся.

— Впрочем, — продолжал неумолимый охотник, — если вам нравится быть милосердным, ничего не может быть легче; здесь по близости у меня есть пленники, которых я сберег нарочно для вас.

— Какие еще такие пленники?

— Их отдал мне тот человек, с которым вы здесь так долго разговаривали.

— А где этот человек?

— Ушел. Для него очень важно, чтобы его здесь никто не видел.

— А пленники?

— Вы хотите их видеть?

— Конечно, и даже сейчас.

— Хорошо! Это нетрудно, подождите! — и Бержэ знаком подозвал к себе вождя Гуроноу.

Тонкий Слух поспешил к нему.

Они поговорили несколько секунд шепотом, затем вождь сделал знак согласия и в ту же минуту исчез в лесу.

Глава VII. ФОРТ «NECESSITE»

Упрямство — самая выдающаяся черта английского характера.

Если англичанин решил сделать что-нибудь, то чего бы это ему ни стоило, но он первый непременно добьется желаемого результата; он добивается задуманной цели всеми средствами, не останавливаясь ни перед каким препятствием, ни на одну минуту не уклоняясь с намеченного пути и не слушая никаких советов, — словом, он останавливается только тогда, когда успех увенчает его усилия. При этом он, по-видимому, вовсе не обращает внимания на удары, наносимые его гордости, его достоинству, а иногда даже и его чести.

Была бы достигнута цель, а остальное для него безразлично.

Девиз иезуитов: цель оправдывает средства обеляет все его поступки.

В этом отношении английский народ вполне разделяет взгляды своего правительства.

Это различие существует только на языке дипломатов, но и тут понятие о нем очень смутно. Они уверяют, что англичанин упрям, а британский кабинет настойчиво преследует свою политику.

Эта настойчивость составляет главное основание его политики: английские дипломаты обязаны ей большею частью достигнутых им великих результатов; они обязаны ей также и теми ужасными злоключениями, которые их поражали, не ослабляя, в различные времена.

Но английский кабинет оставался и останется всегда верен своим традициям-идти к цели, не взирая ни на что.

С того дня, как граф де Жюмонвилль погиб так трагически, благодаря гнусной измене, англичане, довольные успехом и всегда верные своей политике, не теряли ни одной минуты.

Они сейчас же на свой лад воспользовались теми преимуществами, которые им давало убийство парламентаря и медлительность французов.

Понимая, как важно было бы для них стать твердой ногой на берегах Красивой реки и доказать, таким образом, права собственности, оспариваемые у них французами, они решили построить форт, который парализовал бы значение форта Дюкэна и мешал бы — а это для них было бы чрезвычайно важно — колонизации огромных лугов, окаймляющих Огио.

Майор Вашингтон, действовавший на основании предписаний Дэнвиди, губернатора Виргинии, воздвиг в каких-нибудь нескольких милях

от форта Дюкэна, на левом берегу Красивой реки, крепость, которую он вооружил девятью пушками довольно крупного калибра и куда поместился гарнизон в пятьсот человек.

Крепость эта была названа фортом Necessite [note 1](#). Комендантом этой крепости или форта был назначен, само собой разумеется, майор Вашингтон, а в помощь к нему были прикомандированы капитан Джеймс Мэке и прапорщик Уард, оба знающие свое дело офицеры, давно уже жившие в Америке, а следовательно, привычные к пограничной войне.

Французы, несмотря на то, что им очень и очень не нравилось такое опасное соседство их неумолимых врагов, вследствие незначительности войск, которыми они располагали, не могли воспротивиться возведению форта Necessite и ограничились только тем, что, в ожидании лучшего будущего, внимательно следили за каждым шагом англичан.

Кроме того, англичан постоянно тревожили летучие отряды, составленные из лучших канадских охотников и индейцев.

Эти отважные партизаны добровольно взяли на себя обязанность тревожить вражеский гарнизон и не давать ему ни минуты покоя.

Они то угоняли скот, то захватывали обозы с провиантом и боевыми припасами, которые Дэнвиди отправлял в новый форт из Виргинии.

К несчастью, эти летучие отряды не могли быть везде в одно и то же время.

Их небольшое число не позволяло им нанести серьезного урона англичанам.

Несмотря на всю свою бдительность, несмотря на неоспоримую ловкость, французские партизаны очень часто вдавались в обман, благодаря хитростям противников, не менее их опытных и ловких.

Таким образом, англичанам удавалось все-таки довольно часто благополучно проводить транспорты в крепость.

В общем, они жили, ни в чем не нуждаясь, несмотря на все старания французов поддерживать блокаду и, не допуская ввоза съестных припасов, заставить англичан покинуть позицию, которая могла угрожать весьма серьезной опасностью французским интересам.

Однажды вечером, за несколько минут до захода солнца, три путешественника с трудом пробирались по узкой и извилистой тропинке, пробитой в утесах, на вершину холма, на котором возвышался форт Necessite.

Из этих троих путешественников двое сидели на великолепных мустангах, третий шел пешком в нескольких шагах впереди с ружьем под мышкой.

Всадники казались знатными особами.

Пешеход, одетый в охотничью блузу, в бобровой шапке на голове и индейских мокасинах, служил им проводником. Дойдя до гласиса цитадели, проводник остановился.

Здесь, поставив ружье прикладом на землю и обернувшись к своим спутникам, которых извилистая и очень крутая тропинка заставляла продвигаться вперед очень медленно, он терпеливо стал дожидаться, пока они подъедут к нему.

Затем все трое обменялись несколькими словами, произнесенными шепотом, и проводник по приказанию одного из всадников, которому он поклонился почтительно, положил свое ружье на выступ утеса.

Разоружившись таким образом, проводник быстрыми шагами направился к форту, оставив своих спутников неподвижно стоящими на том месте, куда они успели добраться.

Оба всадника следили тревожными глазами за проводником, быстро подвигавшимся вперед.

Английские часовые, стоявшие там и сям на валу крепости, давным-давно уже дали знать караульному начальнику о прибытии путешественников.

Поэтому, когда проводник подошел не больше как на расстояние пистолетного выстрела, в воротах крепости открылась калитка, и навстречу к нему вышел унтер-офицер с четырьмя солдатами.

— Стой, приятель, — крикнул унтер-офицер, — кто ты такой и что тебе здесь нужно?

— Кто я такой? — отвечал проводник, останавливаясь, и в ту же минуту разражаясь насмешливым хохотом. — Разве вы этого не знаете, сержант Гаррисон, или виски до такой степени затмевает вам глаза, что вы не в состоянии уже узнавать старых друзей?

— Друг ты или нет, приятель, — продолжал сержант угрюмо, — это для меня все равно, а только говори скорей свое имя, если не хочешь чтобы с тобой случилось несчастье!

— Ну, ну! Не сердитесь пожалуйста, я, кажется, не сказал вам ничего такого, за что можно было бы обидеться. Ну, да ладно! Я не стану с вами спорить, всякий волен думать, что хочет. Меня зовут Змеей. Вы непременно хотите, чтобы я сказал вам свое имя, которое вы знаете так же хорошо, как и я сам, потому что именно вы, если только мне не изменяет память, и наградили меня в веселую минуту этим милым прозвищем... Я с тех пор благоговейно ношу это имя. Надеюсь, вы довольны?

Слыша эти слова, произнесенные с веселой иронией, солдаты

расхохотались, даже сам сержант, несмотря на свой угрюмый вид, по-видимому, несколько повеселел.

— Очень хорошо, — продолжал он, — а теперь скажи мне, зачем явился ты сюда, где в тебе никто не нуждается, господин Змея?

— Я, ровно ни за чем...

— А! Ну, в таком случае, приятель, доставь же мне удовольствие, повернись ко мне спиной и живо убирайся отсюда на все четыре стороны!

— Так-то вы меня принимаете, сержант? А еще мы с вами старые знакомые...

— Вот поэтому именно я и поступаю с тобой так, милый мой друг. Тебя здесь слишком уж хорошо знают. Вот что...

— Ах, очень жаль, сержант, право, честное слово! И если бы это зависело только от меня, ручаюсь вам, что после такого нелюбезного приема я сию же минуту ушел бы отсюда.

— А я еще раз советую вам это сделать и как можно скорее, если вы не хотите, чтобы через пять минут ваша блуза была полна перебитыми костями.

— Я в отчаянии, сержант, что не могу исполнить вашего желания, — сказал проводник насмешливо, — но, повторяю вам, к сожалению, это не от меня зависит.

— А! Так от кого же это зависит, позвольте вас спросить, милостивый государь?

— Черт возьми, сержант! Да от тех двух кавалеров, которых вы, конечно, видите вон там на тропинке!

— Вы все отправитесь отсюда вместе, если эти господа принадлежат к числу ваших знакомых, а может быть, даже и друзей, то они, наверное, не лучше вас.

— Берегитесь, сержант, — перебил Змея, — я, при всем моем нежелании оскорбить вас, должен заметить вам, что вы собираетесь совершить колоссальную глупость, мой милый.

— Черт! — вскричал сержант, сморщив свои густые брови, — ты смеешься надо мной, негодяй!?

— Вовсе нет, я только хочу дать вам добрый совет, вот и все; вы почему-то называли меня сейчас насмешником, а между тем, я говорю совершенно серьезно.

— А-а! — отвечал сержант, на которого против воли, видимо, действовал уверенно-насмешливый тон его собеседника, — значит, эти всадники важные лица?

— А вам серьезно хочется узнать что-нибудь на этот счет?

— Конечно, хочется.

— Ну, так знаете, что я вам посоветую?

— Что?

— Пойдите и спросите их самих! — отвечал Змея, снова раздражаясь веселым хохотом.

Сержант сделал было угрожающий жест, но почти тотчас же передумал.

— Я именно так и сделаю, — сказал он и, обращаясь к своим солдатам прибавил: — хорошенько смотрите за этим негодяем. в особенности же не давайте ему выскользнуть у вас из рук.

— О! На этот счет можете быть совершенно спокойны! Я не уйду — мне и здесь хорошо!

С этими словами Змея без церемонии уселся на траву, в то время как сержант, смущенный в высшей степени этой постоянной иронией, поспешными шагами направился к всадникам.

Во все время разговора сержанта с проводником, которого, за дальностью расстояния, нельзя было расслышать, оба путешественника не тронулись с того места, где посоветовал им остаться Змея.

Они совершенно спокойно дожидались окончания этого совещания.

Видя идущего к ним сержанта, они все так же спокойно продолжали сидеть на лошадях, не выражая ни страха, ни удивления.

По мере того, как достойный Гаррисон убавлял расстояние, отделявшее его от чужестранцев, в его манерах и физиономии происходило полное изменение: его наружность принимала более и более мирный характер, манеры становились менее горды.

Судя по этому, можно было с уверенностью сказать, что всадники производили на сержанта очень хорошее впечатление.

Направляясь к ним, он имел в виду поступить с ними круто, по-военному, но, еще не дойдя нескольких шагов до путешественников, он уже чувствовал к ним живейшую симпатию.

Затем, окинув их взглядом в последний раз, он снял с головы касторовую шляпу и почтительно согнул свой длинный спинной хребет.

По всей вероятности, путешественники привыкли, чтобы к ним относились таким образом, потому что они ничем не выразили своего удивления.

И только по прошествии нескольких минут молчания унтер-офицер позволил себе заговорить с ними.

Видя, что его не спрашивают, он решился заговорить первым. Со смеющимся лицом, сложенными сердечком губами и медовым голосом он,

наконец, осмелился уверить их в своей преданности и своем горячем желании предоставить себя всего целиком в их полное распоряжение.

Очевидно, сержант теперь уже не имел намерения расспрашивать путешественников о том, кто они такие и зачем прибыли в форт.

Он теперь только понял, как глупо держал себя с проводником, посланным к нему всадниками, и старался излишней услужливостью искупить неловкость своих первых слов.

Проводник, у которого были зоркие глаза, только посмеивался про себя.

Четверо солдат, сторожившие его, глядя на своего согнувшегося в дугу начальника, решили, что последний и сам осознал, наконец, что шел по ложной дороге, о чем ни один из них, конечно, и не подумал пожалеть.

Наконец, один из чужестранцев соблаговолил ответить сержанту, мистеру Гаррисону.

Это был старший из всадников, хотя ему нельзя было дать больше двадцати лет; аристократические черты его лица, тонкие и деликатные, как у женщины, были редкой красоты.

Ответив презрительною улыбкой на раболепные заявления унтер-офицера, он удовольствовался тем, что сухо и коротко приказал ему проводить их как можно скорей в крепость.

Сержант хотел что-то возразить, но повелительный жест заставил его умолкнуть.

Гаррисон вторично поклонился, повернулся налево кругом по всем правилам военного искусства и, уже не позволяя себе больше никаких замечаний, направился к форту; всадники шагом следовали за ним. Змея не шевелился.

— Что это значит? — проговорил сержант самым любезным тоном, каким только мог, подойдя к проводнику все еще лежавшему на траве. — Что это значит, дорогой товарищ, вы еще не входили в крепость!? Как глупы, однако, эти люди! — добавил он, указывая на своих солдат, которые, впрочем, не отозвались на его замечание ни одним словом.

— Я ждал вас, дорогой друг моего сердца!

— Ну, так идем!

Затем он сказал шепотом:

— Не сердись на меня за то, что здесь произошло, старый товарищ, все мы то и дело ошибаемся.

— Кому вы это говорите? — отвечал Змея, поднимаясь. — Надеюсь, теперь вы уже не собираетесь ломать мне кости?

— Забудьте это, прошу вас; мы покончим с этой дурацкой ссорой со

стаканом в руках не позже как через десять минут.

— Ничего лучшего я не желаю. Я человек не злопамятный, а в особенности с такими славными товарищами, как вы.

Путешественники вступили в крепость.

Пока они спешили, сержант сказал несколько слов шепотом на ухо одному из солдат; почти тотчас же к иностранцам подошел слуга и с почтительным поклоном доложил им, что комендант крепости ожидает их.

Вслед за тем показался офицер и, молча раскланявшись с путешественниками, повел их на квартиру к коменданту.

Офицер этот был прапорщик Уард.

Пройдя несколько комнат, меблированных с некоторым комфортом, офицер ввел чужестранцев в обширный салон, где попросил их подождать одну минуту, затем он удалился.

Оставшись одни, оба незнакомца с улыбкой взглянули друг на друга.

— Вот видишь, моя красавица, — сказал старший, — мои догадки оправдались... Все идет как нельзя лучше.

— Ив самом деле, дорогая Леона, — отвечал второй путешественник, — нас ждут; ваш посланный отлично исполнил ваше поручение и как следует подготовил все, что нам нужно.

— О! Сеньор Паламэд тонкая бестия, я была уверена, что ему удастся обмануть бдительность французских разведчиков. Ваше национальное самолюбие унижено!

— Ну, а как ты думаешь? Удастся нам исполнить то, что мы задумали? Меня это очень заботит.

— Надеюсь, дорогая Камилла; впрочем, мы скоро узнаем, на что нам можно будет надеяться в этом отношении. Если я не ошибаюсь, к нам идет сам комендант форта и, если только он мужчина и англичанин, он, наверное, не откажет нам.

В эту минуту открылась дверь, и в салон вошел офицер в блестящем мундире.

Все трое церемонно поклонились друг другу; затем офицер, указав своим гостям грациозным жестом на кресла, начал разговор, как только они уселись.

— Я получил, господа, — сказал он, — рекомендательное письмо, которое вы оказали мне честь прислать с одним из ваших слуг. Его превосходительство губернатор Виргинии, наместник ее Британского величества главным образом настаивает на том, чтобы я отдал себя в ваше распоряжение, и я готов подчиниться приказаниям его превосходительства и помочь вам, насколько это, конечно, будет зависеть от меня.

— Мы вам очень благодарны сударь, — отвечал старший из двух путешественников, — за радушный прием, которым вы удостоиваете людей вам совершенно незнакомых.

— Извините меня, сударь, — продолжал офицер с тонкой улыбкой, — я не могу считать незнакомыми особ, которых так рекомендует лорд Дэнвиди.

— Вы, по всей вероятности, майор Джордж Вашингтон?

— Нет, — я капитан Джеймс Мэке. Майор Вашингтон принужден был три дня тому назад отправиться в одну экспедицию, а я в отсутствие его исполняю должность коменданта крепости. Но отсутствие майора не должно беспокоить вас, господа; я здесь замещаю его и постараюсь сделать все, чтобы не дать вам заметить, что вас принимает не сам комендант, а только исполняющий его должность. Но прежде всего потрудитесь, пожалуйста, сообщить мне, чего вы от меня ожидаете, и я сейчас же приму меры к скорейшему исполнению ваших желаний.

Настала минута молчания. Оба незнакомца обменялись взглядами, не лишенными тайного беспокойства; наконец, младший решился возобновить разговор.

— Данное нам поручение чрезвычайно деликатно, сударь, — сказал он. — Отправляясь сюда, мы надеялись увидеть здесь майора Вашингтона и, если нам придется ждать его несколько дней...

— К несчастью, — перебил капитан, — он был вынужден, повторяю вам, отлучиться... здесь, на границе, мы каждую минуту можем подвергнуться нападению, а потому постоянно держимся настороже. Уходя, майор не мог назначить нам времени своего возвращения, хотя очень возможно, что он пробудет в отсутствии и не особенно долго.

— Может быть, нам следовало бы лучше подождать его возвращения?

— Это как вам будет угодно. А между тем, в ваших же интересах было бы... извините меня, господа, что я говорю с вами так откровенно, но мне кажется, что для вас нет оснований скрывать что-либо от меня, так как я пользуюсь полным доверием моего начальника.

— Полным, сударь? — с намерением переспросил старший из путешественников.

— Да, сударь, полным, — отвечал капитан, кланяясь своему собеседнику.

— Итак, — продолжал последний, — майор сообщил вам о причинах, заставивших нас приехать теперь в крепость, которой вы командуете? Он сообщил вам об этом все без исключений?

— Да, он говорил мне все без исключений, сударь.

— Значит, — продолжал молодой человек с легкой дрожью в голосе, — майор Вашингтон говорил вам также и кто мы такие?

— Конечно, сударь, — отвечал офицер с неопределенной улыбкой. — Он объявил мне, что в его отсутствие меня, вероятно, посетят два немецких кавалера, путешествующие под фамилией Вальдэк в этих странах; затем он мне говорил еще, что эти кавалеры находятся под особенным покровительством его превосходительства губернатора Виргинии и что, следовательно, я должен буду принять их, как дорогих гостей, исполнять все их требования и повиноваться им, как ему самому. Поверьте, что мне нетрудно будет...

— Майор Вашингтон не сказал вам ничего больше? — продолжал старший из путешественников.

— Нет, сударь, а разве есть еще что-нибудь?

— Вам прекрасно все известно, сударь, этого достаточно. Капитан снова сделал поклон.

— Итак, господин Вальдэк, вы хотите...

— Сейчас же изложить вам мою просьбу, — возразил молодой человек с прелестной улыбкой.

— Я почти себя счастливым, если буду в состоянии исполнить ваше желание... Потрудитесь сказать, что вам угодно.

— Майор Вашингтон сказал вам совершенно верно, что мы путешествуем по этим странам ради нашего удовольствия, но при этом мы преследуем еще и другую цель.

— А эта другая цель...

— Посетить дикие племена этой страны, нравы которой мы желаем изучить.

— Цель эта весьма похвальна, сударь, но не скрою от вас, что выполнение этого проекта преисполнено больших трудностей и очень опасно.

— Мы это знаем, сударь, но наше решение неизменно. Вы ведь знаете пословицу: «Смелым Бог владеет!».

— Если так, то я не стану вас больше отговаривать. Но, тем не менее, я должен вас предупредить, что вам и думать нельзя посещать индейские племена, если при вас не будет хорошего конвоя; такая попытка была бы чистейшим безумием. Теперь будьте так добры сказать мне, как вы намерены поступить?

Молодые люди одновременно бросили на капитана подозрительный взгляд; но офицер недаром состоял помощником Вашингтона и пользовался его доверием: он спокойно выдержал это испытание.

— Услуга, которую мы от вас ожидаем, капитан, — через минуту ответил младший из путешественников, — касается как раз конвоя.

— Приказывайте! Я вас слушаю!

— Во-первых, можете вы достать нам конвой?

— Конечно, в какую сторону рассчитываете вы направиться?

— К северу.

— Эти-то именно территории и заняты самыми свирепыми племенами.

— Мы это знаем, капитан.

— Неужели вы, зная это, все-таки не измените своего решения?

— Нет, капитан.

— Когда же думаете вы отправиться? — спросил капитан после некоторого молчания.

— Завтра, если возможно.

— Так рано?

— Нам дорога каждая минута.

— В таком случае, господа, конвой для вас будет готов к завтрашнему утру.

— И этот конвой будет состоять?

— Из тридцати индейцев Гуроноу, самых знаменитых воинов из всего племени, с которыми, даю вам честное слово, вы пройдете везде, каковы бы ни были, — добавил он с ударением, — враги, которые могут преградить вам путь. Конечно, в том случае, если вам придется встретиться с врагами.

— Мне, право, совестно, капитан, и я не знаю, как и благодарить вас за вашу любезность.

— Вы мне ничем не обязаны, сударь, я исполняю приказания, вот и все.

Путешественники встали.

— Но, — продолжал капитан, — я забываю, что вы проехали очень большое расстояние и потому, должно быть, очень утомлены.

Капитан позвонил, в приемную вошел солдат.

— Проводи этих господ в приготовленное для них помещение.

Путешественники встали и простились с капитаном.

— Дорогая Леона, — выйдя из приемной, сказал шепотом старший из путешественников своему спутнику, — нас узнали; этот офицер, поверь мне, отлично знает, кто мы такие. Это заметно по всему, даже по тому, как он держал себя с нами.

— А какое нам до этого дело? — отвечал другой тем же тоном. — Пусть он только делает вид, что не знает этого, вот все, что я от него

требую.

Путешественники последовали за солдатом, который провел их в великолепное помещение, меблированное со всем комфортом, который только можно было достать в этой дикой стране и, почтительно откланявшись, вышел из комнаты, где прибывших уже ожидал старый знакомый.

Сеньор дон Паламэд Бернарде де Бивар и Карпио, совершенно излечившийся от своей раны, но еще более чем когда-либо бледный, длинный и худой, неподвижно стоял в прихожей в шляпе набекрень, гордо положив руку на рукоятку своей знаменитой шпаги.

Путешественники жестом приказали ему войти за ними в смежный салон, где они беседовали с ним до глубокой ночи; затем они его отпустили и остались одни.

Глава VIII. ГОЛУБАЯ ЛИСИЦА

На следующее утро, с первыми раскатами барабанов, отбивавших утреннюю зорю на крепостном валу, оба путешественника покинули помещение, в котором они провели ночь.

На их лицах не было видно ни малейших следов усталости. На пороге двери, выходящей во двор, они увидели капитана, сэра Джеймса Мэке.

Офицер сейчас же поспешил к ним навстречу.

— Уже на ногах, господа! — сказал он, пожимая затянутые в перчатки руки, которые ему протягивали его гости.

— Разве это удивляет вас, капитан? — спокойно ответил ему старший из Вальдэков. — Вы, должно быть, считаете нас за изнеженных дам, а не за мужчин?

Слова эти были произнесены так спокойно, что офицер смутился; он не чувствовал в себе дипломатических способностей бороться с такими серьезными противниками.

Затем младший из путешественников сказал капитану:

— Мы хотели видеть восход солнца. Не опоздали мы?

— Не хотите ли вы, кстати, — спросил капитан Мэке самым равнодушным тоном,

— убедиться собственными глазами, с каким усердием и с какой поспешностью я исполнил ваше приказание?

— О! Капитан, мы и не думали что-нибудь вам приказывать.

— С нас довольно было одного вашего слова, капитан. Мы провели ночь совершенно спокойно.

— Не знаю, как и благодарить вас, господа, за ваше доверие ко мне. Я его не заслуживаю. Потрудитесь следовать за мной, пожалуйста, — результаты сами скажут за меня, как я исполнил свое обещание.

— Мы в этом и не сомневались ни одной минуты — ни брат, ни я.

— Конечно!

— Вы слишком любезны. Пожалуйста сюда, господа! Затем сэр Джеймс Мэке повел молодых людей к ограде. — Смотрите, — сказал он, указывая правой рукой на поле.

Чужестранцы взглянули по указанному направлению и увидели на расстоянии не больше пушечного выстрела от крепости, у подножия холма, семь или восемь тольдосов из кожи. Этих тольдосов — в этом они были уверены, потому что уже проезжали по этому самому месту, — не было там

накануне.

— Что это такое? — с удивлением спросили они.

— Это, — вежливо отвечал капитан, — индейские тольдосы; они изображают собой лагерь, занятый тридцатью краснокожими воинами под командой знаменитого вождя Голубой Лисицы, который согласен по моей просьбе сопровождать вас всюду, куда бы вы ни вздумали отправиться и, — добавил он подчеркивая слова, — он будет беспрекословно исполнять ваши приказания, каковы бы они ни были, во все время путешествия.

— Быстрота, с которой вы исполнили наше желание, увеличивает цену оказанной вами услуги, капитан. В свое время мы непременно будем говорить об этом, когда станем благодарить лорда Дэнвиди за радушный прием, оказанный нам здесь.

Капитан поклонился.

— Эти индейцы будут ждать здесь до тех пор, пока вы пожелаете отправиться в путешествие.

— Им недолго придется ждать, капитан, мы рассчитываем уехать сегодня же.

— Я надеялся, что, несмотря на высказанное вами вчера желание, вы согласитесь провести несколько дней здесь с нами.

— К несчастью, капитан, обстоятельства сложились так, что мы должны дорожить каждой минутой и чуть ли не поневоле, поверьте нам, должны уехать сегодня же после завтрака.

— Как вам угодно, господа, но раз вы твердо решили ехать, я пошлю сказать Голубой Лисице, чтобы он явился к вам за приказаниями.

— Я, право, не могу себе даже и представить, как станем мы с ним объясняться, — со смехом проговорил молодой человек.

— Для вас это будет очень нетрудно. Индеец прекрасно понимает по-английски и даже, когда ему это нравится, довольно сносно говорит на этом языке.

— О! Тогда нам и в самом деле не о чем беспокоиться. Сказать по правде, капитан, вы не могли выбрать более подходящего для нас проводника.

Тем временем в крепости все пришло в движение. Одни отряды выходили на рекогносцировку; другие, которые провели ночь за стенами крепости и возвращались на отдых; внутри форта часть солдат занималась ученьем; там и сям виднелись денщики и маркитанты. Но в этом шуме и кажущемся хаосе царил превосходный порядок. Казалось, что ты будто находишься в английском городе, в Европе, — до такой степени жизнь текла здесь в строго определенных рамках, а между тем, эта грозная

крепость была построена всего два месяца тому назад. Англичане в высшей степени постигли ту науку, которая к несчастью, совсем незнакома французам и которая дает им возможность переносить с собой всюду, куда бы они ни являлись, свои обычаи, свою национальную особенность, свою родину.

Но самое важное заключается в том, что подпавшим под их власть народностям англичане умеют навязывать свои правила.

Капитан Мэке, не переходя границ вежливости. И любезности, отдал себя в полное распоряжение джентльменов на те несколько часов, которые им оставалось еще провести в форте.

Между прочим, он предложил им подробно осмотреть крепость.

Господа Вальдэк с видимым удовольствием приняли это предложение.

Надо же было как-нибудь убить время до отъезда; кроме того, сэр Джеймс Мэке был так любезен со своими гостями, что последние могли вполне удовлетворить свою любознательность.

Около девяти часов был подан завтрак, конечно, на английский лад и сервированный так же комфортабельно, как если бы он происходил не в маленьком форте, а в самом Лондоне.

Сэр Джеймс Мэке, прапорщик Уард и двое иностранцев составляли все общество, завтракавшее в этот день за столом.

Завтрак прошел очень весело, причем собеседники разговаривали о совершенно посторонних предметах.

Английские офицеры держали себя как настоящие джентльмены и, само собой разумеется, не позволили ни малейшего намека на причины, заставившие путешественников прибыть в форт.

Прошло уже несколько минут после того как бутылка начала свой круговой обход, как вдруг открылась дверь столовой, и появился сержант Гаррисон в сопровождении индейского вождя.

Голубая Лисица был еще молодой человек высокого роста, с умными чертами лица и гордым взглядом; на нем в высшей степени элегантно, если можно так выразиться, сидел обычный костюм вождя индейского племени.

Войдя в зал, он поклонился присутствовавшему кивком головы, затем выпрямился, скрестил руки на груди и молча ждал, пока с ним заговорят.

Сержант Гаррисон выглядел еще суровее, чем обыкновенно; лицо его было краснее мундира, а глаза сверкали, как карбункулы.

— Добро пожаловать, вождь, — сказал сэр Джеймс Мэке, увидя индейца и церемонно идя к нему навстречу, — сердце мое радуется при виде друга.

— Голубая Лисица получил приглашение от своего отца, бледнолицего

начальника... и поспешил прийти, — отвечал краснокожий с той напыщенностью и тем горловым акцентом, которые свойственны всем индейцам.

— Сядьте возле меня, вождь, — продолжал офицер. Индеец повиновался; капитан тотчас же налил ему стакан виски, наполнив его до самых краев. Вождь, глаза которого заблестели! от жадности, опорожнил его до последней капли.

— Э! Э! Вам, кажется, нравится? — смеясь, сказал прапорщик Уард, относившийся к индейцам несколько презрительно.

— Ох! — отвечал индеец, — огненная вода бледнолицых, все равно, что молоко для Гуронов.

— Если это так, то следует повторить, — продолжал прапорщик.

И он до самых краев налил индейцу второй стакан. В это время сержант Гаррисон, приложив правую руку к головному убору и вытянув левую по швам, стоял неподвижно и прямо, как столб, в трех шагах от стола. Он с таким упорством смотрел на капитана, что последний, наконец, это заметил.

— Что вам надо, сержант? — спросил он его, — вы, кажется, хотите что-то мне сказать?

— Да, капитан, — отвечал сержант с угрюмым видом, мало изменявшимся даже и в присутствии начальников.

— Ну, так говорите! Но сначала выпейте вот это, чтобы промочить себе горло, — добавил офицер, протягивая ему стакан водки.

Сержант взял стакан, выпил, обтер себе рот ладонью и, поставив пустой стакан на стол, опять стал по-прежнему во фронт.

— Ну, а теперь говорите, в чем дело! — сказал капитан.

— Вот в чем дело, сэр, — отвечал сержант, — ваша честь совершенно бесполезно отдает приказание затворять каждый вечер ворота крепости и даже ставить часовых на стенах.

— Это почему, сержант?

— А потому, ваша честь, что есть люди, которым вовсе не нужно дверей, чтобы уходить, когда им это нравится, и проделывают они это под самым носом у часовых.

— Кто же эти люди, сержант, позвольте вас спросить?

— Их двое, ваша честь.

— А как их зовут?

— Первый — тот долговязый негодяй, которому индейцы дали прозвище Розового Фламинго.

— Если не ошибаюсь, это тот самый человек, который два дня тому

назад передал нам письмо от этих джентльменов? — сказал капитан, указывая на иностранцев.

— Он самый, ваша честь; он исчез часов около трех утра и так хорошо скрыл свои следы, что нам до сих пор не удалось найти его.

Молодые люди обменялись взглядом и невольно улыбнулись, слушая наивное красноречие унтер-офицера.

— Гм! Ну, а кто же второй дезертир?

— О! Второй! Это негодяй, которого я давно уже знаю... это человек ровно ни на что непригодный... он был проводником у этих джентльменов и вместе с ними вошел в форт; его зовут Змея, я ему совсем не доверяю...

— Однако на этот раз вы отнеслись к нему, по-видимому, совершенно иначе? — с иронией заметил капитан.

— Это правда, но если он когда-нибудь опять попадетсЯ мне в руки...

— Ну, это едва ли скоро случится. Вы никому не говорили еще об этом, сержант?

— Никому, сэр.

— Очень хорошо! Можете идти, сержант, и главное ни гу-гу! А! Кстати, прикажите сейчас же оседлать лошадей этим джентльменам, а теперь выпейте еще на дорогу.

Сержант поклонился, снова опорожнил поданный ему стакан и ушел, ворча себе под нос:

— Вино доброе... офицер тоже... Но, все равно, потом видно будет!

После ухода сержанта капитан повернулся к молодым людям и сказал.

— Как вы находите, господа, этот двойной побег? Не правда ли, как будто странно немного?

— Мне кажется, что ваш сержант видит опасность там, где ее нет и в помине,

— небрежно отвечал старший из иностранцев — Мы дали поручение нашему конюшему, и этот человек, вероятно, вышел из крепости сегодня утром, как только отворили ворота, а проводник, услуги которого нам теперь бесполезны и с которым мы рассчитались тотчас же по приезде сюда, вероятно, воспользовался случаем уйти вместе с ним. Вам известно лучше, чем кому-нибудь другому, сэр, что охотники, привыкшие к жизни в пустыне, не любят долго оставаться в городах и крепостях.

— Не в том дело, господа. Мне это исчезновение кажется все-таки чрезвычайно странным, несмотря на ваше более чем снисходительное отношение к этим...

— А мне все это кажется вполне естественным.

— Однако, господа, — настаивал сэр Джеймс.

— Виноват, капитан, — отвечал высокомерно молодой человек, — уж не собираетесь ли вы подвергнуть нас допросу? И, таким образом, мы из гостей обратимся в преступников?

— Сохрани меня Бог, господа! — возразил капитан, вежливо кланяясь. — Поверьте, что меня заставляет говорить так одно лишь мое служебное положение

— В таком случае, не станем больше об этом разговаривать, прошу вас, и займемся приготовлениями к нашему отъезду. Что же касается случившегося, то мы отдадим отчет как в нашем поведении, так и в поведении наших людей лорду Дэнвиди, если он этого пожелает, и при этом с вас будет снята всякая ответственность Слова эти были произнесены таким сухим и решительным тоном, что капитан не нашел ни одного слова в ответ. Чтобы скрыть свою досаду, он обратился к индейскому вождю, который, относясь совершенно безучастно ко всему происходившему вокруг него, был полностью поглощен бутылкой рома, стоявшей перед ним, содержимое которой безостановочно переходило сначала в стакан, а из стакана в его желудок. Эта операция, выполнявшаяся с поразительной быстротой, показывала на устойчивую к этому привычку.

— Хорошо ли вы помните, вождь, поручения, которые вам были даны в начале луны пролетающих орлов? — спросил его капитан.

— Слова моего отца остались в моем сердце, — отвечал вождь. — Я в тот же день отправил четверых из моих молодых воинов, они открыли следы и сняли с них мерки. Кто может скрыться в пустыне от пронзительных глаз Голубой Лисицы?

— Значит, вождь уверен, что найдет указанных ему лиц? Краснокожий презрительно улыбнулся.

— Разве мой отец считает своего сына за болтливую старуху? То, что говорит вождь, всегда верно, у него язык не раздвоен. Мой отец даст огненной воды моим воинам, и все будет хорошо.

— Вы получите огненную воду по возвращении из экспедиции, и поэтому я в ваших же собственных интересах советую вам поторопиться.

— Мой отец даст нам теперь же ружья?

— Хорошо! Воинам моего сына по выходе их из форта дадут десять ружей, пороху и пуль.

— Ох! Мой отец — великий начальник бледнолицых; Голубая Лисица исполнит все, что он обещал.

— Я рассчитываю на вашу честность, вождь, — добавил капитан Затем, указав на чужестранцев, сказал: — Оба эти воина будут сопровождать вас во время экспедиции, как это было условлено

— Голубая Лисица будет повиноваться обоим этим воинам, как он повинуется своему отцу. Голубая Лисица великий храбрец в своем племени; кто осмелится ответить ему — нет, когда он говорит я хочу?

Капитан встал.

— Теперь как раз пора ехать, — сказал он. Вождь поднес горлышко бутылки ко рту и опорожнил ее одним духом.

— Голубая Лисица готов, — отвечал он, ставя на стол пустую бутылку.

Все вышли

— А как вам кажется, — шепотом спросил старший из чужестранцев капитана, — в состоянии ли будет этот человек после того огромного количества спирта, которое он поглотил, вести себя как следует?

— Успокойтесь, — возразил так же тихо капитан, — желудок этого негодяя до такой степени сожжен крепкими напитками, что они уже не производят на него никакого действия. То, что он выпил сейчас, для него ровно ничего не значит; я видел, как он проделывал еще и не такие штуки.

— Значит, мы можем доверять ему?

— Вполне! Он по-своему честен, и душой и телом предан англичанам, словом, это как раз такой человек, какой вам именно нужен. Трудно было бы найти другого, более..

— Откуда вы это знаете? — спросил молодой человек, резко перебивая капитана.

— Я так думаю, — отвечал офицер с двусмысленной улыбкой.

Лошади были оседланы, мулы навьючены. Два солдата держали каждый по пяти ружей на плече; двое других держали большой жестяной ящик, наполненный порохом, и мешок с пулями это было оружие и боевые припасы, обещанные индейскому вождю. Оба чужестранца сердечно простились с английскими офицерами и прыгнули в седла. Отдан был приказ открыть ворота форта.

— Прощайте, господа, — сказали иностранцы, — еще раз спасибо вам за ваше гостеприимство.

— Прощайте, господа, — отвечал капитан, — счастливого пути и в особенности удачной охоты! Будьте осторожны: дичь, которую вы хотите подстрелить, может сама напасть на охотника, поэтому старайтесь не давать захватить себя врасплох!

Чужестранцы, по всей вероятности, поняли намек, заключающийся в этих загадочных словах, они оба покраснели, не произнося ни слова, а затем, прищпорив лошадей, удалились крупной рысью.

Через несколько минут они достигли уже индейских шалашей, где были приняты краснокожими со знаками глубочайшего почтения.

Никакими словами нельзя описать, как ликовали индейские воины, получив оружие, присланное им комендантом английского форта Радость эта походила на беснование безумных, и вождь довольно долгое время не мог заставить их успокоиться. Наконец, возбуждение постепенно утихло, и все пришло в обычный порядок Голубая Лисица, не теряя времени, приказал убрать тольдосы и как можно скорее готовиться к отъезду. Через несколько минут воины уже стояли, выстроившись в одну шеренгу, а затем углубились в лес, где не замедлили исчезнуть, идя тем эластичным, так называемым гимнастическим шагом, за которым лошади трудно следовать даже рысью и которым так гордятся индейцы Оба путешественника следовали в арьергарде. С вершины крепостной стены английские офицеры следили за тем, как снимались с лагеря краснокожие; когда вслед за краснокожими в лесу исчезли и всадники, офицеры спустились со стены.

— Бедные молодые люди, — сказал прапорщик Уард, — ради чего это им пришлось в голову, таким богатым и таким красивым, добровольно подвергать себя всем опасностям подобного путешествия, не преследуя при этом ни выгод, ни славы?

— Вы ошибаетесь, сэр, — отвечал капитан, — выгода, которой они ожидают, — мщение и, к сожалению, оно, по всей вероятности, им удастся.

— Я вас не совсем понимаю, сэр Джеймс. Почему это к сожалению?

— Я хотел этим сказать, старый дружище, что быть и казаться — две совершенно различные вещи.

— Я никогда иначе и не думал. Итак, эти молодые люди..

— Не мужчины!

— Э? Кто же они в таком случае... обезьяны?

— Не думаю, — отвечал капитан, улыбаясь

— Черти?

— Скорее, да, или нечто в этом роде.

— Значит, женщины?

— Угадали, и притом такие женщины, которых ненависть делает коварными и жестокими!

— Зачем же вы их здесь принимали? — проворчал прапорщик сквозь зубы.

— Если бы это зависело только от меня, крепостные ворота не отворились бы для них; но я получил на этот счет особые приказания... Вы увидите, сэр, что посещение этих дам принесет нам несчастье.

— Это почему?

— У меня такое предчувствие. Помните вы смерть графа де Жюмонвилля?

— Мой Бог! Да... я не забуду ее до самой смерти, — проговорил прапорщик, отворачиваясь.

— Ну, так вот! Если я не ошибаюсь, это будет продолжением того печального дела.

— Тем хуже, капитан! Дай Бог, чтобы вы ошиблись. Довольно и того, что это дело лежит на нашей совести, хотя мы исполняли только приказания! Но не будем больше говорить об этом, хотите?

Капитан Мэке, вероятно, был одного мнения с прапорщиком Уардом.

Он ничего не возразил и, грустный и озабоченный, направился в свое помещение.

Смерть французского офицера, хотя они помогали ей только невольно, лежала тяжелым гнетом на сердце обоих этих храбрых солдат.

Голубая Лисица недаром хвастался, что он великий храбрец, и сэр Джеймс Мэке отдавал ему только должное, хваля его ловкость, его преданность, а также его храбрость.

Оба путешественника очень скоро уже и сами могли оценить все эти качества начальника конвоя.

Они могли только хвалить его за это. Умный индеец на каждом шагу давал им доказательства своих способностей проводника; он никогда не ошибался, никогда не колебался; он двигался так же быстро и решительно по пустыне, как если бы люди, по следам которых он шел, заранее сообщили ему свой маршрут. Сломанная ветка, оторванный лист, слегка помятый мох на дереве, замутившаяся вода, примятая трава, — словом, всякая безделица служила ему указанием и заметкой, мешавшей ему отклониться от настоящего пути.

Через два дня после выезда из крепости, в то время, когда отряд располагался бивуаком на ночь, к путешественникам присоединился сеньор Паламэд.

Достойный идалго, несмотря на довольно смешную внешность, был старый авантюрист, полный хитрости и тонкости. Испробовав все ремесла, в особенности же ремесло браконьера, он обладал необыкновенной способностью отыскивать едва заметные следы, оставленные на песке или в кустах, и это с первого же дня заставило краснокожих относиться к нему с величайшим уважением, потому что они больше всего ценили в людях именно эти качества; кроме того, авантюрист был храбрый, меткий стрелок и неутомимый ходок, что тоже ценится индейцами очень высоко.

На этот раз, кроме желания с честью выполнить данное ему поручение, им руководила еще и другая, более существенная, причина, а именно желание отомстить за удар шпаги, от которого он чуть не умер и за

который горел желанием воздать с процентами. Это был единственный долг, заплатить который так хотелось идальго.

Вот почему он натворил чудес. Он явился с самыми свежими и интересными новостями: он знал, где находились те, которых искали; он видел их, значит, сомнение было невозможно. Кроме того, Змея взял на себя обязанность провести их в такое место, где они будут иметь возможность захватить врагов, как в мышеловке.

Змея, надо заметить, не счел нужным сообщить авантюристу, какое средство он имел в виду для того, чтобы добиться этого результата; но все равно... сеньор Паламэд считал себя вправе положиться на обещание охотника, и он был прав: последний, действительно, имел намерение сдержать свое слово.

Эти добрые известия рассеяли все сомнения.

На следующий день, на рассвете, все снова тронулись в путь, на этот раз еще быстрее, потому что все знали, куда идут.

Змея, желая, вероятно, доказать свою честность, вышел навстречу маленькому отряду, которому он должен был служить проводником.

Он поставил его в засаду с ловкостью, заслужившей ему единодушную похвалу.

Выше мы уже говорили, какие результаты дали эти комбинации, — от них, конечно, ждали лучшего.

Теперь мы станем продолжать наш рассказ с той минуты, когда оба путешественника, взятые в плен теми, которых они хотели захватить врасплох, были приведены к ним краснокожими.

Глава IX. ПЛЕННИКИ

Переправившись на остров, Голубая Лисица окружил цепью воинов обоих офицеров, разговаривавших с Изгнанником на прогалине, и затем, подойдя к молодым людям, сказал им:

— Бледнолицые начальники руководили экспедицией с самого выхода из форта Necessite; они прибыли на место. Что они теперь будут делать? Голубая Лисица ждет их приказаний, чтобы действовать.

Молодые люди обменялись быстрым взглядом, затем старший из них ответил:

— Голубая Лисица захватит врасплох наших врагов; мой друг и я, мы останемся здесь и будем ждать, чем окончится нападение.

— Бледнолицые станут защищаться.

— Вероятно. Вождь возьмет их живыми; наш белый дед, командующий фортом, хочет сохранить их у себя пленниками Индеец с недовольным видом покачал головой.

— Мои юноши не старые бабы, которых можно бить и не получать за это ударов от них.

— Оба французских офицера должны быть приведены живыми, так нам было приказано.

— Хорошо. Это будет сделано, — отвечал вождь после довольно продолжительного раздумья, — только многие из моих воинов не увидят больше своего вигвама.

Молодой человек вместо ответа молча пожал плечами.

Тогда вождь нехотя удалился, решив, однако, строго повиноваться приказанию, отданному ему так высокомерно.

Это приказание спасло жизнь офицерам и было причиной поражения индейцев.

Итак, двое молодых людей остались под охраной дона Бернарде, ожидая с тревогой результата нападения, подготовленного Голубой Лисицей и его воинами.

Хотя они остановились и очень близко от берега, зато оказались превосходно скрытыми окружавшими их деревьями и высокой травой, достигавшей в этом месте больше восьми футов; однако, из предосторожности, они сочли лучшим сойти с лошадей.

Не прошло и нескольких минут, как они услышали топот ног, и почти тотчас же показался человек, направлявшийся к берегу из глубины острова.

Человек этот был Изгнанник.

Увидев их, он остановился, устремил на них странный взор, тонкие губы его скривила улыбка и, скрестив руки на груди, он сказал скрипящим голосом:

— А-га! Вы, господа дворяне, стоите здесь, точно на охоте, и ждете, чтобы ваши загонщики выгнали на вас дичь, не так ли?

Молодые люди молча стояли, удивленные этим странным выговором, и только один идалго сделал шаг вперед.

— Что это значит? — вскричал он, — что вам надо?

— Назад, негодяй! — крикнул Изгнанник, презрительно отстраняя его рукой.

Дон Бернарде невольно попятился, положив при этом руку на эфес шпаги.

— Черт возьми! — продолжал Изгнанник, — охота — благородное развлечение! Но эта охота будет трудная; смотрите, мои голубчики, как бы дичь не кинулась на охотника, берегитесь!

— Сударь! — вскричал гневно один из всадников

— Графиня де Малеваль, — невозмутимо отвечал Изгнанник, — и вы, маркиза де Буа-Траси, последуйте моему совету бегите, пока еще не поздно.

И, поклонившись с едкой иронией обеим изумленным дамам, он скрылся в чащу раньше, чем особы, которым прямо в лицо он так грубо бросил оскорбление, нашли в себе достаточно присутствия духа, чтобы попытаться его остановить или, по крайней мере, потребовать у него объяснения его загадочных слов.

— Что делать? — прошептала изумленная графиня.

— Ждать! — решительно отвечала маркиза. — Эти два человека, как бы храбры они ни были, не могут победить тридцать человек индейцев, окружающих их в данную минуту.

Маркиза де Буа-Траси говорила это с плохо скрываемой радостью.

Изгнанник не ошибся. Всадники, которых мы видели выезжавшими с такой решимостью из форта Necessite и затем осмелившихся отправиться с отрядом индейцев по следам французских офицеров, преследуя их с таким остервенением, были именно маркиза де Буа-Траси и графиня де Малеваль.

Каким образом, будучи француженками, добились они неограниченной протекции у английских властей — это мы узнаем впоследствии.

Слепая ненависть графини не отступила ни перед каким препятствием и низостью для того, чтобы достигнуть желанной цели — мщенья!

Маркиза не покидала свою подругу: вот и все, что мы можем сказать о них в настоящую минуту.

Между тем, битва на прогалине продолжалась все с тем же остервенением; шум ее отчетливо долетал до обеих дам, волнение которых достигло крайнего предела.

Французские офицеры мужественно сопротивлялись яростному нападению своих врагов.

Несмотря на уверенность в успехе и благодаря искусно расставленной ловушке, обе женщины невольно почувствовали страх.

Остров начинал принимать в их глазах фантастический вид хищные звери, выгнанные из своего логовища, с испугом проносились мимо них; птицы беспорядочно порхали, испуская тревожные крики.

— Что делать?.. — Это слово вырвалось с выражением ужаса с побледневших губ графини де Малеваль

— Бежать! Бежать как можно скорей! — вскричал появившийся внезапно возле нее человек, бросая беспокойный взор на госпожу де Буатраси.

— Андрэ! Брат мой! — проговорила последняя, отвечая на этот взор жестом, не замеченным ее подругой.

— Да, это я, — отвечал молодой человек прерывающимся голосом, — я следую за вами с самого форта Necessite, куда я прибыл час спустя после вашего отъезда. Бегите, во имя самого Неба, бегите, или вы пропали!

— В чем дело!?

— Индейцы окружают вас; еще мгновение — и они будут на острове.

— Но ведь индейцы — наши друзья! — возразила г-жа де Малеваль.

— Те, о которых я вам говорю, — ваши самые свирепые враги. Бегите, умоляю вас, не теряя ни минуты, хотя, может быть, и так уже слишком поздно.

— О! — проговорила графиня с бешенством, — бежать!

— Да, нужно бежать.

— Но как?

— Пойдемте, — продолжал Андрэ, — следуйте за мной! В нескольких шагах отсюда у меня есть пирога, скрытая в тростнике...

— А наши лошади?

— Бросьте их, но только бегите, бегите!

— Индейцы! — вскричал вдруг дон Бернарде со страхом на лице, что казалось как будто немного странным у такого грозного бойца.

Последнее слово заставило дам решиться; они вихрем помчались по следам, которые Андрэ оставлял на траве. Идальго следовал за ними со

шпагой в одной руке и пистолетом в другой.

Прошло несколько минут.

Четверо беглецов, подгоняемые страхом, бежали с чрезвычайной быстротой, не обмениваясь ни одним словом.

— Вот они! — заревел дон Бернарде.

— Мы пропали! — прошептала графиня.

— Нет еще! — решительно проговорил Андрэ. — Моя пирога вон там, за этой группой каменных дубов; прыгайте в пирогу и бегите! А мы с этим человеком загородим дорогу, чтобы дать вам время бежать.

— Бегите! — добавил авантюрист, взводя курок. — Недаром же я испанец и потомок Сида.

Но, вместо того, чтобы принять эту жертву преданности, дамы остановились.

— Нет, — сказала маркиза с лихорадочною энергией, — я не побегу от этих людей, которых я презираю.

— И я тоже! — добавила графиня твердо

— Но... вы себя губите!

— Ни слова больше, Андрэ, наше решение не изменится. Мы предпочитаем лучше попасть в руки дикарей, чем бежать Бог знает куда по совершенно незнакомой стране... это будет, кроме того, бегство постыдное и унижительное!

— Но чего мы не хотим делать, то вы, мужчины, смело можете попытаться — бегите оба.

— Никогда! — отвечали те, — никогда!

— Я этого хочу, я приказываю вам это, — сказала маркиза. — Бегите же!

— Честь приказывает мне послушаться вас, сударыня, — холодно сказал Андрэ,

— я буду слушаться только голоса чести

— Извините, товарищ, — вмешался идалго, — мне кажется, что я лучше вас понимаю мысль этих дам. Бежим, если еще есть время, еще минута, и мы...

— Как! У вас хватит настолько подлости!

— Не говорите непристойных слов! Эти дамы хотят остаться, и они правы: дикари обыкновенно относятся очень вежливо к женщинам. Наше присутствие погубит их без малейшей надежды оказать им услугу позднее. Поэтому не будем терять времени и, поверьте, настанет и наш час.

— Свободные, вы, может быть, и поможете еще нам спастись.

— Тогда как если мы окажемся мертвыми, — сентенциозно добавил

авантюрист,

— для пленниц не будет уже никакой надежды на спасение.

Андрэ грустно покачал головой.

— Нет, — сказал он, — бежать с ними... или умереть, защищая ее... защищая их!

— Андрэ, ваше упрямство губит нас. Живите для того, чтобы спасти нас, — с мольбой проговорила маркиза.

— Вы требуете этого? — прошептал он, — вы этого требуете?

— Умоляю вас о том, друг мои.

— Воля ваша будет исполнена!

— Ступайте! И да поможет вам Небо. Ступайте!

Двое мужчин кинулись в сторону реки.

Да было и пора: едва исчезли они в чаще, как индейцы вдруг появились перед женщинами и окружили их, но не подходя к ним, однако, настолько близко, чтобы стеснять их движения.

Женщины испустили крик ужаса, бросая вокруг себя взоры, полные безумного страха.

Тогда от группы воинов отделился вождь и сделал несколько шагов вперед.

— Пусть дочери мои успокоятся! — проговорил он, любезно кланяясь им. — Тонкий Слух — знаменитый вождь в своем племени, его воины знают, с каким уважением следует обращаться с пленницами.

Затем он добавил с язвительным смехом:

— Пусть мои дочери следуют за мной! Их лошади могут уйти далеко, пора уже им вернуться к ним.

Молодые женщины опустили головы и последовали, красные от стыда и гнева, за индейцами, смеявшимися и перешептывавшимися между собой.

Лошади оказались на том же самом месте, где их оставили всадники.

— Дочери мои будут ждать здесь, — сказал вождь.

— Зачем вы с нами так говорите, — отвечала маркиза, гордо приподнимая голову, — разве вы не видите, какая на нас одежда?

Индеец улыбнулся.

— У Тонкого Слуха орлиные глаза, — возразил он, — ничто не ускользает от его пронзительного взора. Одежда не делает воина; кроткая голубка никогда не сможет подражать пронзительному и страшному крику коршуна.

Маркиза в смущении отвела глаза; все восставало против нее, даже эта одежда, которая должна была, по ее мнению, служить ей защитой.

Индеец сделал вид, что не замечает смущения своих пленниц.

— Мои дочери будут ждать здесь возвращения вождя, — продолжал он.

Затем, сделав повелительный жест своим воинам, он удалился вместе с ними.

Дамы остались одни.

Они были свободны, по-видимому, но только по-видимому, и отлично знали, на каких условиях им предоставлена эта свобода. Они знали, что их сторожа, скрываясь в чаще, не спускают с них глаз. Вот почему они даже и не пытались спастись бегством, которое, по всей вероятности, не имело бы для них другого результата кроме того, что их стали бы стеречь еще строже и, может быть, отнеслись бы к ним менее любезно. Пленницы в отчаянии опустили на ствол упавшего дуба и стали дожидаться своей участи.

Прошло полчаса, а обе дамы, погруженные в свои грустные мысли, не обменялись еще ни одним словом.

Наконец, ветки одного куста, находившегося перед занятым ими дубом, тихонько раздвинулись, и появился человек.

Этот человек был Тонкий Слух, индейский вождь, в руки которого они так несчастливо попали.

— Пусть дочери мои последуют за мной! — сказал он.

— Куда хотите вы нас отвести? — спросила маркиза.

— Мои дочери это узнают, — отвечал он лаконично.

— Почему бы не убить нас здесь же, — сказала графиня, — вместо того, чтобы подвергать нас жестоким и бесполезным пыткам? Мы не сделаем ни одного шага больше.

— Тонкий Слух — великий вождь, — отвечал высокомерно индеец, — его военный топор никогда еще не обагрился кровью женщины.

И его черные глаза метнули молнию.

— Простите меня, — сказала графиня, — я не знаю ваших обычаев.

Индеец поклонился, улыбаясь.

— Пусть дочери мои следуют за мною! — повторил он. Всякое сопротивление было не только бесполезно, но еще и опасно; кроме того, столь ясное и точное объяснение вождя, не успокоив их окончательно относительно ожидающей их участи, давало, тем не менее, некоторую надежду на благополучный исход.

Маркиза де Буа-Траси первая поднялась на ноги.

— Идем! — сказала она.

— Пойдемте! — отвечал вождь, идя впереди них. Значит, он требовал от них только повиновения? И дамы последовали за ним, молчаливые и угрюмые.

Идти им пришлось недолго, всего каких-нибудь двенадцать минут. Вождь шел впереди них на несколько шагов, устраняя с чрезвычайным вниманием и заботливостью ветки, которые могли бы поранить или помешать им. Этот деликатный прием, так непохожий на индейские привычки, окончательно успокоил обеих дам и вернул им мужество; они чувствовали, что о них заботится какая-то тайная власть.

Обогнув густой лесок, они очутились у входа на довольно обширную прогалину, и тут у них невольно сорвался с губ крик удивления и гнева при виде странной сцены, внезапно представившейся их глазам.

— О! — прошептала графиня, — неужели судьба готовила нам еще и этот позор?

— Мужайся! — шепотом отвечала маркиза. — Мы, правда, и на этот раз проиграли партию, но не все еще кончено. Мы отомстим, клянусь тебе!

— Может быть, — с отчаянием в голосе отвечала ее подруга.

Они остановились на опушке прогалины; затем, под влиянием охватившего их нового чувства, они снова тронулись вперед, но на этот раз высоко подняв голову. Презрительная улыбка блуждала у них на губах.

Несчастье сразило их только на одну минуту, и они очень скоро вернули себе и самоуверенность, и гордость.

Прогалина была запружена индейскими воинами; немного правее десятка два трупов, страшно изуродованных, валялись кучей в луже крови. Трупы эти принадлежали воинам Голубой Лисицы, которые все погибли.

В центре прогалины стояли, опираясь на ружья, несколько канадцев, а среди них четверо мужчин, одетых хотя и в костюмы лесных бродяг, но в которых нетрудно было узнать белых; они шепотом разговаривали с канадским охотником. Эти четверо мужчин были граф де Виллье, барон де Гриньи, Золотая Ветвь и Смелчак, пятый был канадец Бержэ.

Когда прошла первая минута оцепенения, обе дамы, повинувшись реакции, которую легко было понять, вернули себе все присутствие духа и, сопровождаемые вождем, продвигались твердым, уверенным шагом к группе, занимавшей средину прогалины.

При их приближении разговор смолк, солдаты отошли в сторону, а офицеры остались одни с Бержэ, который насмешливо посматривал на прибывших.

Маркиза уже открывала рот, чтобы начать разговор, но граф де Виллье не дал ей времени произнести ни одного слова и, повернувшись к вождю, остановившемуся в двух или трех шагах от него, бросил ему вопрос:

— Кто это?

— Пленники, — отвечал краснокожий.

— А, хорошо, — сказал граф, отворачиваясь, — что же вы хотите сделать с этими пленниками, вождь?

— Отдать их бледнолицему начальнику.

— Мне? Зачем?

— Нам не нужны эти пленники, — добавил барон, — они нас только будут стеснять.

— Они командовали воинами, которые на вас напали. Оба офицера оглядели двух дам взглядом, полным бесконечного презрения, и пожали плечами.

— Я отдаю вам этих негодяев, — продолжал граф, — они ваши, делайте с ними, что хотите, вождь.

— Бедняжки! — прошептал барон с оскорбительной жалостью. В конце концов они получат только то, что заслужили.

Обе дамы слушали, дрожа от стыда и гнева, презрительные слова своих врагов; при последнем оскорблении ярость их вылилась наружу.

— Разве вы меня не узнаете, граф? — вскричала графиня, глаза которой метали молнии.

— Я, — холодно отвечал молодой человек, поворачиваясь к ней спиной, — я не знаю, кто вы такой, я никогда вас не видел и не желаю больше вас видеть!

— Это уже слишком! — сказала графиня де Малеваль, топая ногой. — Вы забываете, с кем вы говорите, господа; какова бы ни была ваша ненависть и ваше презрение к нам, вы, надеюсь, не оставите нас во власти этих свирепых дикарей.

Понятно, что эти слова не могли снискать симпатии краснокожих к неосторожным пленницам.

Барон собирался отвечать, но граф остановил его — это дело должно было разбираться только между ним и графиней.

— Господа, — сказал он все так же хладнокровно, — в эту минуту не мы, а вы забываете, с кем вы говорите. Вы заманили нас в ужасную ловушку; по вашему приказанию эти кровожадные дикари, которых вы почему-то вдруг стали бояться, напали на нас неожиданно. Ваши наемные убийцы были побеждены, вы

— наши пленники; вместо того, чтобы открыто и благородно признать положение, которое вы сами себе создали, вы осмеливаетесь еще возвышать голос в нашем присутствии и даже грозить нам, когда мы презрительно отказываемся мстить вам за ваше вероломство. Вы оба совсем сумасшедшие!

— Граф, берегитесь! — вскричала графиня вне себя. — Если я когда-

нибудь...

— Беречься? С чего это, позвольте вас спросить, сударь? Я дворянин и не боюсь никого на свете; вместо того, чтобы наказать вас, как вы этого заслуживаете, я соглашаюсь.

— Наказать нас! — воскликнула графиня с яростью. — Ты это слышишь, Леона?

— проговорила она, обращаясь к своей подруге.

— Конечно! — невозмутимо продолжал граф. — Может быть, вы предполагаете, что мы не знаем, что вы, будучи французом, позорно отреклись от своей родины и с целью, которой мы не хотим доискиваться, поступили на службу к англичанам, нашим смертельным врагам? Напротив, вы должны благодарить нас, господа, за то, что мы забываем, что вы предатели и перебежчики и вместо того, чтобы налагать на вас наказание, которое вы заслужили вашим недостойным поведением, мы обращаемся с вами, как с обыкновенными пленниками! А вы жалуетесь!

Никакими словами нельзя описать того состояния бешенства и стыда, в котором находились обе дамы, служившие в эту минуту предметом безжалостных насмешек со стороны победителей. Невозможность отомстить еще более усугубляла их ярость; бледные, с искаженными чертами лица, тщетно пытались они противиться ужасному удару, обрушившемуся на них. Они терпели муку, казавшуюся им еще ужаснее от того презрения, с каким относились к ним их ненавистные враги, которых они одно время надеялись покорить и положить к своим ногам.

Обе они отлично понимали, почему граф и барон делали вид, будто не узнают их: вне всякого сомнения, это делалось офицерами с умыслом, а следовательно, обида была еще больше.

Затем положение их становилось еще более тягостным вследствие того, что они должны были принимать все эти обиды, не имея возможности отплатить тем же, и, дрожа от бешенства, склониться перед железной волей неумолимых победителей. Оба офицера во сто крат меньше оскорбили бы их, если бы хоть одним словом упомянули, что дамы поступили таким образом из мести.

А они не только не хотели требовать от них объяснений, но даже делали вид, будто совсем не знают женщин, которые под влиянием страсти и любви, под влиянием ревнивой ненависти отказались от своего пола, от своей прошлой жизни.

Этого пленницы не могли простить своим бывшим возлюбленным; особенно же неистовствовала графиня де Малеваль, которая больше уже не владела собой.

Маркиза де Буа-Траси предоставила своей приятельнице говорить за них обеих, а сама довольствовалась тем, что смотрела молча на барона де Гриньи.

Между тем, барон, подражая своему товарищу, казалось, не замечал устремленного на него пристального взгляда и, не желая мстить ненавистью за ненависть, еще не дал себе ни разу труда повернуть голову в ее сторону.

Это презрение, спокойное и вполне сознательное, больно отозвалось в сердце маркизы; слезы текли у нее по щекам, но ни одно слово не срывалось с ее губ. Она ждала минуты, когда ей придется прийти на помощь бывшей возлюбленной графа де Виллье, хотя она и сама жестоко страдала. Женщины так уж созданы: презрение их раздражает, оскорбляет, доводит до отчаяния в десять раз больше, чем ненависть.

Все бешенство, все дурные страсти, пожирившие душу графини де Малеваль, излились в одном пронзительном крике:

— А! Вы не дворяне!

— Мы солдаты, — холодно проговорил граф.

— Вы не дворяне и не солдаты. Вы подлые трусы!

— Да, — отвечал граф, улыбаясь и указывая на кучу трупов, — ужасные трусы и главным образом потому, что не хотели позволить себя убить!

— Я приказала краснокожим взять вас живыми! — крикнула графиня в припадке наивысшего раздражения. — Несчастные, это-то именно вас и спасло!

— Подсланные вами убийцы, должно быть, не поняли вашего приказания, если судить по тому, каких результатов дало их усердие. Ну да, пусть так, сударь, мне и самому хотелось бы поверить этому и избавить вас от наказания, которого заслуживает ваша измена.

Обе женщины задрожали.

Только теперь в первый раз они поняли всю гнусность своего поступка; до сих пор они даже представить себе не могли всей глубины пропасти, в которую они бросились очертя голову.

Их понес вихрь их собственной ненависти.

Они ни о чем не думали, ничего не видели, кроме овладевшей ими страсти!

— Господа, — сказал граф, — мы не хотим знать ни ваших имен, ни вашего звания. Наше нежелание знать это послужит вам спасением... предположив, что мы не знаем, кто вы такие, мы можем считать себя вправе избавить вас от заслуженного наказания... Вы свободны и можете

удалиться куда хотите; никто не помешает этому. Этот тяжелый урок, несомненно, принесет свою пользу. Вы посоветуетесь со своей совестью и поймете, наконец, что слепая ненависть не может привести к добру и, кроме того, вы и сами увидите, что ничем нельзя оправдать французского дворянина за его измену королю и отечеству.

— Вспоминайте о нас, — добавил барон, — не иначе, как о людях, у которых честь говорила достаточно громко для того, чтобы побудить и все забыть.

Маркиза как бы невольно двинулась к нему; он повернулся к ней спиной и отошел от нее.

Затем граф обратился к индейскому вождю:

— Пусть мой брат позовет своих воинов, — сказал он ему, — мы собираемся в путь.

— А пленники? — спросил вождь, устремляя мрачный взор на обеих дам, которые при этом вздрогнули и невольно прижались одна к другой.

— Они свободны, — отвечал граф, — воины моей родины не мстят врагам после того, как им удалось взять их в плен.

Тонкий Слух поклонился и, не возражая ни одним словом, отдал приказание готовиться к отъезду.

— Граф, ради самого Неба! — вскричала графиня де Малеваль, складывая руки, как в молитве, — еще одно слово!

— Я не знаю вас, сударь!

— О! Арман, неужели вы так безжалостны? — скорбно прошептала маркиза. — Неужели вы так же безжалостны, как и ваш друг?

Барон устремил на нее испытующий взгляд и, видимо, колебался, а затем, минуто спустя, возразил:

— Нет! Я решил забыть прошлое раз и навсегда!

— А между тем, если бы вы только знали, почему я попала сюда?

Барон последовал за своим другом, который уже удалялся с поляны большими шагами.

Две покинутые женщины, предоставленные таким образом сами себе, упали на землю, охватили голову руками и разразились рыданиями.

Раскаяние исторгло слезы из глаз графини де Малеваль.

Горе и только одно горе заставило проливать слезы маркизу де Буа-Траси.

Поляна уже опустела; индейцы, канадцы и французы ушли.

Бержэ шагал молча рядом с графом.

Через минуту последний обернулся:

— Что с тобой, старый дружище? — спросил он его, — чем вызвано

такое упорное молчание?

— А тем, что я недоволен вами, господин Луи.

— Недоволен? Значит, ты не одобряешь моего поступка?

— Извините меня, господин Луи, я не только его не одобряю, но даже очень сильно осуждаю. Я все еще спрашиваю себя, как могли вы поступить до такой степени... неосторожно, чтобы...

— Э, ты просто старый безумец! — перебил его молодой человек.

— Однако, совсем не такой, как вы это думаете... Милосердие хорошо в Европе, а здесь оно не только не нужно, но даже вредно. Эти женщины, которых вы так неосторожно пощадил, никогда не простят вам того презрения, с каким вы с ними разговаривали... их две, а из двух одна, по крайней мере, не...

— Что же я должен был сделать, по-твоему?

— У нас есть поговорка: «Убито животное, убит и яд»!

— Несчастный! Убивать женщин!..

— Убивая врагов, не разбирают, мужчина это или женщина, господин Луи... молитесь Богу, чтобы вам не пришлось убедиться в этом на самом себе и в самом непродолжительном времени.

— На все воля Божья! — проговорил граф. Канадец несколько раз молча покачал головой, но не счел нужным продолжать разговор.

Десять минут спустя весь отряд уже покинул остров.

Глава X. ПИЛЬМА

Возвращение было невеселое.

Оба дворянина чувствовали, как сердце их сжималось при мысли об этой непримиримой ненависти, тяготевшей над ними: они не имели другого оружия, которым могли бы от нее обороняться, кроме показного равнодушия.

Разве эти женщины не защищены своей слабостью от возмездия с их стороны?

Всякий порядочный человек ни за какие блага не согласится мстить им; самое большее, что он может позволить себе, это — защищаться.

Но дело усложняется еще больше, когда женщины, с которыми имеешь дело, раньше вас любили или были любимы вами.

Увлечения страсти, впрочем, оправдывают до известной степени женщину, которой пренебрегли, и в особенности ту, которую покинули. Граф де Виллье и его друг, стыдясь своей победы, решили противопоставить ударам, которые враги их, без сомнения, попытаются им нанести, только презрение, жалость и насмешки; это ужасное оружие было одно только способно поразить тех, которых в глубине своего сердца они извиняли, так как при этом невольно вспоминали бывшее счастье и сладкие часы, проведенные в их обществе.

Кроме того, благодаря прирожденному у всех мужчин тщеславию, они видели в этой ненависти неоспоримое доказательство любви, внушенной ими тем, которые теперь их преследовали с таким остервенением.

Достигнув атепетля, офицеры сердечно поблагодарили вождя и канадцев за скорую помощь, оказанную им как раз в ту минуту, когда они уже теряли всякую надежду на спасение; затем они направились к своим хижинам для того, чтобы отдохнуть и отдаться своим думам. Перейдя через площадь, граф обернулся к Бержэ, чтобы с ним проститься, но канадец, как бы угадывая его намерение, сказал ему, что желает с ним поговорить, и не дожидаясь ответа капитана, вошел вслед за ним в хижину, дверь которой он сейчас же тщательно притворил за собой.

— Извините меня, господин Луи, — сказал он, приступая прямо к делу, — за то, что я осмелился беспокоить вас в такое время, когда вы желаете остаться наедине с вашим другом; но мне нужно сообщить вам кое-что очень важное.

— Я слушаю тебя, друг мой, говори, но только как можно короче. Мне

незачем скрывать от тебя, что после всего случившегося сегодня мне нужно привести немного в порядок мои мысли.

— Мне нужно сказать вам всего только два слова: будьте готовы сесть на лошадь завтра на восходе солнца.

— Но ведь здесь у нас нет лошадей?

— Завтра у меня будут две лошади: одна для вас, другая для барона де Гриньи, если только вы не пожелаете идти вместе с нами пешком.

— С вами? Кто же это, друг мой?

— Со всеми жителями деревни.

— А! Значит, это целое переселение?

— Нет, завтра я вам сообщу все подробности; сегодня вечером это отняло бы у меня слишком много времени, а вы нуждаетесь в отдыхе.

— Хорошо, но ты ничего не ответил мне на вопрос о лошадях.

— Это правда, вы одни поедете верхом.

— В таком случае, мы с бароном тоже пойдем пешком.

— Тем лучше! Это произведет большое впечатление.

— Куда же мы пойдем?

— Завтра вы это узнаете, а теперь я прибавлю только одно слово: наступила минута действовать.

— Правда ли это?

— Клянусь вам, господин Луи.

— Слава Богу! Спасибо, друг мой, за это доброе известие. Не беспокойся, мы будем готовы в назначенное время.

— Отлично! Итак, до завтра. Впрочем, я за вами приду.

— Хорошо. Ты увидишь нас совсем готовыми.

— Постарайтесь отдохнуть получше сегодня ночью, — сказал канадец с добродушной улыбкой, открывая дверь, — кто знает, сколько времени вы проведете, не смыкая глаз?

Затем он вышел и оставил молодых людей наедине.

Солдаты еще не возвращались назад; без сомнения, они где-нибудь бражничали с теми из охотников, с которыми сошлись покороче. Но офицеры не беспокоились об их отсутствии, которое давало им только возможность свободно беседовать и поверять друг другу свои тайны.

Красноватый отблеск — предвестник солнечного восхода — едва начинал пестрить горизонт, когда Бержэ неожиданно вошел в хижину к офицерам, которых он, может быть, втайне рассчитывал застать еще спящими; но если таково и было его намерение, он ошибся: молодые люди были уже на ногах и с помощью своих солдат оканчивали последние приготовления.

— Великолепно! — вскричал канадец, — в добрый час! Вы, господа, можете быть охотниками!

— Ты думал застать нас врасплох? — отвечал граф насмешливо. — Бедняжка Бержэ, ведь мы солдаты, а ты это забываешь и, к сожалению, очень часто!

— Может быть, но, во всяком случае, я предпочитаю видеть вас такими веселыми и деятельными. В особенности, господа, не забудьте захватить с собой на дорогу провизию и оружие; берите с собой все, что только можете.

— Черт возьми! Что означает этот совет?

— То, что я говорю, и ничего больше. В пустыне это — первая из добродетелей; безоружный все равно что мертвый.

— А! Ну, а куда же ты нас поведешь? — спросил граф с любопытством.

— За три мили отсюда, не дальше.

— Но это простая прогулка! — вскричал барон. — Зачем же нам так нагружаться? Зачем все эти фокусы?

— Никто не знает, что может случиться, — отвечал канадец таинственно. — Поверьте мне и собирайтесь на эту прогулку так, как будто вы отправляетесь в дорогу на шесть месяцев. Человек знает, когда он выходит, но не может знать когда он вернется.

— Гм! — прошептал граф, — все это начинает меня как-то странно интриговать: объяснись, пожалуйста, Бержэ!

— С удовольствием, господин Луи, насколько это будет мне возможно, однако.

— Я не люблю недомолвок, говори откровенно, куда мы идем?

— Я ведь уже сказал вам, за три мили отсюда.

— Жители атепетля пойдут вместе с нами?

— Все или, по крайней мере, все, кто в силах ходить.

— Значит, мы будем драться?

— Напротив.

— Как, напротив? Ведь не будем же мы плясать, надеюсь?

— Гм!.. Почти что! — смеясь, проговорил Бержэ.

— Брось свои шутки. Ты, старина Бержэ, не такой человек, чтобы беспокоить нас из-за пустяков.

— О, что до этого, то, конечно, нет!

— Ну, в таком случае, что означают эти слова?

— Племя волков-гуронов вызвало на состязание в игру пильма, или в мяч, если хотите, другое племя; и сегодня, через несколько часов должно

начаться состязание. Несколько других племен, состоящих в дружбе с обеими соперничающими сторонами, будут присутствовать при этом состязании в качестве судей, которые затем объявят, за кем останется победа.

— И только затем, чтобы присутствовать при таком зрелище, ты заставляешь нас идти с тобой? Черт возьми! Ты не очень-то церемонишься с нами, друг мой, и мне, признаюсь тебе, очень хочется преспокойно остаться здесь.

— И вы поступили бы очень нехорошо, — отвечал охотник, делая ударение на этих словах, — доверьтесь мне, господин Луи, я не такой человек, чтобы вас обманывать. Если я прошу вас идти и если я так настаиваю на этом, значит, я имею довольно серьезные причины поступать таким образом; вы узнаете эти причины, когда настанет время. Теперь же я вам могу сказать только, что вы должны ехать или идти, чтобы присутствовать при игре в пильму; очень возможно, что потом мы будем присутствовать при другой более серьезной игре.

— Хорошо, хорошо! — смеясь, сказал барон, — вы, приятель Бержэ, — ходячая загадка, разгадать которую я отказываюсь и поэтому отдаю себя в полное ваше распоряжение и следую за вами!

— А вы, господин Луи?

— Мне поневоле приходится делать то же самое, что и мой друг! Но смотри Бержэ, если ты делаешь все это только затем, чтобы посмеяться над нами, я никогда в жизни не прощу тебе этого. Помни, что теперь не время развлекаться.

— Я ничего не боюсь, и скоро вы сами убедитесь в этом. Вы готовы?

— Черт возьми! Уже давно.

— Ну, так с Богом в путь!

Они вышли.

Деревенская площадка была запружена индейцами и канадскими охотниками; появление французов толпа приветствовала громкими криками, потому что их только и ждали, чтобы тронуться в путь. Увидев офицеров, Тонкий Слух пошел к ним навстречу и радушно поздоровался; затем он сделал повелительный жест, и воины, вытянувшись в одну шеренгу, по-индейски, направились в стройном порядке к выходу из деревни. Они шли тем быстрым гимнастическим шагом, который дает им возможность в короткий сравнительно промежуток времени проходить, почти не утомляясь, громадные пространства и по таким дорогам, где очень часто лошадь не может сделать и шагу.

Тонкий Слух и несколько других знаменитых вождей племени

составляли арьергард вместе с французскими офицерами и десятком канадцев, в числе которых, естественно, находился и Бержэ.

Хотя воины, покидая деревню, и придерживались индейского строя, но они не приняли ни одной из тех предосторожностей, которые всегда принимают, когда находятся на военной тропе или даже на тропе охоты для того, чтобы скрыть свои следы; они смеялись, болтали между собой, бегали и, видимо, вовсе не заботились о шуме, производимом прохождением их по лесу.

Несколько раз граф Кулон де Виллье, удивленный более чем странным поведением индейцев, обыкновенно таких осторожных и молчаливых, спрашивал Бержэ, что это, значит, но охотник, улыбаясь, ограничивался тем, что советовал ему ничему не удивляться и при этом прибавил, что скоро они и сами увидят разгадку.

Видя, что расспросы ни к чему не ведут, граф де Виллье больше не стал заниматься тем, что происходило вокруг него и, поборов свое любопытство, решил, не спрашивая больше, ждать обещанного охотником объяснения.

Часов около восьми утра индейцы, наконец выбрались из леса и очутились в огромной прерии, простиравшейся до самого горизонта; широкий водяной проток делил степь на две почти равные части.

Среди довольно большой площадки, тщательно очищенной от травы, возвышалась обширная ротонда или, лучше сказать, трибуна, выстроенная из толстых бревен.

Когда волки-гуроны вступили в прерию, их встретили веселые восклицания индейцев других племен, прибывших раньше их; самые знаменитые вожди пошли к ним навстречу и приветствовали их каждый от имени своего племени.

Пока они обменивались обычными при таких встречах приветствиями, Бержэ подошел к офицерам и шепотом сказал им:

— Выслушайте меня. Все эти индейцы собрались сюда для того, чтобы состязаться в пильма, т. е. игре в мяч. Волки-гуроны уже давно приняли вызов на участие в этой игре; сегодня должно произойти состязание между ними и их соперниками. Заметьте, что между всеми этими индейцами больше восьмидесяти человек канадцев, которые пришли сюда будто бы затем, чтобы присутствовать на церемонии, а на самом же деле они здесь только ради вас. Когда наступит время, они пойдут за вами. Нас окружают английские шпионы... ни слова, ни жеста, которые могли бы заставить угадать ваши намерения. Индейцы и полукровные охотники до безумия любят игру в пильма, поэтому и прибытие их не может вызвать

никакого подозрения. Положитесь на меня: уж я все доведу до конца. Больше, я думаю, вам объяснять нечего.

— Старый друг, — отвечал ему граф, пожимая руку, — я буду во всем тебе повиноваться, делай, как знаешь.

— Хорошо, больше ни слова! Церемония начинается. Только вот вам еще последний совет, держитесь все время позади толпы, но так, чтобы это не бросалось в глаза, и, по возможности, следуйте за мной.

— Хорошо.

Бержэ отошел с самым индифферентным видом и смешался с индейцами, среди которых он вскоре исчез.

Между тем, как и сказал Бержэ, церемония начиналась. После обмена приветствиями вождей Тонкий Слух пригласил стариков и самых знаменитых воинов в ротонду; затем, когда все общество собралось и уселось и музыканты заняли свои места, перед началом бала, предшествующего борьбе, согласно индейскому обычаю, Тонкий Слух поднялся с возвышенного сиденья, которое он занимал около других вождей, и сделал жест, который должен был привлечь внимание.

Тотчас же в толпе, состоявшей из нескольких тысяч лиц, водворилось глубокое молчание.

Тогда вождь произнес длинную речь, в которой хвалил игру в пильма; он напомнил все победы, одержанные волками-гуронами над другими племенами, не забывая указать на свои собственные подвиги и на подвиги других вождей, присутствовавших на празднике и прославившихся своей ловкостью в этих атлетических играх.

Эта речь, которой мы не передаем, была сказана с жаром и не лишена была даже красноречия; она имела целью возбудить страсть в молодых людях и пробудить в них честолюбивую жажду победы.

После этого обязательного пролога всякой индейской церемонии вождь опять занял свое место; тогда началась музыка, по индейскому манеру, причем каждый из музыкантов играл что хотел и как хотел; в общем, получалось нечто ужасное, конечно, для европейского слуха.

Целая толпа молодых девушек, одетых во все белое и украшенных ожерельями из стеклянных бус, браслетами и массой лент, вошла в ротонду.

Они все держались за руки и тихими и низкими голосами стали подпевать пронзительным звукам музыки; затем они образовали полукруг в два ряда спина к спине и, обратившись одной стороной к музыкантам, а другой к сидевшим в ротонде, стали медленно двигаться вокруг залы.

Этот танец или, скорей, этот марш продолжался около четверти часа.

Вдруг снаружи раздался пронзительный крик. Крик этот издал целый

отряд молодых людей, быстро входивших друг за другом в ротонду с палками в руках.

Эти новые актеры были тоже разряжены, раскрашены в разные цвета, украшены серебряными браслетами и ожерельями из красных зерен. В волосы у них искусно были воткнуты целые пучки больших развевающихся перьев.

Они тоже образовали собою полукруглую линию, обернувшись лицом к молодым девушкам; последние сейчас же перестроились в один ряд параллельно мужчинам.

Теперь уже образовались два хора-мужской и женский, певшие поочередно, и обе линии продолжали двигаться полукругом.

Вот в чем приблизительно заключалась пляска, исполнявшаяся молодыми людьми и девушками: первый от края из танцовщиц тихо поднимался на носки, затем быстро опускался на пятки; остальные проделывали то же самое, но таким образом, что, когда первый стоял на пятках, второй поднимался на носки и так далее по всей линии.

Кроме этого танца пильма, или игры в мяч, у индейцев существует еще много других танцев, причем все они так же мало интересны, как и этот. Одно из условий требуемых для того, чтобы заслужить репутацию великого храбреца, заключается в том, чтобы сначала прослыть искусным плясуном.

У краснокожих есть охотничьи танцы. Последние носят трагический характер: они представляют собой воспевание храбрости ловкости и силы. Вообще же, танцы их перемешаны с музыкой и хоровым пением.

По окончании танцев борцы, вооруженные палками, разделились на два отряда, и по знаку, данному одним из вождей, началось состязание пильма, которое не замедлило поглотить полное внимание зрителей.

Французы, заинтересовавшиеся странным зрелищем, которое им пришлось видеть впервые со времени их прибытия в Америку, как бы забыли на некоторое время причины, заставившие их забраться в индейскую деревню, как вдруг мимо них прошел Бержэ и слегка прикоснулся к руке графа де Виллье.

Граф обернулся.

— За вами теперь никто не следит, — сказал охотник, — пробирайтесь сквозь толпу один за другим и следуйте за мной издали, но так, чтобы это никому не бросилось в глаза.

Затем, приложив указательный палец к губам, он спокойно пошел дальше, однако, уже не так быстро, чтобы граф не мог потерять его из виду.

Молодые люди мало-помалу отделились от толпы, которая инстинктивно давала им дорогу, а затем, покинув ротонду, добрались до

опушки леса, в который они вошли почти сейчас же вслед за Бержэ.

— Следуйте за мной! — сказал последний, как только они подошли к нему.

— А наши солдаты? — спросил граф.

— Идите, они вас ждут.

Граф де Виллье и его друг, не спрашивая дальнейших объяснений, повиновались охотнику, который быстрыми шагами пошел впереди них.

Почти через час все трое вышли на небольшую прогалину, среди которой собралось около ста человек.

Люди эти были охотники-канадцы; Золотая Ветвь и Смелчак были вместе с ними.

Бержэ приветствовал охотников дружеским жестом, затем, окинув взглядом канадцев, спросил:

— Где Жан-Поль?

— Я здесь! — отвечал грубый и отрывистый голос. И Изгнанник, отделившись от группы людей, среди которых он стоял, сделал несколько шагов вперед.

— Этот человек здесь? — с удивлением вскричал граф.

— Молчите! — проговорил Бержэ, сжимая ему руку.

— Но, — продолжал граф, — не объясните ли вы мне?..

— Молчите! Я отвечаю за него. Не судите об этом человеке, не зная его.

Покоряясь невольно голосу охотника, граф замолчал и с озабоченным видом опустил голову.

Между тем, Бержэ и Изгнанник начали говорить шепотом.

Беседа их продолжалась всего несколько минут; затем Изгнанник, обменявшись рукопожатием с охотником, удалился, не взглянув на офицеров и даже как будто не заметив их.

— Черт возьми! Да что же все это значит? — с нетерпением спросил граф. — Я хожу, как слепой, просветите меня...

— Это значит, господин Луи, — холодно отвечал Бержэ, — что, если вы желаете, то не больше как через два дня вы будете иметь возможность захватить английский транспорт.

Глава XI. БЕРЛОГА СЕРОГО МЕДВЕДЯ

Ответ Бержэ не мог, конечно, не удивить графа де Виллье, менее всего ожидавшего услышать что-нибудь подобное, но он сумел сохранить внешнее спокойствие и даже довольно мягко сказал канадцу:

— Говори, я тебя слушаю.

— Не здесь, господин Луи. Мы слишком близко от наших друзей индейцев.

— Странные друзья, перед которыми нельзя раскрыть рта.

— Именно. Вперед! Через час там уже заметят, что мы исчезли. Надо употребить это время с пользой и поработать ногами.

— Однако, если мы...

— Если мы не хотим, чтобы на наши следы напали те, в чьих интересах за нами следить и уничтожить все планы нашей экспедиции.

— Это справедливо; но этот человек, этот шпион, словом, Жан-Поль, как ты его называешь.

— Ну, что же? — спросил Бержэ.

— Ты не боишься, что он нас предаст.

— Он!.. — проговорил Бержэ с невольным жестом негодования, — нет, успокойтесь, господин Луи, он нас не предаст. Молодой человек покачал головой с видом сомнения.

— Поверьте мне, господин Луи, — с грустью продолжал охотник, — вы очень ошибаетесь насчет этого человека; позднее вы узнаете и тогда...

— Тогда? — с любопытством проговорил граф.

— Ничего, я знаю, что говорю. Но довольно нам заниматься этим несчастным; подумаем лучше о наших собственных делах.

Затем, обращаясь к канадцам, сгруппировавшимся вокруг него, Бержэ сказал:

— Товарищи, вот те два французских офицера, о которых я вам говорил. Вы обещали мне во всем им повиноваться, могут ли они рассчитывать на ваше слово?

— Да, — отвечали охотники в один голос.

— Вы ведь знаете, в чем дело?

— Ты нам это уже говорил! — возразил один из канадцев.

— И вы обещаете исполнить ваш долг? — Мы поклялись и сдержим нашу клятву.

— Хорошо, теперь все сказано, товарищи. Затем Бержэ обернулся к

офицерам:

— Я сдержал свое обещание, господа: эти храбрые охотники пойдут за вами в огонь и в воду. Рассчитывайте на них, как на меня.

— Мы надеемся на них, — отвечал граф де Виллье, — и я благодарю их именем короля за выраженные ими чувства патриотизма.

Охотники ответили офицеру молчаливым поклоном.

Договор был заключен крепче, чем у всех королевских нотариусов.

Оба офицера были в восторге от того оборота, какой принимали их дела и могли быть уверены, что с помощью окружавших их охотников они успешно выполнят возложенное на них поручение. Никогда еще они не видели такого единодушного решения своих помощников послужить делу, за которое они брались.

— Спасибо, Бержэ, — сказал граф охотнику, — я доволен тобой.

— Тогда, значит, все обстоит как следует, — смеясь отвечал канадец. — Но довольно разговаривать; пора отправляться в путь. Мы еще успеем потолковать сегодня вечером на бивуаке о том, что нам делать дальше, а до тех пор ни слова. Идите с Богом, братцы, а к закату солнца постарайтесь быть там, где мы уговорились. Согласны?

— Хорошо!

Почти в ту же минуту, точно их поглотила земля, все охотники исчезли разом. Офицеры, их солдаты и Бержэ остались на прогалине одни.

Молодые люди удивленно переглянулись.

Бержэ, не давая им времени приступить к нему с расспросами и предупреждая всякие вопросы с их стороны, заговорил первый:

— Сто человек, какие бы предосторожности они ни принимали, не могут путешествовать по пустыне, не оставляя своих следов, — сказал он. — Мы окружены шпионами, которых необходимо сбить с толку. Идя поодиночке, мы увеличим наши шансы на успех, и нашим врагам будет невозможно преследовать нас; впрочем, сегодня вечером мы уже будем достаточно далеко, чтобы нам можно было ничего не бояться. Наши люди уже ушли; а теперь пора и нам!

— Куда же мы пойдем?

— Мы несколько минут будем идти по дороге к деревне, а затем сядем в лодку. Нам придется путешествовать по воде, потому что на ней не остается следов.

Затем они покинули прогалину и, как и сказал Бержэ, опять пошли по той же самой дороге, по которой пришли; но через пять или шесть минут они слегка отклонились влево и очутились среди целого хаоса утесов, на которые молодые люди стали храбро взбираться следом за своим

проводником.

Эти утесы занимали значительное пространство и простирались во всех направлениях.

Взобравшись на одну группу утесов, канадец, наконец, остановился, что доставило большое удовольствие французам: малопривычные к подобного рода путешествиям, они чувствовали сильную усталость.

— Здесь, — сказал охотник, усевшись за огромным куском гранита, — сядем и немного отдохнем.

— Честное слово! Я лучшего ничего и не желаю, — отвечал барон, без церемонии растягиваясь на земле.

Товарищи его тотчас же последовали его примеру.

— Черт возьми! — сказал граф, — по какой же, однако, дьявольской дороге ты нас ведешь, Бержэ!

— Дорога прекрасная, господин граф, хотя немного и трудная; хитер будет тот, кто разыщет на ней следы ваших ног, тогда как за нами нетрудно было бы следовать по обыкновенным тропинкам.

— Это правда, но ведь нам придется спуститься вниз; нельзя же все время идти по этой дороге, где хорошо могут чувствовать себя разве только козы,

— сказал барон, потягиваясь.

Канадец только улыбнулся.

— Не пугайтесь спуска, сударь, — возразил он, — он будет нетруден; теперь самое тяжелое уже сделано.

— Тем лучше! — сказал барон со вздохом облегчения.

— Вы отдохнули, надеюсь, господа?

— Почти.

— Тогда пойдете! Но сначала помогите мне, пожалуйста. Они поднялись и, по указанию проводника, который сам подавал пример, всеми силами налегли на глыбу, около которой отдыхали.

К великому их удивлению, этот утес, довольно больших размеров, тихо закачался, открыв вход в подземелье, которое как будто углублялось в землю и разверстая пасть которого внезапно представилась их взорам.

— Вот наша дорога, — сказал охотник, — пойдете!

— Но ведь там темно, как в печке, в которой нет огня! — возразил барон де Гриньи.

— Ничего, идите; я поведу вас с закрытыми глазами.

— Пойдете, если вы этого хотите.

Они вошли; затем, по приказанию охотника, они слегка толкнули утес, который занял свое прежнее место и герметически закупорил вход в

подземелье.

Тогда они очутились в полном мраке, но мрак этот был непродолжителен. Бержэ высек огонь и зажег факелы из свечного дерева.

Яркий свет озарил своды подземелья.

— Здесь мы в безопасности, — смеясь, сказал охотник. — Хотя бы вся армия его британского величества погналась за нами в погоню, ей никогда не удалось бы нас разыскать; даже индейцы, эти тонкие ищейки, и те не нашли бы наших следов; один только я во всем свете знал это подземелье несколько минут тому назад. Теперь это знают пятеро, считая вас и ваших солдат.

— Оно, по-видимому, простирается довольно далеко, — сказал граф.

— Вы скоро будете в состоянии сами о том судить, господин Луи, потому что нам придется пройти всю главную галерею.

— Куда же тянется эта галерея и куда мы выйдем из этого подземелья?

— На самый берег реки; но теперь нам пока некуда спешить, а так как время близится к полудню, то не мешало бы, я думаю, перекусить чего-нибудь, а потом уже продолжать путешествие.

Разговаривая таким образом, они продолжали продвигаться вперед.

С каждым шагом подземелье постепенно расширялось, свод становился выше; они, наконец, вышли в довольно обширную залу круглой формы, из которой выходило несколько галерей.

Эта зала, по-видимому, была обитаема еще очень недавно. В одном углу валялось несколько штук мехов различных зверей; большой кусок лани и начатый медвежий окорок висели на стене залы; там и сям валялись разные мелкие предметы и даже нашелся запас топлива.

Подбросив дров в очаг, вырытый в центре залы, охотник поджег их и потушил факелы, свет которых был уже больше не нужен; свет проникал через невидимые трещины, дававшие воздух и в то же время пропускавшие достаточно света.

— Но, — сказал граф с беспокойством, — уверен ли ты, старина Бержэ, что никто другой, кроме тебя, не знает этого подземелья?

— Черт возьми! — отвечал канадец, спокойно продолжая заниматься своими кулинарными приготовлениями, — конечно, я в этом уверен.

— Но эта провизия, эти кожи, эти дрова?

— Все это, господин Луи, притащил сюда я сам, так как знал, что вам придется побывать в пещере.

— Это меня несколько успокаивает, а между тем...

— Между тем, вы все-таки беспокоитесь?

— Признаюсь... Несмотря на все мое уважение к твоим блестящим

способностям, я...

— Господа, тех утесов, по которым мы лазили, боятся индейцы и ни за что на свете к ним не подойдут: они убеждены, что их посещают злые духи.

— Как, индейцы верят в привидения?

— В привидения, в призраки, — словом, во все, что хотите... это самые суеверные люди.

— А выход на реку?

— Этого выхода снаружи совсем даже и не заметно.

— Будь по-твоему! У тебя на все готовый ответ. Давайте завтракать!

— Тем более, что все готово; это самое лучшее, что мы можем сделать.

Пятеро мужчин уселись в кружок и с аппетитом принялись за простую, но питательную пищу, поставленную перед ними.

— Как вам удалось открыть вход в эту пещеру? — спросил барон, с завидным аппетитом уничтожая свою порцию.

— Произошло это очень просто и вот каким образом... Я не думаю, чтобы это вас особенно заинтересовало. Однажды, пять лет тому назад, я охотился с одним моим другом канадцем; случайности охоты завели нас в эту сторону во время погони за ланью. Раненое животное искало спасения между утесами. Не отступая перед трудностями пути, мы уже настигли его, когда вдруг ужасный рев раздался над моими ушами, и на месте нашей лани я увидел, не больше как в десяти шагах от меня, гигантского серого медведя, который, замечу вам, между прочим, считается самым страшным из всех зверей пустыни.

Я крикнул, желая предупредить моего спутника и посоветовать ему держаться настороже; к несчастью, было слишком поздно: медведь его заметил и кинулся на него. Охотник храбро ждал свирепого зверя и выстрелил в него в упор из своего ружья. Медведь издал ужасный рев.

Я спешил что было мочи к бедному моему товарищу; человек и хищник катались по земле, борясь не на жизнь, а на смерть... Я остановился на одну минуту, боясь убить моего друга вместо того, чтобы спасти его; затем я поднял ружье, прицелился и выстрелил. Медведь упал всей своей массой: пуля попала ему в глаз. Я бросился вперед. Друг мой, страшно изуродованный, лежал возле своего мертвого врага и бился в предсмертных судорогах. Он едва успел пожать мне руку и испустил последний вздох.

Бродя вокруг того места, где произошло это ужасное событие, я случайно натолкнулся на это подземелье; оно служило берлогой медведю и давно уже, как это доказывали всевозможные кости, лежавшие ворохом в

этой самой зале, в которой мы находимся в настоящую минуту. Я похоронил моего друга при входе в подземелье. Когда я рыл его могилу, я случайно открыл странное свойство этого куска утеса, из которого кто-то как будто нарочно сделал дверь в пещеру.

Одного человека достаточно для того, чтобы сдвинуть его с места, и если я и потребовал недавно вашей помощи, то исключительно затем, чтобы скорей его сдвинуть.

Потом, расспрашивая вождей индейских племен, которые обыкновенно стоят лагерем в окрестностях, я убедился, что существование этого подземелья им совершенно неизвестно; кроме того, я узнал, что место, где находится это подземелье, считается нечистым. Вот вам и вся история, рассказать которую вы меня просили... как видите, все это очень просто.

— Да, но очень печально. Бедняга! При каких ужасных условиях ему пришлось расстаться с жизнью. Вероятно, вам и самому пришлось пережить тяжелую минуту?

— Мы все почти так же умираем в пустыне, — меланхолично проговорил Бержэ.

— Если нас не оскальпируют и не замучают индейцы, нас сожрут звери. Что лучше? Собственно говоря, эта смерть вовсе не хуже и не тяжелее смерти в преклонном возрасте.

— Не будем больше думать об этом, — сказал граф. — Дорогой Бержэ, поговорим, пожалуйста, немного о наших делах.

— К вашим услугам, господин Луи.

— До сих пор барон де Гриньи и я, мы оба не вмешивались ни во что и предоставляли тебе вести все дело по твоему собственному усмотрению, в полной уверенности, что все, что ты ни сделаешь, будет сделано честно и хорошо; самое главное заключалось в том, чтобы не привлекать на нас внимания и организовать экспедицию таким образом, чтобы не возбудить подозрений. Я должен отдать тебе справедливость, мой старый Друг, что ты с первого же дня и до последнего момента действовал с такой осторожностью и так ловко, что ничего подобного я себе и представить не мог. Дела наши благодаря тебе идут пока прекрасно; успех экспедиции, не считая случайности, которую невозможно предвидеть, кажется мне обеспеченным. Но как ты думаешь, не пора ли мне принять на себя командование, то есть ответственность за все распоряжения и докончить то, что ты так хорошо начал?

— Как вам будет угодно, господин Луи.

— Тем более, что мне хочется поскорей покончить с этой экспедицией.

Я дал клятву, мой брат еще не отомщен. Ты это знаешь, Бержэ!

— Это правда, господин Луи, и вы должны сдержать эту клятву. Что же касается того, чтобы вновь взять на себя командование, которое вы мне доверили, как вы сами говорите, то я действовал только по вашему приказанию и сообразуясь с вашими личными желаниями. За эти последние дни вы, правда, держались немного в стороне, но это было необходимо для того, чтобы подготовить все на индейский лад; теперь же я и сам не желаю ничего лучшего, как опять стать тем же, кем я был прежде, то есть вашим проводником, под условием, если вы признаете это необходимым, снова послужить вам еще и другим способом. Я предан вам душой и телом, вы это знаете, и желаю только одного — быть вам полезным и помогать вам по мере сил.

— Я знаю это, старый товарищ, поверь, что я никогда не сомневался в твоей преданности.

— О! В этом я вполне уверен, господин Луи. Я знаю вашу семью-отца к сыну переходят справедливость и доброта. Поэтому делайте как хотите и что хотите.

— Теперь сообщи мне все, что знаешь, о людях, на которых мы собираемся напасть.

— Это здоровенные парни, об этом я должен прежде всего вас предупредить. Все они, английские охотники, как мы, французские охотники, — все они тоже привыкли к жизни в пустыне, все они на деле доказали свою храбрость, знают вдоль и поперек все индейские хитрости и для них слово «невозможно» не существует.

— Гм! Знаешь ли ты, что ты нарисовал мне великолепные портреты этих людей? Иметь их врагами — да это просто удовольствие!

— Я говорю одну только правду: ненависть не должна делать нас несправедливыми к нашим врагам; они зададут нам немало работы, я в этом уверен. Я решил показать их вам такими какие они есть на самом деле, потому что, только зная хорошо своих противников, можно рассчитывать на победу; если же сделать вид, что ими пренебрегаешь, тогда все дело пропало.

— Да, все это правда. Теперь я хотел бы знать, как велик их отряд; можешь ты сообщить мне некоторые сведения на этот счет?

— Конечно, господин Луи, их всех восемьдесят человек.

— Хорошо, нас гораздо больше.

— В сущности это не так уж много значит: обороняться гораздо легче, чем наступать.

— Мы постараемся лишить их этого преимущества.

— Это будет довольно трудно. Английским отрядом командует метис, по имени Летающий Орел, вся жизнь которого протекла в пустыне. Он создал себе репутацию тонкого хитреца, сравниться с которым могут немногие из нас.

— Ты чересчур скромн, друг мой. Я убежден в противном и смело могу сказать, что если бы ты только захотел постараться, ты без особого труда мог бы перехитрить этого страшного Летающего Орла.

— Это будет трудно. Я могу поручиться только за одно, что не от меня будет зависеть, если...

— Я у тебя большего и не прошу, — перебил граф, — я знаю, что ты всегда сделаешь больше, чем пообещаешь. Много товаров везут они с собой?

— Да, это-то именно при настоящих обстоятельствах и составляет их слабую сторону: им придется не только защищаться, но еще и беречь свой обоз.

— Тем лучше. Когда они подойдут к нам совсем близко?

— Дня через два, не позже.

— Это больше чем нам нужно для того, чтобы подготовиться к встрече с ними! Ты знаешь страну, а потому ты и должен подыскать подходящее место для того, чтобы устроить засаду; поищем вместе, если хочешь.

— Приказывайте.

— Может быть, всего лучше было бы постараться захватить их ночью на бивуаке?

— Э! Вот мысль, которая не пришла бы мне в голову; о том, что вы сказали, очень и очень стоит подумать, господин Луи. Ну, да мы еще успеем как следует обсудить этот проект — времени впереди довольно.

— Ну, а раз мы поняли один другого и у нас, по крайней мере в настоящую минуту, не о чем особенно совещаться, не лучше ли будет снова тронуться в путь?

— Когда вы пожелаете, господин Луи, — отвечал канадец, вставая. — Чем скорей мы прибудем, тем больше будем иметь времени для осмотра местности, где нам, может быть, придется действовать.

— Ты говоришь, как старый солдат. Ну, шагом марш! — смеясь, сказал капитан. — Поступай к нам на службу; я обещаю тебе быстрое повышение.

Бержэ снова пошел в авангарде маленького отряда, который направился следом за ним по боковой галерее.

Эта галерея, довольно светлая для того, чтобы не зажигать факелы, делала многочисленные изгибы; иногда казалось, что она даже поворачивает назад. Время от времени они выходили на перекрестки

других галерей, где, если бы у них не было такого верного проводника, как канадец, французы неизбежно бы заблудились; почва постепенно понижалась.

Пройдя быстрым шагом около часу, французы увидели перед собой свет.

— Мы пришли! — сказал канадец, останавливаясь.

Он вошел в соседнюю пещеру, из которой вскоре вышел, держа в руках весла, которые он передал солдатам; затем он вернулся, неся на своих плечах одну из тех легких пирог, которые выделываются из березовой коры, — это единственные гребные суда, употребляемые индейцами

— Вот теперь все! — сказал он. — Идите как можно осторожнее и держитесь шагах в десяти от меня.

Спутники его дали ему пройти вперед, как он того желал, а потом и сами тронулись следом за ним. Склон становился все круче, грунт был мокрый; идти нужно было с крайней осторожностью, чтобы не упасть.

Наконец, канадец остановился; все поспешили к нему и увидели, что пирога спущена на воду.

— Садитесь в лодку! — сказал канадец.

— Но я не вижу выхода!

— Предоставьте мне действовать, мы выберемся; я найду проход.

Все четверо мужчин спустились в пирогу.

— Так, хорошо! — продолжал охотник. — Ложитесь на дно и старайтесь лежать так, чтобы не превышали собой уровня планшира. Ну, улеглись вы?

— Да, — сказал барон, — но положение не очень-то удобное!

— Это дело каких-нибудь десяти минут... Опустите пониже головы

— Что же ты хочешь делать? — спросил граф, видя, что канадец раздевается.

— Я раздеваюсь, господин Луи.

— Как! Ты раздеваешься?

— Да, да, будьте спокойны, все идет отлично. Помогите, Господи!. Теперь держитесь крепче!

Послышался шум тела, упавшего в воду.

В ту же минуту французы почувствовали, что пирога движется, как будто ею управляет невидимая рука; скорость ее постепенно увеличивалась.

Тогда молодые люди, распростертые на спине, с ужасом увидели, как свод подземелья постепенно опускается; вскоре высота его равнялась только двум футам над пирогой, потом одному футу, потом всего только

нескольким дюймам! Им пришлось пережить несколько очень тревожных минут; как ни были они храбры, они невольно трепетали от страха и инстинктивно закрыли глаза.

— Ну, что! Как вам нравится эта картинка? Да вы не заснули ли во время переезда?

При радостных звуках этого дружеского голоса молодые люди вздрогнули от удовольствия.

Они открыли глаза и вскрикнули от счастья, увидев голубое небо над своими головами.

Они находились на реке. Бержэ, сидя на островке, красный как рак облачался в свой охотничий костюм.

— Пожалуйста, возьмите меня в лодку, — сказал он, смеясь.

Солдаты схватили весла и пристали к островку Бержэ сел в лодку.

— Вода холодная, — проворчал он, отряхиваясь.

— Черт возьми! Да где же это мы прошли? — спросил барон. — Я не вижу никакого прохода.

— Он хорошо скрыт и поднимается над водой всего только на два с половиной фута, но вы не можете его видеть благодаря растениям, которые заслоняют его от глаз.

— Я считал себя погибшим, — сказал граф, улыбаясь.

— Честное слово, признаюсь, и я сильно струсил, — проговорил барон.

— Когда я проходил здесь в первый раз, подземелье произвело и на меня такое же впечатление, а теперь я об этом больше и не вспоминаю. Это стоит всего одной холодной ванны, вот и все.

Оба солдата ничего не говорили, но они были бледны, как мертвецы.

Бержэ поместился на корме, чтобы управлять гребком, который заменял собой руль, и пирога быстро полетела по реке.

Глава XII. БИВУАК АНГЛИЧАН

Ночь выдалась темная и безлунная.

Сильный ветер завывал на все лады по ущельям гор и чуть ли не с корнями рвал гнувшиеся под его напором деревья.

Словом, это была одна из тех ночей, полных таинственного ужаса, о которых даже и понятия не имеют в Старом Свете.

По временам наступали минутные затишья, и тогда, как бы затем, чтобы еще более утратить человека с робким сердцем, слышался не то насмешливый хохот, не то вой красных волков, бродивших в темноте; затем все снова умолкало.

У подножия довольно высокого и совершенно безлесного холма стоял лагерем многочисленный отряд путешественников; сбившись кучами вокруг яркого огня, красноватое пламя которого бросало на них фантастические оттенки, они готовили ужин, укрываясь, как только могли, от ледяного дыхания ночного ветра.

Эти путешественники, числом около восьмидесяти, устроили себе ограду из тюков, нагроможденных один на другой, за которыми, как за стенами крепости, укрылись люди и лошади. Двое часовых, облокотившись на длинные ружья, охраняли общую безопасность, в то время как спутники их чистили лошадей, нарезали хворост, черпали воду, — словом, предавались всем тем обычным занятиям, которыми всегда сопровождается остановка бивуаком в пустыне.

Немного в стороне, присев на корточки перед костром, разведенным специально для них, три или четыре человека тихо беседовали и при этом посылали друг другу в лицо целые клубы дыма, вылетавшего из трубок, которые они ни на минуту не выпускали изо рта.

Одетые в коленкоровые блузы, в митассы, спускающиеся ниже колен, обутые в индейские мокасины и с меховыми шапками на головах, они выглядели охотниками или же откупщиками из метисов.

Черты их лиц были грубы, взгляд свиреп, голос хрипл, речь отрывиста и груба. В особенности же один из них, самый рослый и самый старший, выглядел одним из тех старых лесных бродяг, которые совершенно позабыли цивилизованную жизнь и для которых пустыня стала второй родиной; он именно и говорил в ту минуту, когда мы решили познакомить читателей с этими новыми персонами. Спутники слушали его с вниманием и почтением, свидетельствующими о том, что он играл очень видную

роль среди окружавших его людей.

— Ну вот! — говорил он, выколачивая золу из своей трубки о ноготь большого пальца левой руки, — дело идет на лад. Мы приближаемся; еще девять дней, и мы доберемся до места.

— Черт! — воскликнул другой, — нельзя сказать, чтобы мы ехали очень быстро! Проклятое путешествие! Мне оно страшно надоело.

— Ты всегда куда-то торопишься, Опоссум, — насмешливо возразил первый собеседник, — слушая тебя, можно подумать, что мы находимся в дороге чуть не целую вечность, честное слово!

— А это, по-твоему, ничего не значит? Целые семьдесят семь дней пробираться по тропинкам диких зверей и несуществующим дорогам, держаться постоянно настороже и бояться засады! По-твоему, это приятное путешествие? Нечего сказать, хорошо!. Значит, ты не очень взыскателен, старина!

— Ах! — проговорил тот презрительно, — разве храбрый и честный охотник может так выражаться? Неужели ты и в самом деле считаешь себя вправе жаловаться? Значит, ты ни во что не ставишь удовольствие переживать опасности, когда знаешь, что вся твоя жизнь держится только на одной ниточке? Неужели тебе не нравится эта постоянная борьба со всей природой: с людьми, зверями, ураганами и вообще со всем, что тебе встречается на пути? Затем, когда все препятствия побеждены, все враги сбиты с толку или убиты, ты возвращаешься победителем к себе в хижину! Какое удовольствие доставляет такая победа!

— А самое главное, — возможность отдохнуть, — добавил тот, кого называли Опоссумом. — Да, ты прав, Летающий Орел, все то, что ты говоришь, справедливо, но только, к сожалению, не всем приходится возвращаться домой! Вспомни, какие мы с тобой дорогой видели горы костей, белеющих на солнце, причем мы даже не могли узнать, кому принадлежит хоть один из скелетов, которые мы топтали копытами наших лошадей! А между тем, они тоже были при жизни храбрыми и честными охотниками! Теперь они умерли. Кто их знает? Вспоминает ли про них кто-нибудь? Никто. Они исчезли, навсегда вычеркнуты из книги жизни и ни у кого в памяти не осталось даже и воспоминания о том, чем они были и что они совершили!

— Каждый человек должен умереть, — философски возразил Летающий Орел, — лучше пасть в бою, чем угаснуть старым, худосочным и ни к чему негодным, в углу за печкой, на подстилке из листьев или перьев! Все это ты вздор болтаешь!

— Ну, да что толковать, — продолжал Опоссум, как человек, которому

спор не доставляет удовольствия, потому что он чувствует себя побежденным красноречием противника, — дай Бог, чтобы наше путешествие окончилось благополучно!

— Разве ты сомневаешься в успехе нашей экспедиции? — быстро спросил Летающий Орел.

— Наше путешествие еще не кончено, — отвечал Опоссум, — нам остается еще девять дней пути. Кто знает, что нас ждет впереди?

— Это правда, но самые большие препятствия мы уже преодолели, самые большие опасности уже миновали! Ты точно нарочно накликаешь на нас беду!

— Весьма возможно, — сказал Опоссум, покачивая головой с видом сомнения. — У меня грустные предчувствия, которых я не могу преодолеть. Разве я в этом виноват? Они приходят сами собой, я их не зову.

— Я никогда не видал тебя таким.

— Я тоже. Как быть, брат? Это сильнее меня. Мы отправились в путь в пятницу да еще тринадцатого; кроме того, в самую минуту нашего выступления три ворона пролетели над нами: все это дурные предзнаменования, берегись, нам не следовало бы выступить!

Летающий Орел невольно призадумался: голова его склонилась на грудь.

— Ба! — продолжал он через минуту, резким движением поднимая голову, — глупости! К черту старушечьи бредни! Не станем больше думать об этом; давайте хорошенько поужинаем, а потом ляжем спать и соберемся с силами на завтра!

— Хорошо. Но только я все-таки сказал одну чистую правду... вот увидишь!

— Опять! — свирепо крикнул Летающий Орел. — Замолчи!

— Хорошо! Я замолчу, если тебе не нравится, чтобы я с тобой говорил, и даже постараюсь думать о чем-нибудь другом.

— И ты хорошо сделаешь. Можно просто сбеситься, слушая такие дурацкие рассуждения! Ба! Горе может убить и кошку. Будем веселиться, это все-таки будет выигрыш над неприятелем... и несчастьем.

И он передал свою тыквенную бутылку Опоссуму. Последний поднес ее ко рту, но стал пить медленно и, так сказать, неохотно, потом он передал ее своему другу, покачивая головой. Два других охотника закутались в свои одеяла и, протянув ноги к огню, спали как убитые. Опоссум взглянул на них как бы для того, чтобы убедиться, что они, действительно, спят, а затем продолжал, понижая голос и наклоняясь к своему другу:

— Послушай, старина, ты напрасно играешь со мной в эту игру: меня

тебе не обмануть. Твое веселье только напускное; в глубине души ты, быть может, еще грустнее и беспокойнее меня. Будь откровенен, это правда?

Могучим ударом каблука Летающий Орел отбросил в самую середину огня скатившуюся к нему головешку.

— Черт бы тебя побрал с твоими предположениями! — недовольно проворчал он.

— Откуда ты взял, что я задумался или боюсь чего-нибудь?

— Я угадываю это. Видишь ли ты, брат, когда два человека прожили десять лет бок о бок в пустыне, охотясь вместе, расставляя ловушки и воюя с краснокожими, то эти два человека, если бы они даже и захотели, не могут уже ничего скрывать друг от друга: они слишком хорошо знают один другого. У тебя есть что-то на сердце, говорю я тебе. Или ты мне уже не доверяешь? Говори, что с тобой!

Наступило молчание. Летающий Орел, казалось, боролся с глубоким волнением; наконец, ему удалось вернуть себе ту повелительную невозмутимость, которую охотники и индейцы напускают на себя при всяких обстоятельствах и, протягивая резким движением правую руку своему другу, сказал ему:

— Ну, да! это правда: у меня тоже есть кое-что. Дальше что?

— Дальше? Ничего, — отвечал Опоссум. — Я прав, вот и все, и это доставляет мне удовольствие. Ты можешь хранить твою тайну, если это тебе нравится, ну, а я имею такое же право поверять тебе мои собственные тайны.

— Нет, ты все узнаешь, потому что против воли вырываешь истину из глубины моего сердца.

— Одному гораздо тяжелее хранить тайны, — поучительно проговорил охотник,

— вдвоем обуза эта легче.

— Ты эту тайну знаешь или, лучше сказать, ты ее предчувствуешь.

— Я?

— Да, дай же мне сказать.

— Я тебя слушаю.

— Как ты уже говорил, мы вышли из торговой конторы при самых дурных условиях. Предзнаменования были против нас, и, к сожалению, это оправдалось. Ты знаешь, какие несчастья обрушились на нас дорогой: десять человек убиты, пять лошадей утонуло, голод, жажда, ураган, — словом, все, что угодно, кроме хорошего. Право, можно было бы подумать, что вся природа в заговоре против нас. Ты знаешь, какого труда стоило нам добраться сюда.

— Это правда, да и то благодаря твоей энергии и твоему глубокому знанию пустыни.

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Ну, и вот все то, что мы пережили, — сущие пустяки в сравнении с тем, что нас ожидает.

— Э? Что ты хочешь этим сказать? Неужели у тебя есть подозрение на этот счет? На кого...

— На самого страшного врага. Мы его пока еще не видели, — перебил Летающий Орел.

— На кого же ты намекаешь?

— Черт! Ты знаешь его не хуже меня, потому что тебе не раз приходилось с ним схватываться.

— Бесследный!

— Ах! Мне нечего было его и называть. Да, Бесследный, этот проклятый канадец! Он еще не показывался, но я уверен, понимаешь ты, уверен, что он напал на наш след.

— Неужели ты думаешь, что он осмелится напасть на нас так близко от населенных местностей и в самой середине английской территории?

— Бесследный все смеет. Разве ты забыл, кто он такой и какую ненависть питает он к нашей нации, а ко мне в особенности, за что, впрочем, и я плачу ему той же монетой! Да, да!

— Я ничего не забыл. Ну, и в случае, если он на нас нападет...

— Мы пропали! — перебил его Летающий Орел глухим голосом, — пропали, да так пропали, что нельзя будет даже и думать о сопротивлении!

— Да ты с ума сошел, что ли?

— Нет, я в полном разуме, напротив. Повторяю тебе, что тогда мы пропали, и вот почему. У нас утонуло пять лошадей, не так ли?

— К несчастью, это верно; но какое это имеет значение?

— А вот какое, брат: эти лошади везли на себе все наши боевые припасы, порох и пули; теперь у нас осталось только то, что находится в наших буйволовых рогах, т. е. не более десяти выстрелов на человека... Затем мы должны были охотиться, чтобы добыть себе пищу во время путешествия, а потому порох тратился. Вот это гораздо печальнее всяких предчувствий.

— Гм! Это очень серьезно! Хотя все-таки ничего еще не доказывает, что этот проклятый канадец напал на наши следы и замышляет нападение, — сказал Оппосум, в свою очередь, стараясь держаться твердо.

— Он бродит, как волк, вокруг стоянки.

— Ты в этом уверен? Значит, он не оправдывает своего прозвища Бесследный?

— Я сам видел следы незадолго до захода солнца; эти следы оставили его спутники.

— Положение становится критическим. Что же ты думаешь делать?

— Я еще и сам не знаю; я не пришел еще ни к какому решению. А что бы ты сам стал делать на моем месте в таких обстоятельствах?

— Я стал бы защищаться! До последней капли крови!

— Я не о том спрашиваю. Неужели ты считаешь меня способным сдаться как подлый трус и отдать без борьбы весь этот товар, который нам стоило таких трудов дотащить сюда? Но тяжело людям с сердцем давать убивать себя, как телят на бойне, без надежды на отмщение.

— Это действительно тяжело, но, может быть, есть еще средство как-нибудь выбраться из этого положения.

— Какое? Говори.

— Оно опасно, и из ста шансов девяносто девять будут против нас; но у нас нет выбора.

— Довольно и того, если останется хоть один шанс.

— Ты прав. В двадцати пяти милях к западу стоит первый английский пост на границе индейских земель.

— Хорошо! А потом?

— Двадцать пять миль пробежать на хорошей лошади это — сущие пустяки, если знаешь страну. Разбуди твоих людей, увеличь с помощью нарубленных деревьев и окопов лагерные укрепления, которые, благодаря хорошо выбранному месту, почти неприступны и, если на тебя нападут, сопротивляйся до последней крайности.

— Я на это рассчитываю!

— Тем временем верный человек поедет в форт и приведет с собой помощь. Это дело двух дней, от силы трех; я думаю, столько ты можешь продержаться и даже больше.

— Если бы даже мне пришлось остаться одному, я и то выдержу!

— Вот мой совет, как ты его находишь?

— Отличным! Но кто же согласится отправиться за помощью?

— Черт! Да я сам, если хочешь.

— Ты? Неужели ты согласился бы рисковать таким образом своей жизнью?

— Чтобы спасти товарищей? Конечно. Тем более, что это доставит мне, вероятно, случай сыграть хорошую шутку с этим дьяволом Бесследным, который ходит за нами как наш злой гений.

— Э! — проговорил вдруг насмешливый голос, раздавшийся, как похоронный звон, над ушами охотников, здесь говорят обо мне, кажется, и

даже не особенно лестно поминают меня.

Собеседники обернулись с ужасом. Позади них стоял Бержэ, небрежно облокотившись на дуло своего ружья, приклад которого упирался в землю; канадец смотрел на своих врагов с насмешливой улыбкой и спокойствием, приводившим их в отчаяние.

Достаточно насладившись эффектом, произведенным его неожиданным появлением, Бержэ сказал:

— Добрый вечер, товарищи! Благополучно ли обошлось ваше путешествие? — добавил он через минуту, — вы, по-видимому, не очень-то рады видеть меня! Хорошо же вы умеете принимать гостей!

Летающий Орел и Опоссум, хотя и застигнутые врасплох, были слишком крепко закалены для того, чтобы оставаться долго под влиянием испытанного ими волнения; в их уме произошла почти моментальная перемена. Вот почему Летающий Орел отвечал канадцу самым спокойным голосом.

— Вы пришли просить гостеприимства, Бесследный? Если вы пришли, как друг, то, милости просим, садитесь!

— Благодарю, — отвечал канадец, но, однако, не сел, — я пришел почти как друг. Да, клянусь честью! Почти как друг.

— Почти как друг? — перебил его Опоссум.

— Да, потому что я явился к вам в качестве посланника.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что говорю, и ничего другого. Согласны вы признать меня посланником? Хотите выкурить со мной вместе трубку совета?

— Объяснитесь.

— Отвечайте мне сначала ясно и без уверток; я несусь с собой мир или войну. Что вы выбираете?

— Идет! Давайте курить трубку совета! Жизнь ваша вне опасности; вы потом можете уйти свободно, мы не станем вас задерживать.

— Что касается последней статьи, то вы можете ее исключить: я останусь или уйду, как пожелаю, и без вашего дозволения.

Затем Бержэ присел на камень, держа ружье между ног и, достав трубку из-за пояса, набил ее и закурил с тем презрительным хладнокровием, которое ни на минуту не покидало его с самого начала этого странного объяснения.

Английские охотники были слишком хорошими знатоками тех хитростей, которые были в ходу на границе, чтобы не быть внутренне убежденными, что канадец попал к ним совсем не случайно и что если он действовал так смело, то только потому, что чувствовал за собой сильную

поддержку. Хотя ничто еще не указывало на присутствие неприятеля, решение их было принято в одну секунду; они с деланным равнодушием согласились вступить в переговоры со своим противником, захватить которого они не могли и который, с своей стороны, поймал их врасплох с таким странным и ужасным спокойствием.

— Мы слушаем, — сказал Летающий Орел, — но прежде всего позвольте мне поздравить вас с той ловкостью, с какой вы пробрались к нам. Вам недаром дали прозвище Бесследного. От души поздравляю, товарищ!

— Бог мой! — добродушно отвечал канадец, — вы придаете слишком много цены делу самому по себе очень простому, особенно же, приняв во внимание, что вы не знаете, как все это произошло.

— Да, это правда. Однако...

— Эти подробности я считаю своей обязанностью вам сообщить, — перебил он.

— Посмотрите на ваших часовых.

— Ну?

— Их давным-давно уже сменили двое французских солдат, премилые парни, с которыми, я надеюсь, вы скоро познакомитесь.

— Как! — крикнул Летающий Орел, делая резкое движение, чтобы броситься в ту сторону.

Но Бержэ положил ему руку на плечо и без видимого усилия принудил его остаться неподвижно на том же месте.

— Не беспокойтесь. Ваших часовых только ловко убрали в сторонку, вот и все; они не потерпели никакого вреда и чувствуют себя такими же здоровыми, как и мы с вами.

— О! — прошептал старый охотник в отчаянии, — вы суший дьявол!

— Ну, ну! Успокойтесь, я продолжаю: вы говорили недавно вашему уважаемому другу, что ваша стоянка хорошо выбрана, она почти неприступна, я с этим соглашаюсь.

— Ага! — проговорил охотник, — вы с этим согласны. Это все-таки что-нибудь значит.

— Превосходно, почему бы и нет, раз я повторяю мнение, высказанное вами? Но вы ошибаетесь, говоря таким образом...

— Э?

— Черт возьми! Это ясно, и вот почему: вы расположились бивуаком возле холма, на который, по вашему мнению, невозможно взобраться. Ну! Поступая таким образом, вы сделали грубую ошибку. Здесь существует тропинка, правда, очень узкая, даже очень трудная, но которая, за

неимением лучшей, все-таки может пригодиться, и вот вам доказательство, поверните голову вон в ту сторону. Ну, что же вы там видите?

При этих словах Бержэ протянул руку по направлению к холму.

— Огонь! — вскричали пораженные охотники.

— Да, и даже очень яркий; вам нетрудно, конечно, различить отсюда окружающих его людей, не так ли?

— Ах! Вы сущий дьявол. Бесследный! — с яростью повторил охотник, подсакивая точно на пружине.

— Нет, — отвечал тот, сохраняя обычный полусерьезный вид, — я лесной бродяга и знаю пустыню, вот и все.

— К чему вы все это клоните?

— А вот к чему. Слушайте меня с вниманием; это, право, стоит того. Позади каждого из часовых, которые больше уже не ваши, а мои, находится по двадцати человек хорошо вооруженных людей, которые ждут только моего крика, чтобы броситься на ваш лагерь. Вы можете в этом убедиться, если вам хочется. Кроме того, напротив, на холме стоят шестьдесят человек, которым нетрудно перестрелять вас, как голубей, не подвергаясь при этом риску. Этими людьми командуют два французских офицера, нарочно для этой экспедиции прибывшие из форта Дюкэна.

— Французские офицеры?

— Боже мой, ну да! Но смотрите, некоторые из ваших охотников, разбуженные шумом нашего спора, кажется, хотят вмешаться в наши дела. Попросите их, в их же интересах, держаться спокойно до нового приказа; это будет лучше как для них, так и для вас.

Летающий Орел сделал немой жест Опоссуму. Последний тотчас же направился к охотникам, которые, и в самом деле обеспокоенные происходившим в лагере, будили своих товарищей, и все принимались разбирать оружие.

— Давайте кончать с этим! — сказал Летающий Орел, сдерживая голос.

— Я не желаю ничего лучшего. Вы знаете, как и я, что всякая попытка сопротивления с вашей стороны была бы безумием: у вас недостает зарядов, вы сами это говорили; вам, может быть, и удалось бы убить у нас несколько человек, но вы были бы перебиты все до последнего. Итак, мне поручено предложить вам сложить оружие и сдать нам ваши товары.

— А затем? — глухим голосом проговорил откупщик.

— Вы будете признаны военнопленными, и с вами будет поступлено, как с таковыми.

— Это все?

— Нет! вы пройдете с нами до Красивой реки; там вам будет предоставлено право идти куда вам будет угодно.

— На этот раз все?

— Да, больше я ничего не имею вам предложить.

— А если мы откажемся?

— Тогда пусть пролитая кровь падет на вашу голову, товарищ!

— Твоя кровь, дьявол, будет пролита прежде всего! — крикнул Летающий Орел.

И он, как тигр, бросился на канадца, размахивая ножом и крича:

— К оружию!

Нападение было так внезапно, что охотнику, наверное, было бы несдобровать, если бы он не держался все время настороже, не спуская глаз со своего врага, ненависть и свирепая храбрость которого были ему давно уже известны. Бержэ внимательно наблюдал за ним, делая вид, что относится к нему с полным доверием.

В ту же минуту он быстро отскочил назад и вскинул на плечо свое ружье.

— А! Изменник! — крикнул он. — Ко мне! Ко мне!

Раздался выстрел. Летающий Орел грохнулся наземь с раздробленным черепом.

Лагерь был захвачен со всех сторон одновременно; охотники, сидевшие в засаде на холме, ринулись, подобно лавине, на англичан, испуганных этой тройной атакой, которой они вовсе не ожидали. Метисы, побежденные почти без боя, побросали свое оружие и сдались безоговорочно.

Один только человек сопротивлялся: это был Опоссум. Видя, как упал его друг, он не захотел его пережить и храбро дал себя убить возле него.

События эти совершились с такой быстротой, что прошло не больше десяти минут между нападением на лагерь и полным поражением его защитников.

На рассвете, по приказанию графа де Виллье, сначала похоронили убитых, а затем караван, радуясь легкой победе, направился усиленным маршем по направлению к форту Дюкэну.

Они уводили с собой английских пленников и уволили тюки дорогих мехов, привезенные из такой дали, с такими трудностями и так быстро переменявшие владельцев.

Восемнадцать дней спустя граф де Виллье победоносно вступил в форт Дюкэн; в награду за успех своей опасной экспедиции он просил г. де Контркера сдержать данное ему им обещание не оставить без отмщения

смерти графа де Жюмонвилля, его брата.

Глава XIII. ПОХИЩЕНИЕ ВЛЮБЛЕННОГО

Однажды утром, при первых звуках утренней зорьки, приветствовавших рассвет своими веселыми раскатами, граф де Виллье вышел из форта Дюкэна, вместе со следовавшим за ним Золотой Ветвью.

На графе был охотничий костюм; в руке он держал небольшое охотничье ружье.

Золотая Ветвь тоже был в охотничьей одежде.

У офицера и солдата был такой вид, точно они и не думали о делах мира сего.

Выйдя из форта, они направились по дороге к Красивой реке.

Мы уже говорили, что граф вышел, по-видимому, с намерением поохотиться, и не без основания употребили это слово. Дело в том, что ружье, которое граф де Виллье держал в руке, служило ему, так сказать, предлогом, чтобы отправиться на прогулку. Молодой человек вовсе не думал об охоте; если бы даже самая великолепная лань остановилась перед ним, он и тогда не подумал бы о том, чтобы ее убить.

Прошло уже целых четыре дня, как экспедиция вернулась в форт Дюкэн.

Капитан, удерживаемый после столь продолжительного отсутствия требованиями службы, в продолжение этих четырех дней не мог выбрать свободной минуты для того, чтобы заняться своими личными делами.

Вот почему, как только он увидел себя свободным, он взял ружье и отправился будто бы охотиться в сопровождении Золотой Ветви. Солдат непременно хотел его сопровождать, на что капитан, в конце концов, должен был согласиться.

Пройдя около получаса вдоль берегов Огио, капитан сделал резкий поворот вправо и углубился в лес.

Он направлялся к хижине Изгнанника.

Желание совершить эту прогулку вызывалось очень многими причинами: во-первых, он хотел видеть Анжелу, прелестную дочь Жан-Поля, с которой он так долго пробыл в разлуке. Он любил ее такой сильной и чистой любовью! Любовью, которой разлука не увеличила, что было невозможно, но окружила неким ореолом, постоянно напоминая молодому человеку о трогательной и наивной чистоте грациозного ребенка. Кроме

того, его беспокоила участь этой молодой девушки, покинутой, одинокой в глубине пустыни, не имеющей другого защитника, кроме самой себя. Отец ее, единственный ее защитник, оставил ее одинокою в продолжение целых нескольких недель. Сколько серьезных событий могло случиться в такой длинный промежуток времени! Затем капитану еще очень хотелось видеть самого Изгнанника, чтобы добиться от него объяснения его странного поведения во время их встречи на острове: поведение это, несмотря на многократные уверения Бержэ, он вовсе не считал таким откровенным и честным, каким оно должно было бы быть на основании существующих между ними хороших отношений.

Все эти причины заставляли молодого человека незаметно ускорять шаг, и, таким образом, он очутился у входа в огороженный двор хижины, когда еще, по его мнению, он едва только успел пройти половину требуемого расстояния.

Он остановился и окинул взором окрестности: все было спокойно и безмолвно.

— Мы как будто уже пришли, — сказал Золотая Ветвь, едва переводя дух, — тем лучше! Как, однако, мы бежали! Это называется, господин капитан, не ходьбой, а галопом.

— Подожди меня здесь, отдохни! — отвечал офицер, не слышавший ни одного слова из того, что говорил ему солдат. — Я не задержу тебя долго.

— Оставайтесь там сколько вам угодно, господин капитан, а я тем временем покурю трубочку.

И солдат бросился на траву со вздохом удовольствия.

— И тут кроется женщина, — прошептал он, — таким бешеным галопом люди бегают только тогда, когда у них любовь в сердце. Собственно говоря, это дело капитана!.. Надо сознаться — малютка хорошенькая; что же касается меня, то меня это, конечно, не может интересовать ни в каком отношении. Молодежь возьмет свое!

И, вероятно непомерно довольный тем, что сумел так мастерски произвести оценку немного странного поведения своего капитана, бравый солдат расхохотался и закурил свою трубку.

Тем временем, после нескольких секунд колебания, капитан решил отворить калитку в ограде и направился к хижине. Путь был недалек; он подошел к двери, она была заперта. Капитан очень удивился, увидев запертую дверь, которая обычно оставалась открытой в продолжение всего дня.

Он постучал, но никто не отозвался на этот стук; никакого движения

не заметно было внутри хижины.

Капитан поднял голову, посмотрел направо и налево. Окна не только были закрыты, но еще и забиты толстыми ставнями изнутри. Граф де Виллье, серьезно обеспокоенный, вошел в конюшню — она была пуста. Кормушка, покрытая паутиной, свидетельствовала о том, что давно в ней не было уже месива для лошади. На решетке не видно было сена, не видно было и соломы для подстилки. Даже куры, обыкновенно совершенно свободно рывшиеся в земле, и те исчезли. Везде мертвое молчание!

Не было никакого сомнения в том, что хижина покинута своими обитателями и уже давно. Животные и люди выселились одновременно.

На краю маленькой речонки не видно было обычно привязанной здесь пироги; утки уже не полоскались больше в зеленоватой воде бухточки. Капитан не находил здесь ничего из того, что привык видеть.

Молодой человек поддался отчаянию; он упал на скамью, стоявшую у двери; смертельная тоска сжимала ему сердце, как в тисках.

Что случилось с Анжелой? Почему она уехала? Может быть, отец взял ее с собой в какое-нибудь далекое путешествие? Или, может быть, Изгнанник, преследуемый, как хищный зверь, был вынужден бежать и бросить все, что у него было?

Таковы были вопросы, которые сам себе задавал молодой человек, не находя в тоже время на них ответов.

Ему смутно приходило на память, что во время своего последнего свидания с молодой девушкой, когда он объявил ей о своем отъезде, она ответила ему, что, может быть, она с ним и встретится еще во время его экспедиции; но если даже предположить, что Анжела на одну или на две недели покинула свое жилище, она уже давно должна была вернуться. Да и зачем ей было уезжать? Какие серьезные причины могли заставить покинуть хижину ее — бедного ребенка, неизвестного никому в мире? Затем, если предположить, что она отправилась в далекое путешествие, это тоже не могло служить объяснением того полного запустения, в каком она оставила свою хижину. Очевидно, внезапная катастрофа смутила столь спокойную до сих пор жизнь молодой девушки: случилось несчастье, но какое?

Обдумывая все, что могло случиться с его возлюбленной, капитан вдруг вскричал:

— Боже мой, а что если она умерла!

Эта ужасная мысль, как только она зародилась в его мозгу, больше уже не покидала его: он сгорбился, голова его склонилась на грудь, и в продолжение нескольких минут он оставался неподвижным,

безжизненным, без воли, подавленный скорбью.

Но, к счастью для молодого человека, реакция наступила очень скоро: большое горе, если не убивает сразу, то подкрепляет мужество и удешевляет энергию. Граф встал, бросил на небо блестящий взор и проговорил твердым голосом:

— Это невозможно! Бог не допустит такого страшного несчастья. Творец не стал бы разбивать одно из самых прелестных своих творений. Нет! Нет! Анжела жива, я в этом уверен...

Тогда он встал и медленными шагами обошел ограду и сад, останавливаясь то тут, то там, на тех самых местах, где в свои предыдущие посещения он останавливался во время прогулок с молодой девушкой. Память его, беспощадная, как память всех, кому приходится переживать такие минуты, напоминала ему самые ничтожные подробности об этих приятных прогулках: там он сорвал цветок, там он отодвинул ветку, мешавшую ей проходить и загораживавшую аллею; чуть дальше молодая девушка бросала крошки птицам, гнездо которых было спрятано в двух шагах, в чаще. Когда молодой человек протянул руку и дотронулся до гнезда, оставшегося пустым еще с прошедшего сезона, он увидел, что гнездо не пусто! Нет, пальцы молодого человека схватили букет, лежавший на дне. Цветы, правда, завяли и почти обратились в пыль, но капитан узнал их с чувством грусти, смешанной с радостью.

Этот букет состоял из цветов, каждый из которых был сорван им один за другим: это было последним воспоминанием, оставленным им в минуту своего отъезда той, которую он любил. Каким образом он мог быть подкинут или, скорей, брошен в это гнездо? Граф сначала скомкал его в своих руках, но потом поднес его к губам.

Оттуда выпала бумажка, сложенная вчетверо. Граф поспешно наклонился и схватил ее раньше, чем она долетела до земли.

Затем он развернул ее и с лихорадочною поспешностью пробежал ее глазами; выражение несказанного счастья тотчас же показалось в его чертах, бывших за минуту перед тем мертвенно бледными.

Вот несколько слов, написанных дрожащей рукой на этой бумажке, дошедшей до своего адресата по воле Провидения, которые граф перечел тысячу раз:

«Вы уехали; я тоже уезжаю, увы! Когда я вернусь, этого я не знаю. Но вы, вы придете! Вы меня любите; ваше первое посещение будет посещением бедной заключенной, которой не будет здесь, чтобы вас принять и приветствовать с благополучным возвращением. Тогда вы посетите все места, где мы бродили вместе, рассказывая друг другу о

нашей любви Вы найдете и это гнездо бедных птенчиков, которых мы вместе кормили. Обитатели его уже улетели; на место их я кладу мое сердце. Я вас люблю и надеюсь, что бы ни случилось, свидеться с вами. Надейтесь и вы. До свиданья!

Анжела».

Прижав сто раз к губам эту бумажку, возвратившую ему счастье, граф с тем ребячеством влюбленного, которое так хорошо понятно тем, кто действительно любит или любил, тщательно подобрал выскользнувшие у него из рук на землю цветы и завернул эти останки, отныне священные для него, в драгоценное письмо и все это спрятал у себя на груди.

Сказав последнее прости хижине, которую он принужден был покинуть, хотя и с сожалением, он вышел из огады и присоединился к Золотой Ветви.

Солдат спал с трубкой в зубах.

— Ну же, ленивец! — сказал ему граф, — вставай! Ты, должно быть, забыл, что мы собрались сегодня на охоту?

— Да разве еще охота не окончена? — отвечал Золотая Ветвь насмешливо и зевая так, что челюсти его готовы были вывихнуться. — Мне кажется, что я слышал даже несколько выстрелов.

— Что это значит, негодяй? — сказал граф.

— Ничего, ничего, господин капитан, — продолжал солдат, вставая, — я не совсем еще проснулся и зрение у меня еще не совсем чисто. Вот теперь я весь к вашим услугам.

— Теперь ты, должно быть, уже отдохнул; ну, идем!

— Идем, господин капитан, раз вы этого хотите; но только сначала мне хотелось бы узнать, куда мы идем?

— Пойдем к форту и дорогой станем охотиться.

— Хорошо. Теперь берегись, дичь! Держись от нас подальше, — сказал солдат шутя. — Я еще ничего не убил; а вы, господин капитан?

Они удалились; но капитан и теперь интересовался охотой не больше, чем утром, и предпочитал лучше беседовать со своими мыслями и грезить о счастье. Напрасно Золотая Ветвь старался вернуть его к действительности: он довольствовался покачиванием головы, а ружье его миролюбиво продолжало лежать у него на плече.

— Однако, забавная же это охота! — ворчал старый солдат себе в усы. — Если мы будем продолжать охотиться таким образом, я, право, не знаю, что мы принесем домой, конечно, если только не страшную усталость. Мы адски летим вперед.

Они уже подходили к окраинам леса и собирались выйти на песчаное

побережье Красивой реки, как вдруг человек двадцать выскочили из высокой травы и из-за деревьев и в мгновение ока окружили обоих охотников, и те оказались как в ловушке.

Люди эти были одеты на индейский лад, и с первого взгляда их можно было принять за краснокожих.

— Э! — проговорил Золотая Ветвь, — дело-то выясняется. Охота будет хороша!

И он взвел курок. Граф прислонился к дереву, готовый защищаться, но он не произнес ни слова.

Так прошла целая минута; затем один из дикарей или, лучше сказать, человек, выдававший себя за дикаря, сделал несколько шагов вперед и, поклонившись почтительно графу, сказал ему на правильном французском языке.

— Сдавайтесь, капитан! Вам не будет сделано ничего дурного. Вы, надеюсь, и сами видите, что всякое сопротивление бесполезно.

— Человек с сердцем всегда господин своей жизни! Я не сдамся презренным бандитам, — презрительно отвечал граф.

— Нам приказано вас взять живым, и мы возьмем!

— Попробуйте! — И, повернувшись к Золотой Ветви, крикнул ему: — Марш! Спасайся!

— Ба! — смеясь, отвечал солдат, — умрем вместе, господин капитан; я предпочитаю лучше умереть, чем спастись, как кролик!

— Уходи, говорю я тебе!.. Я, наконец, приказываю!.. Кто отомстит за меня, если я умру? Кто освободит меня, если меня возьмут в плен? Ступай!

— Это верно! До свидания, господин капитан! Я бегу, но только повинюсь вашему приказанию.

— Схватите этого человека! — крикнул начальник нападающих, указывая на гренадера.

— Да что вы! — возразил последний, все так же посмеиваясь, — схватить Золотую Ветвь! Парижанина! Ну, господа, дикари, этого вам не удастся ни в коем случае! До скорого свидания, господин капитан!

С этими словами храбрый солдат ринулся на ближайших к нему индейцев; выстрелил почти в упор, затем, схватив ружье за дуло, он стал вертеть им вокруг головы, пробился сквозь неприятельские ряды и исчез с криком торжества. Крик этот известил капитана о том, что солдат спасен.

Некоторые из индейцев хотели было броситься за ним в погоню, но начальник отозвал их.

— Вы не сумели захватить этого человека, когда он был почти что в ваших руках, — сказал он, — пусть же он теперь идет спокойно. Нам

нечего его бояться, а поймает ли мы его или нет, это не имеет особого значения!

Капитан присутствовал при этой сцене, не делая ни малейшего движения, и стоял, положив палец на курок своего ружья.

— Капитан, — продолжал начальник, — в последний раз говорю вам, сдавайтесь! Жизнь ваша в безопасности, сдавайтесь!

— Нет! — возразил граф и прицелился начальнику прямо в сердце.

— Берегитесь! — настойчиво проговорил начальник.

— Сами вы берегитесь! Я держу вас на мушке этого ружья. Кто осмелится напасть на меня?

— Это ваше последнее слово?

— Да.

— Ну, хорошо, пусть будет по-вашему, раз вы этого хотите, — и сделав знак рукою, проговорил: — начинайте!

Едва эти слова были произнесены, как капитан получил такой сильный удар, что ружье выскользнуло у него из рук и сам он повалился на землю.

Из самой середины листвы того дерева, к которому он стоял, прислонившись спиной, на него прыгнули два человека и повалили его. Прежде чем он мог отдать себе отчет в том, что случилось, он уже был закатан в одеяло и связан так крепко, что не мог даже пошевелиться.

— Подлые трусы! — крикнул граф с презрением, — подлые трусы и предатели!

— Вы сами, капитан, заставили нас действовать таким образом; впрочем, эта хитрость хорошего тона, вам нечего жаловаться. Мы избегаем кровопролития и исполняем возложенное на нас поручение... теперь вы наш пленник.

Граф не удостоил ответом этих слов, произнесенных с насмешкой, удваивавшей его гнев.

Начальник продолжал:

— Дайте мне честное слово, что вы не станете пытаться бежать, не станете делать попыток к какому-либо насилью, что вы позволите завязать вам глаза, когда этого потребуют обстоятельства, и я сейчас же прикажу развязать вам руки.

— Кто же вы такой? Индейцы не разговаривают так со своими пленниками!

— Не все ли вам равно, кто я, капитан! Принимаете вы мои условия?

— Напротив, я отказываюсь! Несмотря на ваше переодевание, я вас узнал. Вы-француз, изменник своей стране и своему королю! Я не хочу иметь ничего общего с таким негодяем! Делайте со мной все, что хотите! Я

никаких обещаний вам не дам!

Начальник вздрогнул, брови его сдвинулись так, что сошлись совсем близко; но это возбуждение продолжалось всего одну минуту, а затем он спокойно сказал:

— Ваши оскорбления ничуть не задевают меня, капитан. Вместо того, чтобы так укорять меня, чтобы посылать мне необоснованные оскорбления, потому что я оказывал вам самое большое уважение, поверьте мне, вам лучше было бы согласиться на мои условия. Нам далеко ехать; переезд будет утомителен, дороги плохие. Мы будем вынуждены класть вас, как тюк, поперек лошади. Вы осуждаете сами себя на ужасные мучения!

— Я предпочитаю их всему, что может походить на сделку с вами. Пытайте меня, если хотите; даже убейте, но вы ничего не добьетесь от меня.

Начальник сделал жест нетерпения и разочарования.

— Вы отказываетесь? Помните, что этим вы вынуждаете меня на бесполезную жестокость.

— Да, и это последнее слово, которое сорвется с моих уст. Итак, действуйте по вашему усмотрению; я больше не стану отвечать на ваши вопросы, каковы бы они ни были.

Начальник сказал несколько слов шепотом одному из стоявших ближе к нему людей; последний взял коленкоровую блузу и закрыл ею голову капитана таким образом, что тот мог только свободно дышать, но ничего не мог уже видеть.

Затем его схватили два человека: один за голову, другой за ноги, подняли с земли, положили на нечто похожее на носилки, и он почувствовал, что его уносят. В каком направлении-этого он положительно не мог угадать.

Переход был длителен и быстр: он продолжался несколько часов. Наконец, послышался пронзительный свист; люди, несшие капитана, остановились.

Прошло несколько минут; затем с него сняли окутывавшую его блузу и в то же время развязали ему руки.

Первой заботой капитана было бросить вокруг себя испытующий взгляд для того, чтобы, если возможно, узнать где он находится. Напрасная забота.

Местность была ему совершенно незнакома; они находились как бы в узком ущелье, между двумя горами, сплошь покрытыми лесом. Он не помнил, чтобы когда-либо бывал в этом месте.

Граф заметил только, что солнце садилось. Похитители его, одетые

индейцами, разбившись на группы, зажгли несколько огней и принялись готовить ужин.

Часовые, расставленные в разных направлениях, охраняли общую безопасность.

Капитан одним взглядом окинул открывшуюся перед ним картину.

Сдавленный вздох вырвался из его груди, когда он убедился в своем бессилии.

Начальник подошел к нему и, поклонившись с той почтительно-иронической вежливостью, с какой он разговаривал со своим пленником, сказал ему:

— Силы ваши, должно быть, истощились, сударь, не хотите ли вы поесть?

Граф отвернул голову и пожал плечами, не отвечая ни слова.

Но это, по-видимому, вовсе не произвело желаемого действия на начальника отряда. Он сделал знак, и капитану подали заднюю ногу лани и положили ее на носилки, равно как и фляжку с пивом.

Граф де Виллье ушел из форта на рассвете и поэтому ничего не ел утром: он буквально умирал с голоду. Между тем, верный слову, данному им самому себе, он не проявил никакого желания утолить голод. Взяв миску в правую руку, а фляжку в левую, он отшвырнул все это далеко от себя; затем, улыбаясь, снова улегся на свои носилки.

Начальник с минуту посмотрел на своего пленника с чрезвычайным удивлением, а потом отошел от него и задумался.

Глава XIV. СЛЕДЫ

В тот же день, часов около двух пополудни, два человека сидели и болтали перед ярким огнем на вершине одинокого выступа на берегу Красивой реки.

Этот выступ был расположен не больше как в четверти мили от форта Дюкэна.

С того места, где сидели эти люди, они ясно могли различать стены укрепления, над которым развевался широкий флаг с цветком белой лилии, и любовались великолепным видом, расстилавшимся со всех сторон перед их глазами.

Эти два человека были канадец Бержэ и его друг Тонкий Слух; они заканчивали свой скромный обед, состоявший из наловленной ими в реке прекрасной рыбы, поджаренной на вертеле. Две фляжки, одна полная водки, другая пива, сваренного в форте Дюкэне, дополняли это скромное пиршество.

Обедая с большим аппетитом и не давая пропадать даром ни одной крошке, они, вероятно, говорили о чрезвычайно интересных и очень веселых вещах, потому что часто прерывали друг друга смехом; канадец в особенности, казалось, находил удовольствие в том, что ему рассказывал его спутник.

— Клянусь Богом, вождь, — проговорил он, — я сделал очень хорошо, встретив вас в ту минуту, когда вы собирались переправиться через реку; я, конечно, и не вообразал, что увижу вас сегодня.

— Я сам искал моего брата, — отвечал индеец, кланяясь.

— В таком случае, судьба сыграла тут вовсе не такую уж большую роль, как я предполагал. Вы хотели меня о чем-нибудь спросить?

— Нет, ни о чем; мне приятно видеть друга.

— Благодарю, вождь. Все равно шутка была хорошо сыграна; итак, значит, англичане взбешены своей неудачей?

— Они обезумели, они плачут, как старые бабы.

— Да ведь послушайте, вождь, не может же их веселить в самом деле эта история. Мы отняли у них из-под носа столько прекрасных мехов, столько великолепного пушного товара, и все это произошло как раз в ту минуту, когда они считали себя почти уже дома и были уверены, что находятся вне опасности.

— Они поклялись отомстить.

— Тем лучше! И мы сами дали ту же клятву; порох заговорит, а там видно будет, чьи ружья будут петь громче.

— Они собирают всех воинов, которых только могут найти.

— И хорошо делают-им никогда не набрать столько, сколько нужно. Бедняга Летающий Орел, считавший себя таким хитрым! Я доказал ему, что знаю побольше его; к несчастью, урок этот не послужит в пользу ни ему, ни Опоссуму.

— Мой брат убил их, я это знаю.

— Да, я имел это несчастье, — отвечал, смеясь, охотник. Но как вы про это узнали?

— Несколько человек англичан просили гостеприимства в моей деревне. Я был на охоте со своими молодыми людьми; дома оставались одни старики, и они не посмели воспротивиться их пребыванию в хижинах.

— Это верно, закон на стороне сильного. Значит, они все и рассказали?

— Да. Ну, а что вы сделали с вашими пленниками?

— Они заперты в форте; их берегут для обмена.

— Лучше было бы снять с них скальпы.

— Я тоже держусь этого мнения, но, к несчастью, это не в обычае у французов.

— Они не правы; мертвого врага можно не бояться.

— Кому вы это говорите, вождь? Но мне не хотят верить. Ну, а вы зачем пришли в эти места?

— На охотничьих землях моего племени почти нет дичи; я ищу других мест к началу больших охот.

— Ну, в таком случае, я беру на себя обязательство отыскать вам новые места; будьте спокойны, вождь, я знаю превосходные места недалеко отсюда.

— Я рассчитывал на ум и дружбу моего брата.

— Посмотри, вождь, в ту сторону. Эти горы кишат всевозможной дичью.

Оба друга поднялись и стали смотреть в направлении, указанном канадцем, когда вдруг последний издал возглас удивления.

— Что случилось с моим братом? — спросил краснокожий.

— Взгляни туда, — сказал канадец, протягивая руку, — вы ничего не видите?

— Я вижу человека, который бежит быстрее лани, преследуемой охотниками. Этот человек бледнолицый, это белый воин из форта.

— Да. Ну, зрение у меня еще хорошо, потому что я узнал этого человека.

— А? — равнодушно проговорил индеец.

— Пойдемте, вождь, поскорей; нам надо остановить этого человека и заставить его сказать нам, почему он бежит так стремительно?

— Зачем?

— Надо, говорю я вам. Этот солдат состоит слугой у человека, которого я люблю и уважаю; я боюсь, не случилось ли какого несчастья с его господином.

— Тогда другое дело, — отвечал индеец, поднимая свое ружье и следуя за Бержэ, который уже бежал по склону обрыва.

Бержэ не ошибся: это действительно был Золотая Ветвь. Добрый малый не бежал, а летел; ноги его как будто не касались земли. Не страх побуждал его ускорять свой бег — достойный солдат не боялся ничего на свете, — но он спешил добраться в форт, чтобы как можно скорей привести помощь своему капитану, которого он оставил, как известно, в критическом положении.

В ту минуту, когда солдат был готов пролететь мимо канадца, даже не замечая его, Бержэ загородил ему дорогу и остановил.

— Куда это вы летите во всю прыть, товарищ? — сказал ему канадец. — Уж не хотите ли выиграть пари? Если так, то отдохните, потому что вы далеко опередили своих соперников, уверяю вас в этом. Черт возьми, какие у вас ноги!

— Ах, это вы, господин Бержэ! — отвечал солдат, задыхаясь и испуганно смотря на охотника, — я очень рад, что вас встретил, очень и очень рад!

— И я также, милейший, но прошу вас, ответьте же на мой вопрос.

— Дайте мне перевести дух; мне кажется, что я сейчас задохнусь, все вертится у меня в глазах, я ничего не вижу.

Двое мужчин посадили его. Бержэ протянул ему свою фляжку.

Золотая Ветвь поднес ее ко рту и стал пить большими глотками; затем он издал вздох облегчения.

— Ах! Это помогает! — сказал он, переводя дух.

— Теперь вам, кажется, лучше. А? — спросил охотник, улыбаясь.

— О! Теперь я совсем оправился; отпустите меня.

— Не спешите так, милейший! Сначала скажите мне, в чем дело?

Солдат как будто задумался на минуту, а затем сказал:

— И впрямь, вы правы, господин Бержэ; это Бог так устроил, что вы встретились мне на дороге. Вы любите моего капитана и вы его спасете!

— Господин Луи! — вскричал канадец, подпрыгивая от удивления, — спасти его! Что такое с ним случилось? Говорите, если только вы мужчина,

говорите скорей!

— Вот вам все дело в двух словах, потому что нам нельзя терять ни одной минуты, если мы хотим успеть во время. Выслушайте меня хорошенько.

Вслед за тем Золотая Ветвь начал свое повествование и с мельчайшими подробностями, не опуская ничего, рассказал, как он ходил с графом на охоту и как на обратном пути на них неожиданно напали индейцы, а может быть, и не настоящие индейцы, а белые, переодетые индейцами.

Канадец и краснокожий с самым серьезным видом выслушали несколько пространный рассказ солдата, которого они ни разу не перебили, довольствуясь только тем, что в некоторых местах сомнительно покачивали головами или же хмурили брови; затем, когда Золотая Ветвь перестал говорить, Бержэ взял его за руку и горячо пожал.

— Вы славный малый, — сказал он при этом, — ваше поведение выше всякой похвалы; но успокойтесь, опасность вовсе не так велика, как вам кажется. Вы знаете, как я люблю капитана, и поэтому можете мне поверить; он в плену, вот и все. Мы его спасем.

— Вы можете мне это обещать?

— Клянусь вам!

— Хорошо! Вот то-то будет радость! — вскричал солдат, подкидывая на воздух свою шляпу, — я спокоен.

— Очень рад слышать это, а теперь, в свою очередь, прошу вас, выслушайте меня. В настоящую минуту, несмотря на испытанную храбрость наших солдат, они ровно ничем не могут помочь капитану: здесь нужна не храбрость, а скорее всего хитрость, с кем бы нам ни пришлось иметь дела: с индейцами или, что еще вернее, с пограничными бродягами, а в этой сволочи, к несчастью, нет недостатка на границе.

— Я видел индейцев.

— Вы ведь, конечно, знаете старую французскую поговорку, — возразил канадец, улыбаясь: — «Одежда еще не делает монаха». Не забывайте наших поговорок — в них одна правда. Самое важное для нас в настоящую минуту, это

— отправиться к тому месту, где произошло нападение, для того, чтобы снять следы; затем мы пойдем в форт Дюкэн и расскажем все, что узнаем, г. де Контркеру, а потом составим совет.

— Как много времени пропадет зря! — прошептал солдат в отчаянии.

— Вы думаете? Мы наверстаем это потерянное время, будьте спокойны. Надеюсь, вы теперь уже достаточно отдохнули и можете отвести

нас на то место, где на вас напали?

— Еще бы! — Пойдемте! Туда идти недолго!

— Хорошо! Идите вперед, а мы пойдем за вами следом.

Они отправились.

Несмотря на усталость, Золотая Ветвь так был озабочен спасением своего капитана, что забыл про все и продвигался вперед таким быстрым шагом, что только привычные лесные бродяги, вроде охотника и его краснокожего друга, могли за ним поспевать.

Так они шли около полутора часов, а затем солдат остановился как раз на опушке леса.

— Мы пришли? — спросил его Бержэ.

— Почти, — отвечал Золотая Ветвь; я здесь вышел из-под деревьев, пойдемте!

— Одну минуту, — сказал Бержэ, кладя руку ему на плечо, — теперь, товарищ, отойдите, пожалуйста, в арьергард и позвольте нам, вождю и мне, идти в авангарде.

— Это зачем? — спросил солдат с удивлением.

— А видите ли зачем, милый друг: вы солдат и совсем незнакомы с особенностями этой бесконечной пустыни, а поэтому, конечно, неумышленно — Боже меня сохрани подумать это, — но вы все смешаете так, что нам потом нельзя будет разобраться. Мы будем читать книгу, а поэтому не рвите страниц этой книги и для большей безопасности оставайтесь здесь, это займет немного времени; вы присоединитесь к нам, когда мы вас позовем. Согласны, а?

— Как хотите, только, признаюсь вам, я ровно ничего в этом не понимаю.

— Будьте спокойны! Вы скоро все поймете. Пойдемте, вождь!

Оба охотника, вместо того, чтобы войти в лес в том месте, которое им указал солдат, разошлись в стороны. Они сделали большой обход и пошли один направо, а другой налево.

— Надеюсь, однако, что потом они объяснят мне, что все это значит, — сказал солдат.

И так как причина, вызвавшая первоначальное возбуждение, отошла уже на задний план, а утомление сильно давало себя знать, он уселся под деревом, закурил трубку и стал ждать.

Между тем, оба охотника, очертив мысленно круг площадью около двух или трех акров и тщательно осмотрев все следы, представлявшие их взорам, опытным и привычным к чтению этих странных иероглифов пустыни, встретились на самом месте нападения.

Там они поняли все, что оставалось для них неясным; следы были так отчетливы и так глубоко отпечатались, что у них не оставалось ни малейшего сомнения.

Окончив свое исследование, они сообщили друг другу свои соображения и факты; затем, придя к соглашению, они развели огонь, сели, набили свои трубки, и Бержэ позвал Золотую Ветвь. Пять минут спустя, солдат подходил к ним.

— Ну! — спросил он. — Открыли ли вы что-нибудь?

— Мы все открыли, — отвечал канадец. — Мы выкурим трубку совета для того, чтобы решить, что нам следует делать. Сядьте и слушайте. Вот что здесь произошло.

— Я знаю, — возразил Золотая Ветвь, садясь.

— Почти все, хотя есть и очень многое, что вам неизвестно, как вы скоро в этом убедитесь. На вас напало много людей: одни были пешие, другие конные?

— Я видел только пеших индейцев.

— Всадники оставались спрятанными в двадцати шагах отсюда в густой чаще; последних было двадцать человек; следы, оставленные их лошадьми, так хорошо видны, что я их мог сосчитать. Нападавшие долго ждали вашего прибытия; они теряли терпение; некоторые из них даже были посланы в разведку затем, чтобы вовремя предупредить своих товарищей о том, что вы подходите. Между всадниками было пять человек индейцев, что мне тоже нетрудно было узнать. Кроме того, здесь были еще две женщины; они сходили с лошадей, подходили к этому месту и присутствовали при нападении, оставаясь сами невидимыми. Их миниатюрные ножки оставили очень заметные следы позади вон того дерева, они тоже очень волновались от нетерпения. Когда неизвестные схватили капитана, женщинам привели лошадей, и они уехали вместе с остальными всадниками. Весь отряд отправился на запад.

— Но ведь я ничего этого не видел, — сказал Золотая Ветвь.

— А мы видели, подождите! Люди, сторожившие вас, были спрятаны за деревьями, чтобы не быть замеченными. Между ними было семеро индейцев. Остальные восемнадцать человек были все белые! Краснокожие ходят носками внутрь, большой палец у них отогнут от остальных четырех пальцев, они ставят сначала носок, потом пятку, значит, следы их узнать и отличить очень легко, потому что белые, наоборот, сначала тяжело ступают на пятку и носят к тому же, тяжелую обувь. У всех белых были ружья, а у индейцев ружья были только у пятерых. Остальные были вооружены пиками, луками и стрелами; во время нападения вы стояли вон там возле

того дерева, приблизительно шагах в пятнадцать от капитана.

— Это правда! Послушаешь вас, так можно подумать-да простит меня Бог, — что вы сами все это видели! Охотник улыбнулся и продолжал:

— Вы хотели было бежать на помощь к вашему капитану; вы даже сделали к нему несколько шагов, но он приказал вам спастись, вы остановились неподвижно. Затем вы повернулись налево и ринулись на ваших врагов: из них вы четверых убили.

— Вы думаете?

— Я в этом уверен; первый получил пулю в сердце, остальные были убиты ружейным прикладом; тела их спрятаны под листьями.

— В таком случае, пусть черт их берет себе! Они получили то, что заслуживали... Но продолжайте: ваш рассказ так же интересен, как волшебная сказка

— Одну минуту вам пришлось драться с очень серьезным противником и только с трудом удалось отбиться, вы даже упали на одно колено.

— Это правда, — проговорил удивленный солдат.

— Но, благодаря Бога, вам все-таки удалось спастись.

— Да, действительно; а мой бедный капитан?

— Сейчас доберемся и до него, будьте спокойны Господин Луи стоял, прислонившись вот к этому дереву; один белый, переодетый индейцем, подошел к нему, без сомнения, затем, чтобы предложить ему сдаться.

— Да, и он храбро отказался. Вот тогда-то он и приказал мне отправляться, а я не хотел, понимаете...

— Вот именно Переговоры длились довольно долго; этот белый выходил из терпения; наконец, два человека, спрятавшиеся в листве, бросились на капитана и повалили его

— Каким образом вы все это знаете?

— Посмотрите на дерево, и вам все станет ясно. Капитана, обезоруженного во время падения и лишенного благодаря этому возможности защищаться, завернули, закатали в одеяло, потом крепко связали...

— О! — вскричал солдат, гневно сжимая кулаки, — пусть только когда-нибудь попадутся мне в руки разбойники, я уж заставлю их поплясать под мою дудку Клянусь честью, я сделаю это! А теперь продолжайте.

— Затем похитители сделали носилки, на которые и положили своего пленника; потом они вместе с всадниками направились на запад. Вот вам приблизительное описание того, что здесь произошло. Кроме того, очень

возможно, что они еще завязали глаза капитану, обмотав ему голову блузой.

— Что заставляет вас так думать?

— Во-первых, для них должно быть важно, чтобы он не знал, куда его везут; затем, из четырех человек, убитых вами, только трое совсем одеты, а на четвертом нет блузы. Я не стану утверждать последнего обстоятельства, хотя оно и весьма возможно, тем более, что в пустыне, за исключением случаев крайней необходимости, мертвых не обирают, в особенности же друзей.

— Вы, должно быть, правы и в этом случае! Бедный капитан! Такой храбрый офицер! Такой хороший начальник!

— Теперь мы должны обсудить хорошенько все события и с общего согласия решить, что нам следует предпринять для спасения капитана. Скажите нам ваше мнение.

— Мое мнение таково, что надо освободить моего капитана и убить всех этих негодяев!

— Это мнение почти одинаково и с нашим; но каким путем?

— А! Что касается этого, то слуга покорный! Не спрашивайте меня об этом; все, что я могу вам сказать, это подтвердить обещание, что, когда придет время, я за своего капитана брошусь хоть черту на рога!.. Я дам им о себе знать, в этом могу поручиться!

— Я в этом убежден, но этого недостаточно: поищем что-нибудь другое. Говорите, вождь, ваш черед подавать совет.

— Тонкий Слух, — отвечал индеец, — великий вождь, у него очень много опыта. Кто может скрыть от него свой след? Он узнает даже след орла в воздухе. Он пойдет по следам капитана и не потеряет их до тех пор, пока не доберется до самого конца; потом он возвратится к своему другу и все ему расскажет; тем временем Бесследный отправится в большую укрепленную хижину бледнолицых, там он поговорит с начальником белых и расскажет ему все, что знает; затем он попросит у него своих братьев канадцев и вместе с ними пойдет по следам начальника. Он не должен брать с собою бледнолицых воинов: они храбры, но болтливы, как старые бабы; они не знают, как надо ходить по военной тропинке в саваннах. Я сказал. Что думает мой брат о словах вождя?

— Я думаю, что вы человек умный и что превосходно объяснили все, что нам следовало бы делать; я совершенно и во всем согласен с вами, потому что лучшего, по-моему, и придумать ничего нельзя. Итак, решено: я уйду в форт вот с этим бледнолицым, а мой брат, не теряя ни минуты, пойдет по следам врага.

— Тонкий Слух так и сделает, — отвечал вождь, вставая.

— До скорого свиданья, вождь, желаю вам успеха! Да, этим господам не спрятаться теперь нигде: по их следам идут два лучших разведчика в мире.

Трое мужчин пожали друг другу руки на прощанье; затем индеец углубился в лес, а Бержэ и Золотая Ветвь, наоборот, вышли из лесу и большими шагами направились к форту Дюкэну, куда и прибыли незадолго до солнечного заката.

Их обоих тотчас же провели к господину де Контркеру, беспокойство которого было очень сильно; продолжительное отсутствие графа де Виллье, по-видимому, его чрезвычайно заботило, и ему хотелось скорее получить какие-нибудь вести о нем.

Когда канадец и солдат вошли в кабинет коменданта, он был не один. Барон де Гриньи, также очень сильно беспокоившийся о своем отсутствующем друге, был у него.

Глава XV. ОХОТНИКИ

Бержэ рассказал о похищении графа де Виллье.

Комендант форта Дюкэна выслушал со скорбным удивлением рассказ охотника.

Это смелое нападение на одного из его офицеров, приведенное в исполнение почти под самыми пушками французской крепости, среди белого дня, видимо, сильно его возмущало.

Но при этом он никак не мог представить себе, чем вызвано было это нападение.

И в самом деле, с какой целью нужно было этим неизвестным людям похищать графа де Виллье? Он не занимал такого важного поста, чтобы захват его мог каким бы то ни было образом повлиять на только что начинающуюся кампанию. Может быть, бродяги ошиблись, может быть, они надеялись овладеть более высокопоставленным лицом? Эта последняя гипотеза была самая вероятная и в особенности наиболее логичная... Но факт был налицо. Оскорбление коменданта форта Дюкэна, нанесенное ему почти на глазах всего гарнизона, требовало отмщения!

В первую минуту господин де Контркер, разгневанный и оскорбленный, поклялся, что жестоко отомстит за это похищение, за эту западню, жертвой которой стал один из его самых любимых офицеров. Англичане, взятые в плен графом де Виллье, находились еще в форте; он поклялся, что они будут отвечать головой за свободу капитана. В форт Necessite сейчас же будет послан парламентар требовать возвращения офицера, если же там почему-либо откажутся исполнить это требование, ему будет поручено объявить, что все английские пленники будут без милосердия расстреляны.

Тысяча других проектов, столь же безумных и невыполнимых, была высказана комендантом, который почти заговаривался от ярости.

Охотник и барон де Гриньи позволили ему излить свой гнев и почтительно слушали его, не оспаривая того, что он им говорил. Потом, когда они увидели его более спокойным, или, по крайней мере, более расположенным выслушать мнение других, Бержэ, с молчаливого согласия барона де Гриньи, взял слово, чтобы пролить немного света на этот столь запутанный вопрос.

— Извините, господин комендант, — сказал он, — но мне кажется, что мы в настоящую минуту идем по ложной дороге и наугад шарим по кустам.

— Э! Что вы хотите этим сказать, охотник? Вы человек умный, у вас большой опыт относительно всего, что происходит в этом краю; разве вы не разделяете моего мнения?

— Не совсем, господин комендант, и если вы позволите мне высказать свое мнение, я надеюсь, что, в конце концов, вы и сами согласитесь со мной.

— Итак, по-вашему, дерзкое похищение капитана Кулона де Виллье не означает гнусного поругания над королевским знаменем?

— Я этого не говорю, сударь, зная оскорблено, это вне всякого сомнения. Но, с вашего позволения, мне кажется, что вы ошибаетесь относительно лиц, виновных в этом.

— А! Да вы уж не друг ли англичан, мистер Бержэ?

— Сохрани меня Бог, сударь, да вы и сами не думаете этого.

— Вы правы, мой друг; у меня это просто сорвалось с языка. Извините! Это происшествие страшно взбесило и взволновало меня.

— О! Сударь, за одно это слово я не только готов все вам простить, но и навсегда остаться вашим самым преданным слугой.

— Меня особенно сильно расстроило это еще и потому, что недавно, как вы сами знаете, несчастный де Жюмонвилль, брат капитана, сделался жертвой гнусного злодейства. Как хотите, а это не могло не показаться мне подозрительным... Наши враги ведут с нами войну, как дикари-людоеды, и совершенно пренебрегают правами людей и тем уважением, которым люди обязаны друг другу.

— Это правда, сударь, и никто больше меня не оплакивает погибшего брата капитана и не желает жестоко отомстить за него, вы и сами это знаете. Но поверьте человеку, который никогда не лгал: то, что случилось сегодня, правда, очень печально, но это не имеет ничего общего с тем убийством. Англичане здесь не причем; я скажу больше, я убежден, что они даже и не знают об этом.

— Вы говорите мне странные вещи, согласитесь сами, Бержэ.

— Это правда, господин комендант, но спросите барона де Гриньи и вы услышите, что и он одного мнения со мной.

— Вполне, мой храбрый охотник, — с оживлением проговорил молодой человек.

— Да, комендант, мой друг де Виллье попался в западню; но западня эта была расставлена ему его личными врагами, а не англичанами.

— Его личными врагами? Я вас не понимаю. Граф де Виллье не может иметь врагов среди людей, знающих и любящих его.

— Слишком сильно, может быть, — продолжал де Гриньи с грустной

улыбкой, — вот откуда идет все зло. Послушайте, господин де Контркер, ведь вы меня знаете, не так ли? И вот я даю вам честное слово дворянина и королевского солдата, что эта западня была приготовлена не для одного только де Виллье, но и для меня.

— Вы? Но вы говорите со мной загадками, друг мой.

— Я это знаю; к несчастью, я не могу говорить яснее; эта тайна принадлежит не мне одному. Вот все, что я могу вам сказать: я убежден в душе, что люди, похитившие графа, не более как жалкие авантюристы, которым было заплачено остервеневшими врагами моего друга за то, чтобы выполнить это. Как вам и говорил Бержэ, я тоже уверен, что англичане ни при чем в этом деле. Они об этом ничего и не знают.

— Вот, — сказал охотник, одобрительно покачивая головой, — именно так.

— Потемки сгущаются вокруг меня все больше и больше, друг мой.

— Я надеюсь, что скоро настанет день, когда мне можно будет разорвать завесу и все вам открыть; тогда вы узнаете, насколько справедливы мои слова.

— Я не настаиваю, дорогой де Гриньи, ваши тайны принадлежат вам. Но допустим, что вы не ошибаетесь. От этого положение де Виллье не станет лучше; я не могу даже придумать, каким образом можем мы оказать ему помощь.

— И здесь опять, если позволите, мы послушаем, что скажет Бержэ; он один может, по моему мнению, вывести нас из затруднения, в котором мы находимся.

— Пожалуй, он действительно такой человек, который может подать дельный совет. Говори, мой друг.

— Прошу вас, господин комендант, доверить мне всецело ведение этого дела, и я отвечаю головой за его успех.

— Вот хорошие слова, Бержэ; но каким путем рассчитываете вы добиться успеха? Вам известно, что средства наши очень ограничены и что, несмотря на мое сильное желание вам помочь, я и сам хорошо не знаю, как мне это сделать.

— Не беспокойтесь об этом, господин комендант, я прошу у вас только позволения увести охотников-канадцев, которые добровольно участвовали в меховой экспедиции; их помощи мне будет вполне достаточно. Я не собираюсь вести правильную войну, а только борьбу в хитрости и в ловкости, а для этого всякие другие помощники, кроме моих старых товарищей по охоте, стали бы для меня не только бесполезными, но и вредными.

— Согласен! Вы отправитесь с ними, когда найдете нужным.

— Сегодня же вечером, если позволите.

— Очень хорошо! Вы захватите с собой столько боевых припасов и провизии, сколько найдете нужным, — на это я даю разрешение вам и вашим спутникам. Это все, чего вы желаете?

— Все, господин комендант, благодарю вас.

— И вы уверяете меня, что возвратите мне де Виллье?

— Повторяю вам, комендант, что головой своей отвечаю за успех.

— Значит, все идет хорошо; вы тоже чего-нибудь желаете де Гриньи?

— Дорогой комендант, я льщу себя надеждой, что вы не откажете мне в милости, которую я хотел бы получить от вас по дружбе.

— Хорошо, хорошо! Я понимаю, о чем вы хотите меня просить: вы желаете принять участие в экспедиции, не так ли?

— Я и вот этот храбрый солдат.

— Золотая Ветвь, кажется?

— Так точно, господин комендант, — отвечал солдат. — Клянусь Богом! Не моя вина, что я не дал убить себя, защищая капитана, — он этого сам не пожелал

— И он был прав: такие молодцы, как ты, редки. Итак, дорогой де Гриньи, я согласен, раз вы этого желаете, я позволяю вам, равно как и Золотой Ветви и вашему вестовому, присоединиться к экспедиции; а во время вашего отсутствия я не стану терять времени, будьте спокойны. Как только вы увидите де Виллье, скажите ему от меня, что я занят выполнением данного мной ему обещания и что, когда он вернется, все будет готово. Это известие, как мне кажется, должно будет непременно обрадовать его.

— Благодарю вас от имени моего друга, господин комендант.

— А теперь, господа, я с вами прощусь... От души желаю, чтобы эта новая экспедиция удалась так же хорошо, как и предыдущая.

— Бог поможет нам, господин комендант, — сказал охотник.

— Итак, счастливого пути и до скорого свидания! Офицер, охотник и солдат вместе вышли от коменданта, чтобы приготовить все, что нужно к путешествию, и иметь возможность выступить в тот же вечер, как объявил Бержэ.

Охотник предпочитал покинуть форт ночью по следующим причинам: во-первых, выступление его отряда не будет замечено, затем, слух об экспедиции не распространится и английские шпионы, находившиеся в крепости, не будут иметь возможности сообщить об этом какие бы то ни было сведения, так как сами не будут знать ничего.

В полночь охотники, которым Бержэ сообщил о выступлении каждому отдельно, спустились поодиночке в первый двор форта; часовые, предупрежденные заранее, пропустили их без расспросов, и они разлетелись, как туча черных призраков, через потайной выход, у которого из предосторожности стоял сам г. де Контркер.

Ночь была темная, начинался дождь; за исключением часовых, в форте все спали. Никто не знал об экспедиции, из которой последний запоздавший, пожав руку коменданту, скоро исчез во мраке.

Бержэ, барон и оба солдата шли рядом. Охотник сам потребовал этого, так как вполне был уверен, что французы, незнакомые со страной и малопривычные к ночным походам в столь дикой местности, по которой им приходилось проходить в эту минуту, могли заблудиться, если предоставить их самим себе, а это породило бы двойное неудобство: во-первых, потерю драгоценного времени, а во-вторых, это возбудило бы толки о выступлении экспедиционного отряда.

Они шли осторожно; ни одним словом не обменялись охотники между собой до тех пор, пока не достигли того места, где происходило нападение; туда они пришли около двух часов ночи; шел дождь, не прекращавшийся с самого выступления их из форта и мало-помалу переходивший в ливень.

Французы, мундиры которых защищали гораздо хуже от непогоды, чем более приспособленная одежда охотников, насквозь промокли и заоченели от холода; но они не жаловались и стоически переносили свои страдания, не желая уронить себя в глазах сопровождавших их охотников. Последние, казалось, не замечали ледяного дождя, низвергавшегося на их тела; время от времени они только встряхивались, как мокрые пудели, а затем продолжали идти вперед своим обычным гимнастическим шагом.

Достигнув леса, канадец издал резкий свист, служивший условным знаком остановки; потом, подозвав к себе двух или трех охотников, он поговорил с ними шепотом в продолжение нескольких минут.

Хотя барон и молчал, но все-таки в душе его очень беспокоило, каким образом он проведет ночь в этом лесу, где каждый лист изображал собой кровельный желоб и таким образом увеличивал количество дождя и без того довольно значительное, ниспадавшее с неба; но беспокойство молодою человека было непродолжительно. С необыкновенной быстротой и ловкостью охотники срезали с помощью своих ножей огромное количество ветвей, которые переплели между собой.

Меньше чем за час они построили обширный навес, под которым укрылся весь отряд и куда не проникал дождь. Тем временем другие охотники собирали хворост и хотя он был мокрый, все же им удалось

меньше чем в десять минут зажечь огромный костер, который весело потрескивал и красноватое пламя которого согрело французов. Их одежда начала дымиться и окутала их облаком сероватого пара.

Веселость вернулась снова, утомление было забыто; сбившись вокруг огня, в который они беспрестанно подбрасывали новую пищу, охотники вели оживленную болтовню.

Барон де Гриньи любовался беспечностью охотников, господствовавшей между ними дисциплиной и той поспешностью, с какой они повиновались малейшему приказанию Бержэ, которого сами избрали своим начальником, хотя последний, надо заметить, тоже обращался с ними в высшей степени вежливо. Он никогда не говорил им: «я хочу», а всегда вставлял слова: «я прошу, пожалуйста», или «мне кажется».

Через час человек пять или шесть охотников встали и вышли из-под навеса.

Бержэ разостлал в одном из углов кучу мехов; когда французы хорошенько обогрелись, а одежда их почти высохла, канадец уговорил их лечь на эту импровизированную постель.

Когда они проснулись, был уже день, солнце ярко светило и птицы весело распевали в лесу; погода опять стала хорошей, и день обещал быть прекрасным.

Канадец сидел один в сарае перед огнем и, раздумывая, курил свою трубку. Заметив, что его гости уже проснулись, он приветливо им поклонился. Последние тотчас же присоединились к нему и тоже присели у огня.

— Ну! — сказал охотник, — все идет благополучно! Вы выглядите такими свежими и бравыми, как и подобает настоящим мужчинам...

— Учение далось не легко, зато теперь мы уже выучены, — смеясь, сказал барон.

— Во время вашего сна я добыл вам кое-какую одежду, не такую богатую, правда, как ваша, но более подходящую для того, чтобы бродить по пустыне, и прошу вас переодеться в нее сейчас же.

— Вы обо всем позаботились, друг мой, — сказал барон, дружески пожимая ему руку.

— Это моя обязанность. Что сказал бы господин Луи, если б я не стал о вас заботиться? Кроме того, вы мои гости, и я должен побеспокоиться о том, чтобы вам было хорошо.

Затем он подал им приготовленное для них платье, которое во всем походило на одежду охотников-канадцев.

Французы сейчас же облеклись в новые костюмы.

— Э! — смеясь, проговорил Золотая Ветвь, — эта одежда тепла и удобна; я скоро свыкнусь с ней.

— Я готов побиться об заклад, что теперь никто не узнает нас! — добавил Смелчак.

— Вы с первого же шага угадали настоящую причину, заставившую меня просить вас снять ваши мундиры, храбрый вояка; для нас очень важно, чтобы ваше присутствие среди нас оставалось бы, по возможности, тайной.

— Не бойтесь, — сказал Золотая Ветвь, — когда настанет время, они узнают меня по тому, как я стану их колотить.

— А теперь что же мы будем делать?

— Мы сию минуту будем завтракать. Некоторые из наших спутников побывали сегодня ночью на охоте, а потому у нас есть дичь. Затем, после завтрака, мы устроим совет!

— Отлично! Но куда же мы денем эти мундиры? Неужели мы понесем их с собою?

— Это бесполезно, они бы нас только стесняли; я спрячу их в такое укромное местечко, где вы найдете их, когда они вам понадобятся, этим я займусь сам.

Канадец взял снятое французами платье, аккуратно сложил его и завернул в несколько ланьих кож, а затем тщательно перевязал.

— Вот теперь все сделано! — сказал он. — Один из моих людей выроет яму возле какого-нибудь дерева, положит туда этот сверток, а затем опять засыпет. Когда понадобится, ваше платье будет возвращено вам в таком же прекрасном состоянии, как и теперь. Такие тайники заменяют кладовые для охотников.

В эту минуту вошли канадцы и, после обмена обычными приветствиями, каждый уселся к огню и начался завтрак. Он не отличался особенным разнообразием пищи, как и вообще все завтраки охотников. По окончании завтрака каждый закурил трубку, и по знаку Бержэ начался совет.

Канадец, из уважения, уступил первое слово барону де Гриньи, но молодой человек извинился и отказался давать советы.

— Дорогой Бержэ, — сказал он, — я нахожусь в незнакомой мне стране, затем мы преследуем людей, обычаи и нравы которых мне совершенно неизвестны, мнение мое, которое могло бы иметь цену, если б речь шла о регулярном войске и европейской войне, в настоящих обстоятельствах не может иметь никакого значения. Поэтому, будьте добры, пожалуйста, избавьте меня от необходимости высказывать свое мнение.

Эти храбрецы гораздо лучше меня знают, что им нужно делать. На меня же смотрите, как на одного из ваших солдат, другого я ничего не желаю. Я намерен показать всем нашим спутникам пример повиновения вашим приказаниям. Я выбрал себе эту роль, единственную подходящую для меня; никакая сила не заставит меня изменить принятое решение.

Это заявление, сделанное откровенно и с улыбкой, имело большой успех у охотников и тем более им понравилось, что в душе они побаивались, как бы молодой офицер не заявил претензии на командование экспедицией и не заставил бы их действовать несогласно с их привычками, а это, несомненно, могло бы очень печально повлиять на успех дела.

Когда барон так решительно отказался от своего права, охотники заговорили каждый по очереди. Бержэ выслушал их мнения с самым серьезным вниманием, не прерывая их ни одним словом; потом он собрал все мнения, резюмировал их и, так как больше некому было высказывать мнения и делать замечания, то он заговорил сам. Речь его была коротка, проста и, в особенности, ясна; когда он умолк, каждый нагнул голову, ничего не возразив: его мнение восторжествовало и было принято всеми единогласно.

Таким образом, было решено, что все сто человек разделятся на три отряда. Бержэ и трое французов войдут в состав первого отряда; они отправятся в экспедицию водой. Другие два отряда, каждый из пятидесяти человек, направятся таким образом, что один будет придерживаться следа, оставленного похитителями во время бегства, а другой пойдет через горы.

Все три отряда должны будут идти усиленными переходами к западу.

Местом свидания была избрана группа утесов, прозванная Белыми Замками, около одного столба из целого камня — последнего следа, оставленного исчезнувшим народом, возвышавшегося, подобно гигантскому обелиску, посреди обнаженной равнины.

Эта равнина была переполнена камнями, происхождение которых неизвестно, и которые, в глазах удивленного путешественника, напоминают дольмэны и менгиры кельтического карпака как числом, так и симметрией, в которой они были расставлены.

Десять минут спустя, охотники покинули сарай, и около огня остались только барон, Бержэ и оба солдата.

Через минуту канадец поднялся.

— Теперь пора в путь и нам, — сказал он.

Товарищи молча последовали за ним.

Глава XVI. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Если бы обстоятельства, вызвавшие эту экспедицию, не были такими печальными, такими серьезными, барон де Гриньи пришел бы в восторг от своего путешествия.

Никогда еще он не совершал такой интересной поездки: развертывающиеся перед ним картины на каждом шагу готовили ему восхитительные сюрпризы.

Бержэ, прекрасный спутник, полный увлечения и в то же время в высшей степени снисходительный, с удовольствием показывал молодому человеку во всех подробностях этот чудесный кран, один из самых богатых, один из самых роскошных и один из самых красивых во всей Канаде.

Четверо мужчин путешествовали точно туристы: то в пироге, то пешком по высокой траве равнины, взбираясь на горы, проходя по лесам, старым как мир, и на каждом шагу спугивая всевозможную дичь, которую они часто не достаивали даже выстрелом.

Область, в которой они находились, казалась совершенно необитаемой; никогда, со времени открытия Канады, французы и англичане не рисковали проникнуть так далеко вовнутрь страны. Одни только индейцы и их беспощадные враги — трапперы и охотники царили в качестве хозяев в этой пустыне, которую они оспаривали у диких зверей, устроивших в ней свои берлоги.

На второй день, в ту минуту, когда они становились, бивуаком на ночь, Бержэ стал выказывать признаки беспокойства, что казалось даже немного странным в этом человеке. Он останавливался, пригибался к земле, потом вдруг выпрямлялся, уходил то направо, то налево, потом возвращался назад, опять начинал свой осмотр. Потом, когда казалось, точно он нюхает воздух, Бержэ с негодованием качал головой, хмуря брови и сильно ударяя прикладом своего ружья о землю. Барон де Гриньи, заинтригованный поведением охотника, в котором он ничего не понимал, тревожно следил за ним, не решаясь, однако, спросить у него о причине беспокойства. Но, по мере того, как день продвигался вперед, возрастало и беспокойство канадца, и, наконец, молодой человек решил задать ему несколько вопросов по этому поводу, как вдруг Бержэ его предупредил:

— Господин барон, — проговорил он, останавливаясь перед ним, — сегодня происходит что-то необыкновенное в лесу и это сильно беспокоит

меня.

— Что такое случилось, мой храбрый друг? — спросил тот, оглядываясь кругом, — признаюсь вам, что я, со своей стороны, не вижу ничего необыкновенного.

— Вы — может быть, сударь; у вас нет привычки к пустыне: то, что так удивляет нас, лесных бродяг, проходит для вас совершенно незаметно.

— Боже мой, в этом нет ничего удивительного, друг мой. Разве сегодня деревья не похожи одно на другое, или лес не похож на лес?

— Это справедливо, вы должны так рассуждать, потому что вы этого не знаете; нет, господин барон, одно дерево никогда не бывает похоже на другое.

— Скажите мне, в чем дело, умоляю вас! Ну, что вас так сильно тревожит?

— А вы это заметили?

— Черт возьми! Если человек не слеп, то это вовсе уж не так трудно!

— Ну, хорошо, я вам скажу.

— Вы доставите мне большое удовольствие.

— Да, тем более, что это должно интересовать вас еще больше, чем меня.

— Ну, говорите! Я вас слушаю.

Путешественники остановились и, облокотившись на свои ружья, окружили канадца. Минуту спустя последний продолжал, сдерживая голос, точно боялся быть услышанным каким-нибудь невидимым шпионом, сидящим в засаде в близком соседстве.

— В настоящую минуту мы находимся в лесу, которого никогда еще не посещали белые с того самого дня, когда они в первый раз поставили ногу на эту землю; одни только индейцы, да кое-кто из отважных канадцев осмеливаются заходить сюда.

— Значит, он очень опасен?

— Да, порядочно; он громаден, кишит всевозможной дичью и хищными зверями; даже сами туземцы не знают его вполне. Когда настает сезон великих зимних охот, краснокожие собираются по несколько племен вместе и устраивают охоты с загонщиками, которые продолжаются около двух месяцев; за исключением этого времени, лес остается совершенно пустынным, никто туда и не ходит. Да и зачем туда ходить?

— Однако же, мы здесь, — проговорил барон де Гриньи.

— Мы — дело совсем другое. Я избрал эту дорогу потому, что, хотя она и самая трудная, зато заброшенность ее давала нам возможность скрывать наши следы, а следовательно, увеличивала нашу безопасность и

позволяла нам идти, как нам нравится, не боясь, что за нами подсматривают или следят; кроме того, сегодня вечером мы из него выйдем.

— Прекрасно! Но во всем этом я ничего не вижу до сих пор такого, что оправдывало бы ваше беспокойство, которое тем более меня удивляет, что вы не такой человек, чтобы пугаться из-за пустяков.

— Вы отдаете мне вполне заслуженную честь, сударь. Вот что служит причиной этого беспокойства, которое, скромно признаюсь вам, очень серьезно: часа два тому назад я открыл след.

— След! — вскричал с удивлением молодой человек.

— Да, след, правда, тщательно скрытый и который мог бы обмануть глаза менее проницательные, чем мои; этот след идет по той же дороге, по которой следуем мы.

Каждый раз, как это оказывалось возможным, его самым тщательным образом уничтожали; но следы все-таки остались видны, и я с уверенностью могу сказать вам, что не ошибаюсь.

— Это, действительно, серьезно, мой храбрый Бержэ. А как вы думаете, кому мог принадлежать этот след?

— Вот это-то именно меня и затрудняет. Тех, идущих впереди нас, кто бы они ни были, трое: двое мужчин и одна женщина, вот в чем я уверен.

— Женщина?

— Да, она даже еще очень молода; шаг ее легок, едва отпечатывается на земле. Мужчины, сопровождающие ее, гораздо старше; они сильно напирают на пятку, что доказывает, что это не индейцы; кроме того, на них надеты мокасины вроде тех, какие носят лесные бродяги. Теперь интересно бы узнать, кто эти путешественники? Безобидные это охотники, или враги — этого я еще не могу вам сказать!

— Гм! — прошептал молодой человек, тоже сильно озабоченный этим сообщением, — все это очень серьезно, друг мой; я, право, придумать не могу, что делать.

— Мы можем выбрать только одно из двух, и теперь нам останется только решить, что будет лучше в наших интересах?

— Рассмотрим же и то и другое!

— Первое — возвратиться назад той же дорогой, выбраться из леса и присоединиться к нашим друзьям, следуя по одной из двух избранных ими дорог: при этом мы потеряем много драгоценного времени.

— Я никогда не соглашусь возвращаться назад.

— Я именно это самое и думал, однако, я должен был справиться с вашим мнением.

— Это справедливо, теперь посмотрим второе... первое никуда не годится.

— Вы останетесь с вашими двумя спутниками на том самом месте, где мы находимся; я же пойду на разведку... буду идти вперед до тех пор, пока не достигну людей, опередивших нас, но которые не должны быть очень далеко, во-первых, потому, что не пройдет и часа, как стемнеет. Они, наверно, сделают привал для того, чтобы поесть, отдохнуть и дождаться рассвета. Когда я увижу этих таинственных путешественников, когда узнаю, что это за люди и как нам с ними держаться, я вернусь к вам, и мы посоветуемся относительно того, что нам предпринять. Нас четверо смелых людей и, в случае нападения, мы сумеем защищаться. Что вы думаете об этом плане, сударь?

— Я думаю, что он великолепен, и советую вам немедленно привести его в исполнение, друг мой.

— Очень хорошо! Во время моего отсутствия не трогайтесь с места, иначе вы рискуете заблудиться, и тогда Бог знает, сколько времени понадобится мне на то, чтобы вас разыскать.

— Будьте спокойны, мы постараемся исполнить ваше желание.

— Итак, это решено... Ах, да! Еще последнее наставление:

если вы будете разговаривать, то говорите шепотом, в лесу никогда нельзя быть уверенным, что тебя никто не подслушивает; в пустыне деревья имеют глаза и листья-уши, а главное, не зажигайте огня. Словом, не делайте ничего такого, что могло бы привлечь внимание посторонних.

— Хорошо.

— В таком случае, до свиданья! Может быть, я возвращусь даже раньше, чем через час.

— Желаем успеха.

Двое мужчин горячо пожали друг другу руки; затем охотник углубился в кусты и сейчас же исчез из виду. Барон остался один со своими солдатами, в глубине души сильно озабоченный результатами, которые могла дать экспедиция, предпринятая храбрым канадцем, но, конечно, старался не показывать этого солдатам.

Время тянется бесконечно медленно в тех случаях, когда приходится чего-нибудь ждать, а в особенности же когда тот, кто вынужден ожидать, находится не в комфортабельном салоне, а, наоборот, в девственном лесу, и судьба к тому же забросила его сюда в первый раз: вокруг него сгущается мрак, ближайšie к нему предметы меняют свой вид по мере того, как угасает слабый свет вечерних сумерек, и постепенно принимают самые фантастические формы. Добавьте к этому таинственный шум, который то и

дело слышится в кустах; ветер жалобно завывает в верхушках деревьев, хищные звери, пробудившиеся при закате солнца, зловещим ревом дают знать о себе.

При таких условиях секунды кажутся целыми часами, а уж часы тянутся прямо-таки бесконечно.

Самый храбрый человек чувствует, как нервная дрожь пробегает по всему его телу, как холодный пот выступает у него на висках, а волосы дыбом встают на голове, — ему страшно!.. Изогнув тело вперед, непомерно открыв глаза, насторожившись, держа палец на курке ружья, он стоит неподвижно, едва дыша, готовый вступить в борьбу с врагом, порожденным его воображением.

Прошло два часа. Сначала трое французов разговаривали и даже посмеивались сами над тем, что они будут делать, если проводник их почему-нибудь раздумает вернуться, и как выберутся они из этого бесконечного векового леса; потом как-то сам собой смех застыл у них на губах, разговор не вязался и, наконец, совсем прекратился. Затем, по мере того как ночь становилась все темнее, они сбились, стеснились до того, что чувствовали локти друг друга; и, наконец, мрачные, безмолвные, едва дыша, с ружьями в руках, готовые каждую минуту пустить их в дело, они как бы застыли в этих позах, точно мраморные статуи.

Вдруг веселый смех прозвучал над их ушами, между деревьями заблестел красноватый огонь, и показался человек. Этот человек был Бержэ.

Крик радости вырвался невольно из сдавленной груди троих мужчин, а так как гордость тотчас же вернулась в их сердца, то они украдкой отодвинулись один от другого, точно школьники, пойманные на месте преступления, и аффективно разлеглись в самых непринужденных и наивно беззаботных позах. Канадец, делая вид, что ничего не замечает, быстро направился к тому месту, где они лежали, и скоро подошел к ним.

— Как вы долго пропадали! — сказал барон голосом, которому он, увы! — тщетно старался придать желаемый оттенок полного спокойствия.

— Вы находите? — наивно отвечал канадец. — Я ушел от вас всего только два часа тому назад.

Молодой человек не возразил ни слова; по его расчетам, прошло, по крайней мере, шесть часов.

— Ну, да не в этом дело! — продолжал Бержэ, — я здесь, а это самое главное, не так ли?

— Конечно. Ну! Что же вы узнали?

— Прежде всего, что я не ошибся: впереди нас, действительно, идут

двое мужчин и одна женщина.

— А они враги или друзья?

— На это я не могу ответить вам так, как хотел бы. Все, что я могу сказать вам, ограничивается тем, что пока нам их

— Вы это могли бы угадать разве только чудом.

— Может быть, и так, а может быть, и нет; но я не хочу играть с вами в прятки и прямо скажу вам, что мы идем к одной и той же цели, поэтому столкнемся лучше как следует вместо того, чтобы держаться настороже, что могло бы только повредить и даже расстроить наши проекты.

— Я вас не понимаю, — сказал барон де Гриньи, — и если вы не выскажетесь более определенно, я, к величайшему моему сожалению, не буду знать, что ответить вам.

— Хорошо сказано, клянусь спасением моей души! Я с удовольствием вижу, что вы, несмотря на свою молодость, умеете быть осторожным, — отвечал Изгнанник насмешливо. — Но я позволю себе заметить вам, что даже одного факта, что мы с вами идем по одной и той же дороге, совершенно достаточно для того, чтобы решить, куда вы идете, даже если бы я и не знал, какую смелую штуку вы замышляете. Не сердитесь на меня, — добавил он, видя нетерпеливый жест барона, — судьба капитана де Виллье интересует меня не меньше, чем вас. Он спас мне жизнь; это старинный долг, и мне хотелось бы заплатить ему как можно скорей!

— Неужели это правда!

— Да разве вы этого не знаете?

— Мой приятель не имеет обыкновения рассказывать об оказанных им услугах.

— Это правда, и я благодарю его за это. Эта черта только еще более увеличивает мою симпатию к нему, а также и благодарность к нему и его друзьям.

— Значит, — сказал Бержэ, — мы можем рассчитывать на вашу помощь в этом деле, то есть в том случае, если вы действительно задумали попытаться счастья освободить капитана?

— Точно так же, как и на самих себя. Но послушайте, ведь мы с вами давно знакомы друг с другом, поэтому будьте со мной откровенны: я докажу вам, что все знаю. Вы ждете Куга-Гандэ, не так ли? Ну, так вот, прежде, чем прийти к вам, он должен повидаться со мной,

— А, ну уж это, милейший Жан-Поль...

— Вы мне не верите? — улыбаясь спросил Изгнанник.

— Да, если только не увижу этого собственными глазами.

— Ну, тогда смотрите!

И он заставил его повернуть голову.

Бержэ подпрыгнул от удивления. В эту минуту Тонкий Слух, индейский вождь, взобравшись на холм, медленными шагами подходил к лагерю.

Сомнение становилось невозможным: Изгнанник сказал правду.

Глава XVII. МУЧЕНИК

Кулон де Виллье невозмутимо смотрел, как утоляли голод его похитители, отказываясь принять какое бы то ни было участие в их трапезе и отталкивая все предлагаемые ему яства.

Кто бы ни были эти бандиты, белые или краснокожие, но они не стали принуждать его подчиниться их воле.

Наоборот, они сами, видимо, относились к нему с уважением; они даже отошли от него подальше и предоставили ему полную свободу отдаться мрачным мыслям, которые должно было внушить ему его положение.

Отдых продолжался часа два. Затем, на закате солнца, вопреки привычкам индейцев, которые, за исключением весьма редких случаев абсолютной необходимости, никогда не делают ночных походов, был подан сигнал к выступлению.

Тот же самый человек, который уже говорил с графом, опять подошел к нему и, вежливо поклонившись, сказал:

— Сударь, нам придется продолжать теперь путешествие уже не пешком, а на лошадях, на которых мы все отправимся верхами. Надеюсь, вы теперь согласитесь дать мне честное слово, как я вас о том просил, — вам в ту же минуту подведут лошадь и вы совершенно свободно поедете вместе с нами, причем к вам будут относиться с величайшим уважением.

Молодой человек отвернул голову, делая вид, как будто не слышал того, что говорил ему этот человек.

— Я прошу вас об этом в ваших же собственных интересах, сударь, — продолжал человек, переодетый индейцем, — вы сами осуждаете себя своим упорством на ужасные страдания, от которых вы легко могли бы освободиться всего одним только словом. Согласитесь, пожалуйста, на то, о чем я вас прошу.

Граф презрительно улыбнулся, пожал плечами, но не произнес ни слова.

Через несколько секунд бесполезного ожидания индеец удалился медленными шагами, грустно шепча про себя:

— Это железный человек, от него ничего не добьешься. Делайте ваше дело, — добавил он громко, обращаясь к окружающим его людям.

Графа опять связали и завязали ему глаза платком; потом его приподняли с носилок, и он вскоре понял, что сидит на шее лошади,

впереди человека, к которому его привязали и который поддерживал его для того, чтобы он не свалился ни на ту, ни на другую сторону.

С первых же минут путешествие стало более чем утомительным. Молодой человек, наполовину лежа, наполовину выгнувшись назад, не имел ни малейшей точки опоры, чтобы держаться: ноги его болтались в воздухе, а голова качалась во все стороны.

— Сделайте знак согласия, — проговорил чей-то голос у него под ухом, — и вас сейчас же развяжут.

Сделав над собой страшное усилие, граф выпрямился так, что в продолжение нескольких минут оставался совершенно неподвижен: отказ был выражен решительно. Никто не стал его больше уговаривать.

Послышался свисток, и отряд медленно тронулся. Но постепенно шаг лошадей — теперь все эти люди ехали верхом — становился все быстрее, и они вскоре пустились в галоп, который не замедлил перейти в бешеную скачку.

Несмотря на все старания всадника, к которому граф был привязан, держать его в равновесии впереди седла, граф переносил действительно ужасные страдания; надо было иметь всю его непобедимую энергию и всю его силу воли, чтобы не издать ни одного стога и не просить пощады у бессердечных палачей.

Кровь прилила ему к голове, у него появился зловеющий шум в ушах, артерии его бились так сильно, что готовы были лопнуть, ужасные судороги сводили все его члены, он чувствовал, что с ним начинается дурнота; рассудок его мутился; кровавые призраки носились перед его глазами.

Адская скачка, между тем, становилась все быстрее и быстрее. Мало-помалу безумие овладело его мозгом, он перестал сознавать, где он, и стал жертвой ужасных галлюцинаций; затем он почувствовал ледяной холод и общий упадок сил. Он больше уже ничего не слышал, тело его стало бесчувственным, он решил, что умирает; вздох облегчения приподнял его грудь, и он откинулся назад.

Он был в обмороке.

Наконец, глаза его снова раскрылись, он бросил вокруг себя бессмысленный взгляд, сделал машинально жест рукой и снова закрыл глаза, шепча слабым голосом:

— Отчего я не умер.

Прошло несколько минут. Молодой человек сделал новое усилие, глаза его бросили более разумный взгляд; жизнь возвращалась, а с нею вместе возвращалась и память, то есть страдание. Он сделал было попытку встать,

но слабость его была так велика, что ему едва удалось повернуть голову немного в сторону.

Понемногу в голове его начало проясняться, он мог уже отдавать себе отчет в том, что происходило вокруг.

— Где же это я? — прошептал он, — что это значит? Как очутился я здесь?

И в самом деле, то, что он видел, должно было его удивить. Он лежал на кровати в комнате. Стены везде были украшены густыми мехами, заменявшими обои, и такие же меха покрывали пол; обширный камин с высоким колпаком над очагом, в котором горел яркий огонь, занимал большую часть комнаты; дубовый поставец, наполненный посудой, резной сундук, большие настенные часы с футляром в стиле Людовика XIII, несколько стульев, стол, зеркало, а возле кровати маленький столик с зажженным на нем ночником — все это так называемое комфортабельное убранство только еще более увеличивало удивление графа.

Хотя комната, в которой он находился, была довольно больших размеров, но, судя по всему, в домике, куда он попал, должны были быть еще и другие комнаты; две двери, наполовину скрытые под мехами, по-видимому, вели во внутренние апартаменты.

Куда же он попал? В индейский вигвам или в дом, устроенный по европейскому образцу? Кто эти люди, поместившие его в такое сравнительно роскошное помещение?

Затем еще один вопрос. Неужели он в пустыне? Или, может быть, его похитители тоже подверглись нападению и, благодаря этому, были вынуждены выпустить свою добычу, и он теперь находится на ферме?

А если это так, то куда именно забросила его судьба? К французам или к англичанам? Свободен он или нет?

Сколько времени лежит он уже на этой постели? Часы зашипели и пробили двенадцать раз. Полдень это или полночь?

Ночник давал право думать последнее; но герметически закрытые окна были завешены мехами. Может быть, не хотели, чтобы он увидел свет?

Почему, почему, почему?

Это слово постоянно возвращалось на уста молодого человека, но он все еще не мог придумать удовлетворительного объяснения; перенесенные им страдания до такой степени ослабили его, что он почти не мог ничего сообразить.

Голова его снова упала на подушку, он вздохнул, опять закрыл глаза и заснул, но на этот раз уже спокойно.

Его разбудил веселый звон: били часы. Он сел на постели и стал

смотреть с невыразимым выражением удивления вокруг.

Через открытое окно в комнату врывался ослепительный свет солнца. Эта комната, такая печальная и мрачная всего за несколько часов перед тем, теперь казалась ему совершенно иной; снаружи доносилось щебетанье птиц, свежий ветерок, насыщенный ароматами лесов, обвевал бледный лоб молодого человека и играл длинными локонами его волос.

Он чувствовал, что возрождается к жизни, а вместе с тем и силы возвращаются к нему! Вместе с солнцем вернулось к нему и покинувшее было его мужество; происшедшее казалось ему не больше, как сном, надежда возвращалась в сердце, а вместе с надеждой — радость и беспечность, эти милые спутники юности.

Открылась дверь, вошел человек.

Этот человек был молод, у него была кроткая и приятная наружность, костюм его, совершенно черный, был костюмом слуги из хорошего дома.

Он держал в руках поднос, заставленный серебряной посудой. Затворив дверь, он потихоньку приблизился к столу, на который поставил поднос; затем он обернулся и, увидев глаза молодого человека, устремленные на него, почтительно поклонился и стал ждать.

Граф де Виллье следил с необычайным любопытством за всеми движениями этого нового лица.

— Наконец-то, — прошептал он про себя, — я узнаю, где нахожусь!

Когда он увидел, что слуга ожидает приказаний, он сделал ему дружеский знак рукой и негромко подозвал его к своей постели.

— Что угодно приказать господину графу, — отвечал слуга, становясь перед молодым человеком.

— Вы меня знаете? — с удивлением спросил капитан.

— Да, я знаю, что имею честь разговаривать с господином графом Луи Кулоном де Виллье, капитаном королевского морского полка.

— Очень хорошо! Раз оно так, раз вы знаете мое имя и мое звание, так это, вероятно, потому, что лица, гостеприимством которых я пользуюсь в настоящее время, принадлежат к моим друзьям?

— Самые лучшие друзья господина графа.

— Все лучше и лучше! А как зовут этих друзей?

— Мой господин желает сам сказать свое имя господину графу.

— А!.. — проговорил граф с досадой. — Где же я теперь?

— Я не могу этого сказать господину графу.

— Разве вам запрещено мне отвечать?

— Я, господин граф, нахожусь в этой стране не больше месяца и совсем ее не знаю.

Граф понял, что слуге было приказано так отвечать, и он не стал больше расспрашивать.

— Можете вы сказать мне, — продолжал граф через несколько минут, — сколько времени я нахожусь в этом доме?

— Сегодня исполнилось ровно двенадцать дней, как господин граф прибыл сюда; он был очень сильно болен, и все мы долго боялись за его жизнь. К счастью, теперь господин граф выздоровел.

— Да, совсем. Потрудитесь, пожалуйста, дать мне мое платье, я хочу встать.

— Платье господина графа здесь, на этом стуле.

— Благодарю, я вижу.

— Может быть, господину графу угодно, чтобы я помог ему одеться и причесаться?

— Это бесполезно, я не стану пудриться, — я думаю, что в этой стране, какова бы она ни была, — добавил он, улыбаясь, — этикет не так строг, как при французском дворе.

— Завтрак для господина графа стоит на этом столике. Если господину графу что-нибудь понадобится, ему стоит только свистнуть в этот свисток, и я сейчас же прибегу. Слуга поклонился и вышел.

Не успел еще он притворить за собой двери, как молодой человек, сбросив с себя простыни и одеяла, одним прыжком вылетел из постели. Но, поступая таким образом, он совсем забыл, что только еще начал выздоравливать после тяжелой болезни. Силы его, далеко не окрепшие, изменили ему, и он рухнул со всего размаху на пол, где и остался неподвижным, безжизненным, не будучи в состоянии приподняться, несмотря на все усилия.

Тем не менее, он решил победить эту слабость, и энергия его удесятерилась; ползком, на коленях, останавливаясь на каждом шагу перевести дух и отереть пот, катившийся со лба, он добрался до стола, на котором стоял приготовленный для него завтрак. Уцепившись ногтями за край стола, ему удалось подняться на ноги; затем он схватил бутылку, открыл ее и налил из нее почти до краев стакан вина, аромат которого наполнил всю комнату; затем он поднес стакан к своим губам и опорожнил его залпом, не переводя духа.

Вино оказало почти волшебное действие. Молодой человек почувствовал, как кровь у него точно быстрее потекла по жилам; щеки покрылись легким румянцем; глаза расширились и во взоре сверкнула молния. К нему вернулась сила, может быть, поддельная, но которая в настоящую минуту, возвращала ему ясность ума и способность

действовать.

Твердой поступью подошел он к стулу, на котором лежало его платье: минута

— и он был одет. Брошенный в зеркало любопытный взгляд показал ему, что он ничего не потерял из своих физических преимуществ и что болезнь, сделав еще более резкими контуры его лица, так сказать, опоэтизировала их.

Покончив с туалетом, граф сейчас же обратил внимание на завтрак. Эта подробность может показаться слишком прозаической, а между тем, она явилась результатом глубоких соображений: судя по ответам слуги, с которым он говорил несколько минут тому назад, граф понял, что неопределенные ответы слуги были продиктованы ему господами, кто бы они там ни были. Его пребывание здесь окутывала тайна, а тайну эту следовало узнать. Значит, ему предстояло вести борьбу, а между тем, первое испытание своих сил доказало ему, что он еще слишком слаб. Граф отлично знал, насколько во всякого рода борьбе физическая сторона влияет на нравственную, поэтому ему нужно было прежде всего вернуть себе во что бы то ни стало силы, чтобы выдержать без особенного ущерба борьбу, которую он предвидел в недалеком будущем. Выпитое им вино, сравнительно в очень небольшом количестве, оказало на него такое хорошее действие, что он не мог не прибегнуть снова к этому же средству, но только удвоив дозу.

Вот причина, почему он так спешил сесть за стол и поесть с настоящим аппетитом выздоравливающего.

Когда он опустошил все блюда и осушил все бутылки, тогда только, наконец, он почувствовал себя сытым и решил выйти из-за стола.

Теперь он снова был здоров и силен и мог начать действовать.

Дабы убедиться в том, что он не ошибается и что действительно иступил в обладание всеми своими способностями, он обошел два или три раза свою комнату медленными шагами, осматривая и обшаривая все углы для того, чтобы разузнать, где он находится, но разведка его не дала никаких результатов.

Люди, с которыми он имел дело, не сделали ни малейшего промаха; ничто не было ими забыто. Комната его, хотя и очень комфортабельная, с прекрасной мебелью, как мы уже говорили, не выдавала ни одной из тайн, скрыть которые, по-видимому, так тщательно старались.

Это открытие навело на раздумье молодого человека. Он имел дело с сильным врагом, ему следовало действовать осторожно, если он не хотел быть постыдно побитым. После осмотра комнаты оставалось еще окно; он

подошел к нему высунулся наружу и стал смотреть. Он не мог сдержать нетерпеливого движения досады.

Перед ним стоял густой лес из огромных вековых деревьев и образовывал непроницаемую завесу.

Предосторожности были хорошо приняты, точно кто-то собирался выиграть пари.

Между тем, совершенно невольно граф остался стоять, прислонившись к окну, погруженный в сладкие грезы и вдыхая полными легкими душистый ветер, игравший в вершинах высоких деревьев.

Смутный взор его бесцельно блуждал вокруг; он любовался лианами, обвивавшимися вокруг гигантских деревьев, он с интересом следил за грациозными прыжками серых векш, перепрыгивавших с ветки на ветку; он с восторгом прислушивался к пению целых тысяч птиц различных пород, перепархивавших с дерева на дерево. Время проходило, а он все еще продолжал стоять на том же самом месте, удерживаемый неодолимым очарованием, и думая... о чем? Он и сам не мог бы этого сказать. Вдруг лес сразу смолк; все звуки прекратились одновременно; глубокая тишина наступила, точно по волшебству, вслед за гвалтом, который за несколько минут пред тем оглушал графа. Граф отступил в испуге. Может быть, он ошибался и грезил наяву? Ему показалось, что как раз перед ним густые ветви одного дерева как будто стали тихонько раздвигаться, позволяя скорее угадывать, чем видеть в промежутке между ними голову человека.

Человек этот, которого граф не мог узнать благодаря слишком далекому расстоянию, хотя весь корпус его был заметен, сделал ему рукой знак, которого он сначала не понял; но человек этот повторил его дважды и так ясно, что граф инстинктивно отступил на два шага назад. В ту же минуту к ногам его упал камень; потом таинственный корреспондент приложил палец к губам, как бы желая этим посоветовать графу молчать, и ветви вновь соединились-видение исчезло.

Капитан машинально опустил глаза вниз; у своих ног он увидел камень и поднял его.

К этому камню тоненькою веревочкой был привязан большой свернутый лист.

Граф с бьющимся сердцем бросил вокруг себя подозрительный взгляд, боясь, как бы его не захватили врасплох; затем он прислонился плечом к двери, через которую вышел слуга, и, дрожа от волнения, разорвал нитку и развернул лист, который, как оказалось, заменял собою бумагу для письма; на нем заостренной щепкой были глубоко врезаны буквы, которые легко было разобрать.

Граф быстро прочел следующее:

«Вот уже семь дней, как я сижу, спрятавшись между деревьев, перед вашим окном и все время с нетерпением жду момента, когда вы появитесь. Наконец, вот и вы; слава Богу! Верные друзья изыскивают способы спасти вас. Берегитесь людей, во власти которых вы находитесь; не делайте никаких вопросов, отказывайтесь от свиданий. Попросите себе позволения погулять на воздухе, это вам, наверное, охотно разрешат: что бы вы ни увидели, что бы вы ни услышали, кто бы ни были те, которых вы встретите во время прогулки, не удивляйтесь ничему и никого не узнавайте. Когда вы услышите крик pawkawis'a, будьте готовы бежать, откройте окно спасение близко!

Друг.

P.S. Уничтожьте этот лист. Надейтесь!»

— А! — Вскричал граф с радостью, — значит, я не одинок друзья не покинули меня! Раздавлив лист каблуком сапога, он схватил свисток и поднес его к губам.

Почти в ту же минуту отворилась дверь, и тот же слуга, который приходил утром, вошел в комнату; он почтительно поклонился и молча ждал, пока граф соблаговолит с ним заговорить

Глава XVIII. ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Помолчав с минуту, граф заговорил, стараясь при этом казаться совершенно спокойным и равнодушным.

— Два слова, мой друг.

— Что прикажете, господин граф?

— Надеюсь, я не пленник в этой комнате?

— Господину графу стоит только выразить желание.

— А если я пожелаю выйти из дому. Имею я на это право?

— Господин граф — полный хозяин в этом доме: он может уходить и гулять, где ему заблагорассудится.

— А если бы у меня явилась фантазия пойти прогуляться, например, сейчас, — улыбаясь, спросил молодой человек, — могу я сделать это?

— Никто не станет этому противиться. Но, при всем моем уважении к господину графу, я не могу не обратить его внимания на то, что он еще слишком слаб для того, чтобы выходить сейчас на прогулку и, может быть, было бы гораздо лучше отложить это до завтра.

— Благодарю вас за участие, мой друг. Кстати, как вас зовут?

— Андрэ, господин граф.

— Отлично! Итак, милый мой Андрэ, я с удовольствием могу ответить вам, что чувствую себя гораздо лучше, чем вы думаете; кроме того, признаюсь вам, я испытываю сильное желание погулять на воздухе. Поэтому потрудитесь, во избежание несчастья, в том случае, если я окажусь слабее, чем думаю, — потрудитесь, прошу вас, сопровождать меня; таким образом вы будете наблюдать за мной и, в случае нужды, окажете мне помощь. Согласны?

— Я весь к услугам господина графа.

— Ну, так пойдем сейчас же! Я просто задыхаюсь в этих стенах, мне нужен воздух и простор.

Слуга отворил дверь и поклонился, пропуская графа.

— Ступайте вперед, — сказал последний, — иначе я не сумею найти дороги, потому что не знаю внутреннего расположения этих комнат.

Андрэ молча повиновался. Отворенная им дверь вела в комнату, похожую на приемную, меблированную довольно прилично, но без роскоши.

К этой комнате примыкала очень маленькая передняя, в свою очередь, выходящая в коридор, а оттуда на узкий двор, окруженный очень густой

живой изгородью, высотой около шести футов Решетчатая дверь, небрежно запертая деревянной щеколдой, служила выходом наружу.

Все это было устроено очень просто и ни в чем не походило на тюрьму.

Во дворе граф обернулся и тщательно осмотрел дом.

Это было довольно большое здание, построенное из целых бревен, скрепленных железными скобами, промежутки между пазами были заткнуты мхом пополам с землей; внутри стены эти, чрезвычайно толстые и крепкие, были прекрасно оштукатурены. Этот способ постройки несколько не удивил молодого человека; он уже знал его. Так же точно все торговые агенты строят свои блокгаузы или, как они называют их, конторы на зимних станциях на индейской территории.

Эта обширная хижина или дом, смотря по тому, как читатель пожелает ее назвать, имела вид продолговатого четырехугольника с шестью окнами по фасаду и двумя с каждой стороны: бесконечное число амбразур, замаскированных кое-как и расположенных без видимого порядка, указывало на то, какое было первоначально назначение этого домика. Он был одноэтажный, крыша, выстроенная по нормандской моде, выдавалась вперед.

Словом, несмотря на привлекательную наружность этого домика, заставлявшую принимать его за хижину богатого поселянина, капитану достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться в том, что это была крепость, довольно солидно устроенная и способная с успехом выдержать нападение, если бы мысль об этом пришла в голову индейцам.

Покончив с осмотром, на который потребовалось не более пяти минут, граф перешел через двор и вышел наружу.

Тут он узнал, что находится в довольно большой индейской деревне — зимовнике.

Он начал свою прогулку с видимым равнодушием, скрытно посматривая во все стороны и не пропуская ничего, что заслуживало хоть малейшего внимания с его стороны.

Индейцы, особенно же североамериканцы, имеют вообще по две деревни на племя: летнюю и зимнюю.

Летняя деревня, местоположение которой изменяется почти ежегодно, не более как лагерная стоянка, которую строят наспех, смотря по потребностям охоты, так как индейцы не земледельцы; хижины строятся в таких деревнях из кольев, вбитых в землю и прикрытых сшитыми кожами, низ которых придерживается посредством валика из земли и натасканных камней. Достаточно нескольких часов для того, чтобы устроить одну из

таких стоянок; еще меньше времени требуется на то, чтобы ей исчезнуть.

Что же касается зимних деревень, то положение их, за исключением окончательной эмиграции племени, постоянно одно и то же. Обычно они помещаются в центре леса, на берегу реки; до них добираются только с большим трудом, потому что индейцы тщательно скрывают свои убежища. Они окружены палисадом высотой около десяти футов. Снаружи, в миле или около того от деревни, находятся подмости, на которых кладут покойников, — краснокожие редко хоронят их.

Хижины продолговатой или круглой формы, смотря по вкусу владельцев, разделяются на несколько отделений посредством плетеных стен или перегородок из кож, натянутых на веревки. Возле каждой хижины справа строится нечто вроде сарая, служащего для сохранения съестных припасов.

Эти хижины, довольно правильно поставленные в ряд, образуют узкие и грязные улицы, которые сходятся радиусами к большой площади, расположенной в самом центре деревни. На площади, достаточно обширной для того, чтобы на ней могло собираться все мужское население племени, возвышается огромная так называемая хижина совета.

Перед входом в хижину совета в землю вбит тотем — длинный шест, украшенный перьями, на верхушке которого развеивается полудубленая кожа, на которой грубо намалевано красной краской какое-нибудь животное: медведь, волк или ящерица, эмблема племени, всеми уважаемая, — нечто вроде священного знамени; во время сражения это знамя несет один из самых знаменитых вождей; налево, на двух кольях, вбитых в землю и оканчивающихся в виде вил, помещается великая священная трубка, которая никогда не должна быть осквернена прикосновением к земле.

Как раз между этими двумя эмблемами и немного впереди их видна как бы бочка с выбитым дном, наполовину зарытая в стоячем положении и вся поросшая ползучими растениями, за которыми тщательно ухаживают.

Бочка эта называется ковчегом первого человека и чрезвычайно почитается индейцами; обыкновенно, около нее казнят осужденных на смерть, а следовательно, тут же находится и столб для пыток.

Там и сям на улицах стоят деревья, нарочно оставленные с ветвями, обвешанными кусками материй, ожерельями, волосами и всевозможными кожами; эти деревья служат жертвенниками, на которые мужчины и женщины навешивают в честь.

Господина жизни те дары, которые они пообещали ему в тяжелую минуту жизни или спасаясь от опасности.

Графу де Виллье со времени его прибытия в Америку впервые приходилось так близко изучать индейскую жизнь и посещать один из настоящих центров тех туземных племен, которые ему всегда изображали в виде дикарей, почти идиотов.

Вот почему, несмотря на довольно печальные мысли, занимавшие его ум, он незаметно для самого себя поддался вполне естественному любопытству и с интересом наблюдал незнакомые ему до сих пор картины.

Улицы были буквально запружены народом: мимо него и навстречу ему проходили то воины с высоко поднятой головой и гордою осанкой, которые мимоходом бросали на него свирепые взгляды, то пожилые уже вожди, до подбородка закутанные в свои плащи из шкуры бизона и шепотом обменивающиеся замечаниями по адресу французского капитана.

Далее женщины и дети шмыгали взад и вперед с испуганным видом, провожая сани со съестными припасами или топливом, запряженные красными худыми плешивыми собаками, с прямыми ушами и острым рыльцем, очень похожими на волков и шакалов. Другие женщины проходили, неся на плечах камышовые корзины, так искусно сплетенные, что ни одна капля находящейся в них воды не проливалась наземь. Затем дети лет пяти-шести, совершенно голые, катались в пыли и иногда прерывали свои игры для того, чтобы сбегать пососать грудь у своих матерей, сидевших на пороге хижин и переговаривавшихся со своими товарками на противоположной стороне улицы.

Индейские дети питаются молоком матери иногда даже до восьми-девятилетнего возраста, и поэтому они все и бывают такими сильными, крепкими, хорошо сложенными и так редко подвергаются тем детским болезням, которые в наших цивилизованных странах так жестоко косят эти хрупкие создания.

После прогулки, продолжавшейся не менее двух часов, капитан утомленный, но сильно заинтересованный всем виденным, направился, опираясь на руку Андрэ, по дороге к дому, в котором жил.

Он подходил уже к нему, когда вдруг вздрогнул при виде мужчины и женщины шедших к нему навстречу.

Миновав их, он машинально обернулся и взглянул на них. Женщина сделала то же самое; она бросила на него выразительный взгляд, положив свой миниатюрный палец на розовые губки, и продолжала свой путь.

Женщина эта была Анжела; человек, сопровождавший ее, был ее отец, прозванный Изгнанником.

По какому случаю оба эти лица находились в этой деревушке? Какая причина привела их сюда? Может быть, они пришли сюда ради него?

Можно ли это допустить! Но разве в письме, оставленном молодой девушкой в дупле дерева, не сообщалось, что она отправляется в продолжительное путешествие? По всей вероятности, эта встреча произошла сегодня совершенно случайно.

Размышляя таким образом, капитан возвратился в дом, до брался до своей комнаты и упал на один из стульев, разбитый усталостью.

Так прошло несколько минут, он глубоко задумался. Кто-то отворил дверь в комнату; граф предполагал, что это Андрэ и не только не повернулся, но даже не поднял головы.

Вдруг на его плечо тихо легла чья-то рука, и голос, мелодичный тембр которого был так хорошо ему знаком, спросил его:

— О чем вы так задумались, господин граф, что ничего не видите и ничего не слышите?

Молодой человек вздрогнул, точно от электрической искры, и быстро поднял голову.

Даже еще не видя ее, граф по одному голосу узнал графиню де Малеваль.

Это и в самом деле была она, более, чем когда либо, прекрасная, дразнящая и улыбающаяся.

Молодой человек почувствовал дрожь под огнем взгляда графини; он побледнел, покачнулся и был вынужден схватиться за что-нибудь рукой, чтобы не упасть.

— Что это-радость, боязнь или ненависть причиняют вам это волнение при виде меня, дорогой граф? — продолжала графиня с легким оттенком иронии.

— Сударыня, — отвечал он, делая над собой страшное усилие, — простите меня; хотя я и должен был знать, что увижу вас здесь, тем не менее, признаюсь вам, я не мог преодолеть чувства невольного испуга, увидев вас так неожиданно перед собой.

— Как прикажете считать это: оскорблением или комплиментом? — продолжала она, беря стул и садясь перед графом, который машинально последовал ее примеру.

Наступило довольно продолжительное молчание. Наконец, графиня решила заговорить первая.

— Вы догадывались, что я до некоторой степени участвовала в вашем похищении? Странно это, не правда ли? — продолжала она, — красивый королевский офицер похищен женщиной, которую он покинул. Признайтесь, это приключение могло бы произвести эффект даже и при версальском дворе. Но мы здесь среди пустыни, и о нем, к несчастью,

вероятно, даже никто и не узнает. Это очень печально, не правда ли?

— Графиня!

— Что делать, граф, — перебила она, — я — странное существо! Я скроена по особой мерке, я люблю тех, кто от меня бежит! Если бы вы остались в Квебеке, мы, по всей вероятности, очень скоро порвали бы нашу связь и, конечно, по обоюдному соглашению. Вместо того, вы почему-то сочли нужным покинуть меня, а я последовала за вами и поймала вас.

— Какую же цель преследовали вы, графиня, поступая таким образом? Я никак не могу уяснить себе этого.

— А сама я разве знаю, разве я была бы женщиной, если б размышляла? Страсть не рассуждает, она действует! Я хотела вас найти, отомстить вам за ваше вероломное бегство, за то, что вы меня покинули. Я хотела этого добиться во что бы то ни стало.

— А теперь?

— Теперь я изменила свое намерение. Я вас увидела...

— А! В самом деле?

— Да! Это вас удивляет?

— Нисколько, графиня, я только спрашиваю вас, почему, раз вы желали отомстить мне за то, что вам угодно назвать вероломным бегством, — почему теперь, когда вам удалось схватить меня и сделать своим пленником, почему не пользуетесь вы этим случаем, чтобы удовлетворить жажду мести?

— Я изменила свое намерение, дорогой граф, у меня теперь другие проекты.

— А могу я узнать, графиня, эти проекты?

— Я нарочно затем и пришла, чтобы сообщить вам их.

— Я вас слушаю.

Все это было сказано самым приветливым образом, с улыбкой на устах; невидимому свидетелю этого необычайного разговора, конечно, не могло бы и в голову прийти, какая жгучая ненависть кипела в глубине обоих этих сердец и сколько угроз заключали в себе эти чарующие улыбки, которые так щедро расточали оба собеседника.

Граф де Виллье, совершенно овладевший собой, вернул себе все свое хладнокровие, а следовательно, и все преимущества; он готовился храбро выдержать борьбу, которую он предчувствовал. Спокойный, улыбающийся, он ждал, чтобы графиня заговорила первая.

Последняя заговорила почти сейчас же, кусая себе губы.

— Вы тоже, дорогой граф, держали меня в своей власти, почему вы не отомстили?

— Отомстить вам? За что, графиня? За то, что я вас любил и был настолько счастлив, что был любим и вами? Вы, вероятно, смеетесь надо мной, — любезно отвечал он.

— Не играйте, пожалуйста, словами, граф. Время пастушеских идиллий для нас миновало. Отвечайте откровенно, как следует дворянину.

— Если вы этого требуете, графиня, извольте, я вам отвечу: порядочный человек, имеет он причины или нет сердиться на женщину, никогда ей не мстит.

— Он ее презирает и выгоняет, не правда ли? — жестко перебила она.

— Нет, графиня, он искренне ее жалеет и уважает в ней особу, которую он прежде любил.

Графиня бросила на него из-под своих длинных ресниц странный взгляд.

— Пусть так, — сказала она через минуту, — это объяснение может быть, до некоторой степени и верно.

— Оно является выражением моих мыслей, графиня, и если представится случай, я поступлю опять точно так же.

— Очень возможно! Но вернемся к тому, что я хотела вам сказать: вы мой пленник.

— Я это знаю, графиня.

— От вас зависит получить свободу.

— Я жду, чтобы вы сооблаговолили объяснить мне, на каких условиях это может состояться?

— Вы знаете, где вы находитесь?

— У вас, я полагаю.

— Без двусмысленностей: я говорю о стране, а не о доме.

— Судя по тому, что мне удалось увидеть во время прогулки, я нахожусь в какой-то индейской деревушке.

— Да, вы находитесь на британской территории, не больше как в десяти милях от форта Necessite, в деревне, принадлежащей племени, вполне преданному англичанам, которое к тому же питает к французам беспощадную ненависть.

— К чему вы все это говорите мне, графиня? Эти подробности, без сомнения, очень важные, несколько меня не интересуют. Мне было бы гораздо приятнее, если бы вы ответили мне откровенно, как вы хотели это сделать несколько минут тому назад, и что я, со своей стороны, уже исполнил по вашей просьбе. В жилах у нас течет благородная кровь наших предков, а одно это уже не позволяет лгать ни вам, ни мне.

— Хорошо, я буду с вами откровенна, граф. Благодаря любезности

губернатора Виргинии и в чем, наверное, отказали бы французские власти, мне удалось захватить вас. Ну! И вот теперь, когда я имею полную возможность отомстить вам, когда никакая сила уже не в состоянии помешать этому, я готова отказаться от мести, если... это будет зависеть исключительно от вас. Скажите одно только слово, и в ту же минуту навеки потухнет вся моя ненависть к вам.

— Я был бы чрезвычайно счастлив, поверьте мне, графиня, если бы я мог добиться подобного результата, это самое заветное мое желание. К несчастью, я и сам не знаю почему, но мне кажется, что то слово, которое вы от меня требуете, что то сочетание звуков, которое, по-видимому так просто было бы произнести, уста мои будут не в состоянии выговорить.

— Сначала выслушайте, граф, а потом уже решайте, как вам следует поступить-принять мое предложение или нет.

— Это верно, — отвечал граф с поклоном.

— Вы — дворянин, господин де Виллье, — продолжала графиня, — даже происходите из очень древнего дворянского рода, но вы бедны и не имеете совсем покровителей в Версале, где в настоящее время все делается по протекции. Весьма возможно, что вы так и останетесь капитаном и никогда не получите повышения, несмотря на все ваши достоинства, на всю вашу храбрость.

— В этом нет ничего невозможного, графиня, — холодно отвечал граф, — и я даже смиренно признаюсь вам, что давно уже примирился с этим.

— Ну, а я, если только вы захотите произнести одно слово «согласен», сейчас же вручу вам патент на чин полковника и триста тысяч ливров на расходы по формированию вашего полка.

— Вот странный способ мести, согласитесь сами, графиня, — отвечал граф, иронично улыбаясь.

— А почему бы мне не быть такой же великодушной, как и вы?

— Извините меня, графиня, но то, что вы мне говорите, кажется мне таким необычайным, что, если я не увижу на этом патенте подписи его величества христианнейшего короля Людовика XV, которого да хранит Господь! То, несмотря на глубокое уважение, которое я питаю к вам, я этому не поверю.

— Разве я говорила, что этот патент будет подписан непременно королем Людовиком XV? — отвечала графиня, устремив на своего собеседника странный взгляд.

— Но кем же еще он может быть подписан, графиня? Я не знаю никого, кроме короля, кто имел бы право производить в чины офицеров.

— А разве король Людовик XV единственный монарх, имеющий это право?

— Я знаю только его, графиня.

— А я, господин граф, знаю такого же великого государя, как и тот, о котором вы говорите, это-король Георг II.

— Английский король! — вскричал граф, вскакивая со стула так быстро, что графиня невольно откинулась назад. — А, теперь я все понимаю, графиня... Так вот какой способ мести вы придумали для меня! Вы поставили мою честь на карту! Вам хочется обесчестить меня, опозорить! И вы осмелились сделать мне такое предложение, мне Луи Кулону де Виллье, брату несчастного де Жюмонвилля, убитого командиром английского отряда! О! Графиня! Каким же подлецом и негодяем вы меня считаете!

— Граф! Берегитесь! Мне стоит только сказать слово, сделать одно движение, и вы тотчас же будете выданы индейцам.

— Я предпочитаю лучше быть выданным индейцам, графиня, чем слушать вас дальше. Пусть меня подвергнут пыткам, я перенесу их, как дворянин и как человек мужественный. Но из какой же подлой глины вы слеплены, графиня, если подобная гнусная мысль могла зародиться в вашем сердце?

— Граф!

— А! Ни слова больше! Лучше тысяча смертей, чем видеть вас! И я еще любил эту женщину! — добавил он, уничтожая ее взглядом, полным презрения.

— Это, однако, уж слишком! — вскричала графиня, пылая яростью. — Эй, сюда!

В комнату вошел Андрэ.

— Позовите их! — приказала графиня.

Андрэ сделал знак. Целый десяток индейских вождей тотчас же появился в комнате и устремил глаза на графиню.

Последняя, снедаемая яростью и находившаяся почти в состоянии невменяемости, ходила большими шагами по комнате, как разъяренная львица в клетке. Граф де Виллье, скрестив руки на груди, смотрел на нее с выражением грусти и жалости. Вдруг она кинулась к нему и, грубо толкнув его в сторону индейцев, хриплым голосом крикнула:

— Возьмите его! Он ваш, я вам его отдаю!

И она упала на стул, едва переводя дух, почти задыхаясь от ярости.

— Прощайте, графиня, — сказал граф, — я жалею вас, вы должны сильно страдать. Вы даже недостойны презрения порядочного человека...

вас можно только жалеть!

Вслед затем он рукой сделал знак краснокожим, что готов за ними следовать.

— Негодяй! — прошептала графиня де Малеваль в отчаянии, — иди с ними! Но помни, что ты идешь на верную погибель! Еще немного, и наши счета будут кончены!

Граф де Виллье вышел в сопровождении индейцев.

Графиня осталась одна.

Глава XIX. НАПАДЕНИЕ

В тот же день, в ту же минуту, когда садилось солнце, в двух милях от деревни, в каменистом овраге, служившем ложем высохшему потоку, вокруг огня сидели пять человек, которых никому бы не могло прийти в голову увидеть вместе и в это время; они весело болтали, с аппетитом уничтожая заднюю ногу жареной косули.

В числе этих пяти человек находился Жан-Поль, отец Анжелы, и его неразлучный спутник Змея. Рядом с ними сидели наши старые знакомые Золотая Ветвь и Смелъчак, а пятый был не кто иной, как сам сеньор дон Паламэд де Бивар и Карпио, бывший флибустьер, которого графиня де Малеваль приняла к себе на службу за несколько дней до отъезда из своего загородного дома.

Все пятеро собеседников были, по-видимому, в прекрасном расположении духа и с самым трогательным радушием относились один к другому. Они, как мы уже говорили, с аппетитом голодных волков уничтожали жареную заднюю ногу косули, которую запивали французской водкой из большой кожаной бутылки с широким горлышком, то и дело переходившей от одного к другому.

— Итак, — сказал Золотая Ветвь с набитым ртом, — значит, сегодня ночью.

— Да, сегодня ночью, — отвечал Жан-Поль, — потому что казнь назначена завтра рано утром.

— Бедный мой капитан! Неужели вы думаете, что у них достанет смелости мучить его точно так же, как это они проделывают со всеми своими пленниками?

— А что же, станут они церемониться, что ли? — возразил Смелъчак, пожимая плечами. — Нечего сказать, нежные ребята! Напротив, они еще будут радоваться, что им представляется случай изрезать на куски французского офицера.

— Я думал, что они довольствуются тем, что убивают миссионеров.

— Ба! Им эти несчастные уже приелись; они столько уже их пережарили, что теперь это не доставляет им больше уже никакого удовольствия.

— О! — заметил Змея, — за эти несколько лет в их руках побывало немало и офицеров и солдат.

— И солдат тоже! — вскричал Золотая Ветвь, — черт возьми! Это уже

совсем не смешно! Эти бездельники ничего не уважают!

— Ты боишься, как бы они тебя не съели? — спросил, улыбаясь, Смельчак. — Успокойся, старина; ты на мясо никак не годишься, они обломали бы себе зубы об тебя.

Эта острота вызывала шумные одобрения со стороны слушателей — в пустыне люди невзыскательны.

— Ладно! Хорошо тебе говорить так! — возразил Золотая Ветвь. — Быть убитым

— это ровно ничего не значит; солдат на то и создан, это его участь, он должен всегда иметь в виду, что так непременно случится рано или поздно... Но быть убитым во время стычки или замученным — это большая разница!

— Ты прав, старина, там умираешь, так сказать, со славой, а здесь... брр!.. А здесь тебя изжарят, точно поросенка. Что касается меня, то я выбрал бы, вместо этого, что-нибудь другое, будь это даже какие-нибудь пустяки вроде прибавки к жалованью по десяти су в день.

— Спасибо, у тебя губа не дура!

— Значит, я могу рассчитывать на вашу помощь, дон Паламэд? — спросил в эту минуту Изгнанник.

Флибустьер до сих пор не принимал никакого участия в разговоре: он довольствовался тем, что ел, как людоед, и пил, как губка. Услышав вопрос Изгнанника, он поднял голову, сделал гримасу, имевшую претензию походить на улыбку, и отвечал таким тоном, который ясно доказывал, что достойный идалго находился в очень дурном расположении духа, несмотря на все его желание скрыть это.

— Разве я не дал вам слова?

— Это правда; но вам, по-видимому, далеко не нравится предложенный мною проект. Мне, признаюсь вам, очень хотелось бы узнать, почему он вам не нравится?

— Я этого не говорил; напротив, я считаю, что все дело прекрасно задумано, легко выполнимо и, несомненно, должно будет удался.

— Так в чем же дело и что именно вас так огорчает и делает таким угрюмым?

Идалго приосанился и вообще, видимо, желал напустить на себя важность.

— Я дворянин, — отвечал он серьезным тоном, — и что бы вы ни говорили, но честь моя возмущается при мысли, что я должен буду обмануть доверие лиц, относившихся ко мне всегда и во всех случаях превосходно...

— Та, та, та, — перебил его Изгнанник, смеясь, — вот каким языком заговорили вы с нами, приятель! Вы, должно быть, считаете нас за круглых дураков?

— Сохрани меня Бог! Я слишком хорошо знаю и помню, чем я вам обязан, Жан-Поль; вы оказали мне слишком много услуг, чтобы я осмелился когда-нибудь отказаться исполнить то, что вы от меня требуете.

— Да, мы давно уже знакомы друг с другом; вот поэтому я и хотел бы раз и навсегда узнать поглубже ваши мысли.

— Для вас это будет нетрудно, Жан-Поль, — у меня что на уме, то и на языке. Вы можете говорить мне все, что пожелаете, но я тем не менее в настоящую минуту считаю себя изменником.

— Нет еще, — смеясь, сказал Змея, — но скоро им будете!

— Одно уже мое присутствие здесь дает мне право сказать это. А! Совесть моя не дает мне покоя, — проговорил он со вздохом, похожим на рыкание.

— Бедный непорочный агнец, — прошептал Золотая Ветвь.

— Забудьте про вашу совесть, и она, со своей стороны, поверьте мне, не станет мешать вам, старый приятель, — сказал Жан-Поль, иронично улыбаясь.

— Вот именно, — перебил Смелчак, — не надо говорить об отсутствующих, это приносит несчастье!

Дон Паламэд де Бивар и Карпио бросил гневный взор на шутника и снова принялся за еду.

— Вы знаете, в каком месте вам причиняет боль ваше седло, товарищ? Я вам сейчас скажу, — проговорил Змея. — Вам тяжело не то, что вы изменяете графине, которая вас мучит.

— А что же тогда? — спросил идадьго несколько высокомерным тоном.

— Черт возьми! Да то, что вы изменяете ей, не извлекая при этом никакой пользы для себя!..

— В этом есть известная доля истины, — одобрил Смелчак.

— Ба! — продолжал Изгнанник, — неужели тут и в самом деле все сводится к тому, сколько Серебренников заплатят за это?

— Он предпочел бы золото, — смеясь сказал Золотая Ветвь, — оно не так марко и его легче унести.

— О! О! Отчего же вы не сказали этого сразу? Неужели вы думаете, что я имел намерение заставлять вас работать бесплатно?

— Я этого не говорил, — возразил флибустьер, черты которого разгладились.

— Всякий труд должен быть непременно оплачен. Я предполагал по окончании дела вручить вам тысячу франков как вещественный знак моей благодарности; если вы хотите, я могу отдать их вам хоть сейчас!

— Не думайте, пожалуйста, что я соглашаюсь только из-за денег.

— Еще бы, напротив! Я слишком хорошо знаю ваше бескорыстие и поэтому не могу иметь никаких сомнений на этот счет.

— Вы отдаете мне должную справедливость.

— Вот вам, мой друг, — продолжал Изгнанник, бросая идадьго кошелек с деньгами, который флибустьер поймал на лету и тотчас же спрятал в широкий карман своих панталон, — возьмите пока это, а после дела, ну! если я буду вами доволен, я дам вам еще столько же... что же, теперь вы довольны?

— Я положительно в восторге! Ах, Жан-Поль, я не знаю никого, кто мог бы с вами сравниться; вы щедры, как вельможа! Вот теперь большая часть моего беспокойства и исчезла! Да, повторяю вам, вы щедры, как вельможа!

— Или как бандит!.. Говорите откровенно, не стесняйтесь, пожалуйста, — продолжал Изгнанник, смеясь, — в общем это почти одно и то же. — А затем, принимая опять свой серьезный вид, резким голосом прибавил: — Но только помните, чтобы больше уже не было никаких отговорок, не так ли? Дело кончено! Я заплатил вам не торгуясь; вы принадлежите мне телом и душой. Больше я не желаю слышать никаких отказов! Вы будете действовать со мной откровенно и честно, иначе... вы знаете, какой у меня дурной характер.

— Это решено!

— Хорошо. А теперь, так как мы уже все поужинали, не мешает окончательно обсудить наши будущие действия... Мы это можем отлично сделать в то время, пока будем курить, — одно не мешает другому. Выслушайте же меня, господа!

Слушатели проглотили последний глоток водки, закурили трубки и пересели поближе к Изгнаннику, чтобы лучше слышать, что он станет говорить.

— Золотая Ветвь и вы, Смельчак, вы последуете за сеньором доном Паламэдом,

— начал Жан-Поль, — как это было уже решено: он проведет вас в дом, где вы будете держаться как можно тише до тех пор, пока не услышите первого выстрела. В доме только один мужчина, остальные помещаются в хижине в конце деревни, поэтому вам не придется преодолевать слишком больших затруднений. В особенности же избегайте, насколько возможно,

пролития крови: не нападайте и довольствуйтесь только защитой, поняли?

— Вполне, — отвечал Золотая Ветвь, — ну, а капитан... Кто же освободит его?

— Не беспокойтесь об этом, другие взяли на себя заботу спасти его!

— Вы можете мне поклясться в этом?

— Клянусь вам в том моей честью! — отвечал Изгнанник таким тоном, который заставил солдата поверить ему, — и поверьте мне, мой милый друг, хотя меня и называют Изгнанником, на чести моей нет ни одного пятна, и никто не может сказать, чтобы я хоть раз не сдержал своего слова.

— Хорошо! Теперь я спокоен, ну, а вы сами? Что вы будете делать?

— Я буду тоже действовать, хотя несколько иначе, моя работа будет потруднее вашей. Ну, а теперь, раз все решено, пора отправляться, — добавил Изгнанник, взглянув на небо. — Луна взойдет через два часа; надо, чтобы все было кончено, по крайней мере, раньше, чем она покажется и осветит горизонт. Идем!

— Идем! — повторили четверо мужчин, вставая все разом.

Затем они покинули овраг и направились к деревне. Ночь была темна; они шли в одну линию и следовали за Изгнанником, который шел во главе маленького отряда, стараясь все время держаться таким образом, чтобы на них падала тень от деревьев.

Впрочем, надо сказать правду, риск, в сущности, был очень невелик: индейцы рано ложатся спать, живя в своих деревнях; в восемь часов вечера на улицах уже нет никого, каждый сидит у себя. Кроме того времени, когда одно племя воюет с другим, никогда не ставятся часовые и собаки, бродящие по деревне в большом количестве, являются единственными стражами. Но так как вообще собаки имеют привычку лаять чуть ли не всю ночь напролет без всякой видимой причины и единственно ради удовольствия производить шум, индейцы, хорошо знающие обычай своих четвероногих стражей, позволяют им выть сколько угодно и спят от этого еще крепче.

Итак, пятеро смельчаков могли надеяться, что если не случится ничего особенного, ничего непредвиденного, им удастся достигнуть деревни, не будучи замеченными.

Все произошло именно так, как они надеялись, хотя ради излишней предосторожности Изгнанник и заставил своих спутников сделать длинный обход, и они, скрываясь все время под защитой деревьев, добрались как раз до палисада, окружавшего деревню.

Жан-Поль шепотом отдал флибустьеру последние приказания, а затем,

сказав ему: — «Счастливого успеха!» — быстро удалился в сопровождении Змеи.

Трое мужчин, оставшись одни, с минуту простояли неподвижно отчасти затем, чтобы немного отдохнуть — они шли очень быстро, — а отчасти затем, чтобы убедиться, что в деревне все спокойно; затем, по знаку флибустьера, они уверенно тронулись вперед.

Вскоре они достигли окопов.

Золотая Ветвь и Смелычак глядя на палисад, раздумывали про себя, каким образом ухитрятся они взобраться на эту ограду высотой в десять футов, не имевшую ни малейшего выступа, за который можно было бы ухватиться; но через минуту они совершенно успокоились. Флибустьер, потрогав рукой одно за другим несколько бревен, наконец, казалось, нашел то, что искал, и, схватив одно из них обеими руками, сильно потряс его, а затем стал тянуть к себе. К удивлению солдат, бревно подалось очень легко и вскоре открылась довольно широкая брешь, в которую свободно мог пройти человек.

Сеньор дон Паламэд из предосторожности подпилил в предыдущую ночь этот кол на уровне земли, предвидя, по всей вероятности, то, что и произошло на глазах солдат в эту минуту; вытащив бревно, он поднял его, положил к себе на плечо и перенес на несколько шагов, где положил бесшумно на землю; затем он присоединился к солдатам, стоявшим неподвижно в ожидании его возвращения.

— Теперь пойдете, — сказал им идальго шепотом, — дверь открыта.

Еще минута, и все трое были уже в деревне.

— Идите за мной, — повторил идальго, — но только идите осторожно и хорошенько смотрите себе под ноги. Не шумите и вообще старайтесь оставлять как можно меньше следов. Солдаты молча последовали за ним. Глубочайшая тишина царила вокруг них; все население было погружено в сон; даже собаки и те, по странной случайности, прекратили свой бесполезный лай и тоже, по-видимому, спали.

Трое бледнолицых продвигались вперед с крайней осторожностью, сдерживая дыхание, держа ружья со взведенными курками, пронизывая мрак, внимательно прислушиваясь из боязни быть захваченными врасплох, останавливаясь при малейшем шуме и продолжая идти вперед только тогда, когда убеждались, что тревога оказывалась ложной.

Им потребовалось больше четверти часа для того, чтобы достигнуть дома, к которому они направлялись, хотя дом этот находился в недалеком расстоянии от ограды.

Наконец, они добрались до забора, которым был обнесен двор при

доме. И на этот раз флибустьер прибегнул к тому же самому способу, которым он воспользовался при входе в деревню. Достойный идадьго, видимо, терпеть не мог дверей и больше всего любил проходить сквозь стены.

Проделанная заранее брешь, которую дон Паламэд отыскал меньше чем в две минуты, открыла им доступ во двор.

— Отлично! — прошептал Золотая Ветвь. — Теперь остается только войти в дом, но у нашего приятеля, по всей вероятности, есть ключ в кармане.

Солдат угадал: у флибустьера действительно в кармане было несколько ключей, но он не счел нужным пускать их в дело, а, подойдя к одной из дверей, просто-напросто поднял щеколду: дверь отворилась, они вошли. Они попали в кухню, солдаты узнали это не по обстановке комнаты — в ней было темно, как в печке, — а по запаху.

Флибустьер, посоветовав им не шевелиться, сам отправился на разведку в остальные комнаты. Отсутствие его продолжалось недолго и дало следующие результаты: все спали, они были полными хозяевами дома.

Дон Паламэд, вполне успокоенный, зажег факел из свечного дерева, который поставил в камин затем, чтобы он не слишком ярко освещал комнату; потом он завесил шкурой бизона окно на тот возможный случай, если кто-нибудь может пройти по улице и остановиться под окном, увидев комнату освещенной.

Приняв все эти предосторожности, идадьго стал совещаться с солдатами.

Дом имел две двери и, кроме того, по крайней мере, с дюжину окон, через которые, в случае надобности, нетрудно было бы выскочить на улицу, а следовательно, и убежать, потому что окна были не больше пяти футов от земли.

Поэтому они должны охранять все эти выходы. На этот раз, несмотря на всю свою изобретательность, дон Паламэд очутился в серьезном затруднении: задача казалась ему труднее, чем он предполагал это сначала.

И действительно, каким образом три человека могут охранять одновременно столько входов и выходов?

Золотая Ветвь, достойный сын Парижа, никогда ни в чем не сомневался: ему потребовалось не более пяти минут для того, чтобы придумать средство, которое идадьго тщетно пытался отыскать в своей голове. Он великодушно пришел к нему на помощь.

— В чем дело? В том, чтобы преградить выход, не так ли? — сказал он. — Это просто, как «здравствуйте». Вот что следует сделать, прошу вас

выслушать меня внимательно. Один из нас станет как раз на середине коридора и будет охранять оба выхода, двое других засядут во дворе; они спрячутся, как и где будет удобнее, с обеих сторон дома и будут наблюдать за окнами... Таким образом, никому нельзя будет шелохнуться, ни человеку ни животному, чтобы его не заметил кто-нибудь из часовых. Это совсем уж не так хитро. А теперь, если вы недовольны, постарайтесь придумать что-нибудь лучшее!

Этот способ, предложенный Золотою Ветвью, показался восхитительным; его приняли все единодушно. Из предосторожности сеньору Паламэду поручено было наблюдать за тем, что будет происходить внутри дома. Если случайно кто-нибудь встанет, то для него не составит ни малейшего труда придумать такое объяснение, которое не покажется никому подозрительным, потому что идальго считался лицом, пользующимся полным доверием.

Затем оба солдата покинули кухню и, один направо, другой налево, спрятались возле забора.

Вдруг красноватый свет осветил горизонт кровавыми оттенками; затем раздались несколько выстрелов, за которыми почти тотчас же последовала частая перестрелка.

— Мы с тобой потешимся, — вскричал Золотая Ветвь, — там дерутся и деревня горит, нам будет светло и можно будет стрелять без промаха! Смотри в оба, Смельчак!

— Не бойся, старина! — отвечал его товарищ, — не промахнусь.

Между тем, в деревне все ожило, все пришло в движение. Женщины, дети бежали как безумные, издавая страшные крики; перестрелка слышалась во всех концах деревни и, судя по всему можно было подумать что первые минуты паники уже прошли. Индейцы, застигнутые врасплох неожиданным нападением, ободрились и храбро сражались, спасая свои жилища, которые горели, как факелы. Огонь, зажженный нападающими в нескольких местах одновременно, благодаря обилию сена и соломы в амбарах, распространялся с ужасающей быстротой. Деревня превратилась в жаровню; охраняемый солдатами дом, продолжавший оставаться все таким же спокойным и безмолвным, теперь оказался в центре огненного круга.

Но два человека, верные полученному приказанию, оставались неподвижными на своем посту, хотя опасность увеличивалась с минуты на минуту, и огонь, приближавшийся с ревом со всех сторон одновременно, грозил отрезать им отступление.

Теперь нельзя уже было ни потушить, ни локализовать пожар. В лесу

даже начали загораться одно за другим деревья, извиваясь и падая с ужасным грохотом; зловещие звуки, глухой треск, стоны агонии доносились из глубины неисследованных пустынь леса; огромные тени, перепрыгивавшие через пламя, бежали с рыканьем от огня и кидались в деревню, уничтожая и опрокидывая все, что попадалось им на пути.

Это были кровожадные обитатели пустыни изгнанные из своих логовищ; обезумевшие от страха и бешенства, они бежали, сами не зная куда, и еще более усугубляли своим появлением среди несчастного населения ужас их положения.

— Ко мне! Ко мне! — крикнул авантюрист изнутри дома. Послышались два выстрела.

— Беги посмотреть, что там такое делается, — крикнул Золотая Ветвь, — а я останусь здесь.

Вот что увидел Смелычак. При колеблющемся свете факела, выпавшего из рук одного из них и продолжавшего гореть на земле, два человека боролись с остервенением дьяволов.

Вдруг они покатались на землю, не выпуская один другого и продолжая душить друг друга; солдат бросился было их разнимать, но ему невозможно было помочь тому, который звал его на помощь. Переплетаясь как две змеи, рыча, как два хищных зверя, оба врага только тогда перестали колоть один другого, когда смерть положила конец этой ужасной борьбе.

— Черт! Вот два парня, которые поработали-таки руками! — прошептал солдат и, подняв факел, нагнулся над телами.

Первого, которого он поднял, он не узнал: это был Андрэ, молочный брат маркизы; второй был идальго.

— Бедный малый! — продолжал солдат, — вот и конец его карьере; он, ей-ей, сдержал свое обещание и заработал деньги! Кстати, кому теперь нужны эти деньги? Черт! — добавил он, доставая кошелек и перекладывая его в свой карман, — какой я дурак! Они пригодятся моему товарищу и мне самому! То, что падает в яму, достается солдатам!

Снаружи послышался выстрел, за которым сейчас же последовал второй.

— Там завязалась ссора; пойдем посмотрим, что там делается! — проговорил солдат, выбегая во двор.

Вот что случилось в это время. Как только Смелычак проник в дом, наверху с шумом открылось окно, и полуодетая женщина высунулась наружу.

Золотая Ветвь тотчас же двинулся вперед и посоветовал этой женщине не высовываться и закрыть окно, прибавив, что если она послушается его,

ей не будет сделано никакого зла.

Женщина в ответ на это расхохоталась и сделала попытку выпрыгнуть из окна, чтобы бежать.

— Сударыня, — продолжал Золотая Ветвь чрезвычайно вежливо, — вернитесь назад! Повторяю вам в последний раз или вам будет плохо... мне строго-настрого приказано...

— Берегись ты сам, негодяй! — крикнула ему в ответ женщина и выстрелила в него из двух пистолетов. Пули просвистели мимо солдата и одна из них ранила его в голову.

— Так вот ты как! — вскричал солдат, приходя в бешенство. Он поднял ружье и тоже выстрелил. Женщина издала крик боли и исчезла.

— Ладно! У нее в крыле, должно быть, застрял свинец, — спокойно проговорил солдат, снова заряжая ружье. — Тем хуже для нее, сама виновата! Пробуйте после этого мягко обращаться с женщинами!

В ту же минуту толпа вооруженных людей наполнила двор.

Бержэ и барон де Гриньи были во главе их.

— Ну! — спросил канадец, — что нового?

— Ничего особенного! — отвечал солдат. — Птицы в гнезде.

— А эти выстрелы?

— Простая стычка! Так, от нечего делать! — сказал Смельчак, подходя в эту минуту.

Глава XX. БЕГСТВО

Графиня де Малеваль все предвидела.

Она рассчитывала иметь со своим прежним возлюбленным объяснение, от которого должна была зависеть жизнь или смерть последнего.

Или граф де Виллье пройдет через кавдинское ущелье ее злобы и мести, или же он бесповоротно погиб.

Она пригласила главных вождей племени прийти к ней затем, чтобы получить из ее собственных рук несчастного молодого человека.

Индейские вожди с удовольствием исполнили ее желание; они глубоко ненавидели французов, и надежда овладеть одним из видных французских офицеров наполняла их радостью.

Несмотря на всю свою ненависть к французам, индейцы невольно восхищались капитаном, когда увидели, что он сам добровольно отдался в их руки, и, покидая дом, они скорее составляли ему почетный конвой, чем вели пленника.

Граф прошел через всю деревню, высоко подняв голову и улыбаясь. Мученическая смерть, которая, по всей вероятности, ожидала его в самом недалеком будущем, казалось, нисколько его не печалила. Он, наоборот испытывал тайную радость, думая о том, как должен теперь злиться его враг, видя крушение всех своих планов и необходимость довольствоваться той, пошлой мстью, ради которой графиня принесла в жертву все, даже свою честь.

А что такое смерть для солдата, привыкшего видеть ее в лицо и сознающего необходимость убивать других или быть самому рано или поздно убитым врагом во время боя?

Индейцы отвели капитана в большую хижину совета, где, из простой предосторожности, с него сняли сапоги.

Индейцы хорошо знают привычки европейцев известного класса; они знают, что им не только трудно, но даже почти невозможно ходить босиком по дорогам их страны, непроходимым для всякого, кто с детства не привык к тяжелой жизни пустыни.

Молодой человек сел на табурет, прислонился спиной к шесту, находившемуся позади него, и предался своим думам, по-видимому, вовсе не интересуясь тем, что происходило вокруг него.

И в самом деле, в хижине в это время говорили о нем; вожди на совете

решали его участь.

Народный глашатай собрал всех вождей, которые один за другим собрались в большую хижину совета, где, соответственно своему рангу, расположились вокруг огня. По приказанию старейшего из вождей подали большую священную трубку, которая обошла всех присутствующих, и совет начался.

Дебаты продолжались уже более часа, несколько ораторов говорили по очереди, а вожди все еще не пришли ни к какому соглашению. Вдруг снаружи послышался сильный шум, и вошло несколько воинов, которые вели обезоруженного индейца, по-видимому, пленника.

Индеец этот, с которого был снят пояс и которому не оставили ни ножа, ни томагавка, своей величественной и гордой осанкой невольно обращал на себя внимание.

Когда пленник обернулся, капитан вздрогнул, у него сжалось сердце: он узнал Тонкого Слуха, великого вождя волков-гуронов.

Вождь, по-видимому, его не видел; пока воины отдавали отчет членам совета о том, каким образом он к ним попал, Тонкий Слух, скрестив руки на груди, высоко подняв голову и выпрямившись во весь рост, осматривал сборище гордым и презрительным взглядом.

К несчастью, молодой человек не понимал ни слова из того, что говорилось, а потому и не мог ничего узнать.

После довольно долгого и бурного спора Тонкий Слух без церемонии повернулся спиной к членам совета и, подойдя медленными шагами к графу де Виллье, сел возле него.

Тогда поднялся один воин, подошел к нему и тонким кожаным ремнем связал ему руки и ноги; но путы эти, несмотря на узлы, были довольно слабы и не могли стеснять его движений, затем он сделал то же самое и с офицером, который не выказал никакого сопротивления. Впрочем, какую пользу могло ему принести сопротивление? Только ухудшило бы его положение.

— Бледнолицый, — сказал затем воин капитану на плохом французском языке, — ты умрешь завтра с восходом солнца; приготовь твою предсмертную песнь, твоя казнь будет великолепна!

— Благодарю, воин, — улыбаясь, отвечал капитан, — вы не могли сказать мне ничего лучше этого, скорая смерть — вот все, чего я желаю.

— Бледнолицые болтают как дрозды-пересмешники, — с презрением продолжал воин. — Завтра мы увидим, как будет себя держать француз и что он будет говорить. Затем индеец повернулся к нему спиной и ушел.

Несколько минут спустя индейские сахемы встали и вышли из

хижины, дверь которой закрылась за ними.

Вождь и капитан остались одни.

После довольно долгого молчания капитан, любопытство которого было сильно задето, тихонько произнес имя вождя чтобы обратить на себя его внимание и узнать, если возможно, какие-нибудь сведения. Тонкий Слух тихонько нагнулся к своему товарищу по заключению и, приложив палец к губам, прошептал голосом, слабым как дыхание:

— Молчите! У краснокожих глаза и уши везде. Ждать... надеяться!

Он отвернулся в другую сторону, закрыл глаза и сделал вид, что спит.

Разочаровавшийся капитан решил последовать его примеру.

Так прошло несколько часов, в течение которых оба пленника не обменялись ни одним словом. Свет постепенно начал убавляться; наконец, ночь сменила день и мрак окутал хижину совета.

Уже около часа господствовал глубокий мрак, когда вдруг снаружи заблестал свет и несколько воинов, держа в руках зажженные факелы, вошли в хижину. Двое из них несли кушанья которые они поставили недалеко от пленников.

— Ешьте! — сказал один.

Эти кушанья состояли из жареной говядины, яблок, маиса и овощей, печенных в золе.

Один из факелов был воткнут в землю, и воины удалились, за исключением одного, который стоял, прислонясь, спиной к двери хижины.

Этому воину было поручено стеречь пленников; вскоре к нему подошел другой, вооруженный ружьем.

Пленники поели с аппетитом. Капитан благоразумно соображал, что обстоятельства еще могут измениться, и на всякий случай ему необходимо подкрепить силы.

Деятельная жизнь пустыни отличается тем, что у людей, сроднившихся с нею, нравственная сторона никогда не влияет на физическую; естественные потребности жизни играют такую важную роль, что житель пустыни никогда не забывает о них.

Но аппетит капитана был ничто перед аппетитом вождя, он (вождь) буквально пожирал кушанья с такою беспечностью, как если бы это вовсе не была последняя трапеза в его жизни.

Когда кушанья, наконец, исчезли, индейский воин, приносивший еду, взял факел и ушел.

Но часовой поставленный у двери, продолжал неподвижно стоять на своем посту.

Прошло полчаса; мало помалу полная тишина воцарилась в деревне.

Глаза часового, упрямо устремленные на пленников, блестели в темноте точно глаза тигровой кошки.

Вдруг Тонкий Слух возвысил голос и, обращаясь к часовому, вкрадчивым голосом сказал:

— Моя трубка полна *porichee*, неужели мой брат откажет подать мне горячий уголек, чтобы закурить ее?

— Зачем вождю курить? — грубо отвечал часовой, — пусть он подождет! Через несколько часов он будет охотиться в блаженных равнинах Ваконды! Там он и покурит вволю!

— Мой брат отказывается?

— Отказываюсь...

— Мой брат нехорошо делает. За этот уголек я дал бы ему ожерелье из вампумов и стеклянных бус, подаренное мне бледнолицыми.

— Где это ожерелье? — сказал часовой, подходя с быстротой, свидетельствовавшей о его желании присвоить ожерелье.

— Вот оно, — отвечал вождь.

И прыгнув, подобно ягуару, на доверчивого краснокожего, он охватил обеими руками его шею и так быстро задушил, что бедняга упал, не проронив ни одного звука.

— Что вы сделали, вождь? — сказал капитан тоном упрека.

— Я убил собаку! — ответил Тонкий Слух сухо, — пусть бледнолицый подождет!

Затем Тонкий Слух взял оружие у часового, а убитого положил возле капитана в той же позе, в какой сам лежал за минуту перед тем.

Закончив, он встал около двери.

Офицер, невольно заинтересованный, с любопытством следил за всеми движениями краснокожего воина, хотя и догадывался, что все это вождь проделывает с той целью, чтобы вырваться на свободу, а может, освободить, кстати, и капитана.

— Почему Тонкий Слух не уходит? — спросил граф краснокожего, видя, что тот неподвижно остановился у двери.

— Тонкий Слух вождь, — отвечал индеец, — он позволил взять себя, чтобы помочь бежать бледнолицему... он не уйдет без него... пусть мой брат ждет.

Капитан собирался ответить, когда снаружи послышался легкий свист.

Вождь приотворил дверь.

Вошли двое; первый шепотом обменялся несколькими словами с индейцем, а вторая подбежала к капитану и перерезала связывавшие его ремни.

— Анжела! Вы? — вскричал изумленный граф, узнав молодую девушку. — Несчастное дитя! Вы рискуете вашей жизнью! Ради меня!

— Это ничего не значит! — отвечала она, дрожавшим от волнения голосом. — Пойдемте, вы свободны! — Но объясните же мне, ради Бога... — Ни одного слова до тех, пор, пока вы не будете в безопасности! Берите это оружие!

И она подала ему пистолеты и ружье, которые он с радостью принял.

— А! Я, по крайней мере, не умру беззащитным! — вскричал он. — Благодарю вас, Анжела! Благодарю, моя дорогая! В вашем присутствии силы мои удесятятся.

— Пойдемте, пойдемте, Луи! Мы и так уже потеряли много времени!

Капитан поднялся и хотел последовать за ней, но онемевшие члены не слушались его, и он опять упал на землю. Увы! Физические силы изменили ему.

— Боже мой! — скорбно вскричала молодая девушка, — неужели мне не удастся его спасти? Отец, отец!

Изгнанник, — это он разговаривал с вождем, тотчас же подбежал к дочери.

— Мужайтесь капитан! — сказал он, — ваше спасение зависит от вас!

Молодой человек собрал все свои силы, приподнялся и сделал несколько шагов.

— Обопритесь на меня, — сказала девушка, — я сильна, уверяю вас! Пойдемте, дорогой Луи.

Несмотря на все нежелание пользоваться услугами слабой девушки, граф вынужден был подчиниться и взять Анжелу под руку.

Они вышли.

Пока все это происходило, Тонкий Слух занялся разведением огня, но таким странным способом, что беглецы не успели отойти от хижины и на сорок шагов, как вся она вспыхнула и начала гореть, освещая деревню зловещим светом пламени.

Немного далее к маленькому отряду присоединились несколько охотников, вооруженных с головы до ног. Затем с каждой минутой появлялись все новые и новые охотники, которые, казалось, точно вырастали из земли.

Там и сям загремели ружейные выстрелы. Начался бой.

Индейцы, вооруженные, выбегали из хижин стараясь собраться в кучки и организовать защиту деревни.

— Вперед! — вскричал капитан. — За мной, друзья!

— Вперед! — повторили охотники.

Они кинулись вперед, размахивая факелами, которые кидали во все хижины, и стреляя во врагов, осмеливавшихся им сопротивляться.

Несмотря на все просьбы капитана, Анжела последовала за ним и упрямо держалась все время около него.

Пробежав несколько шагов, молодой офицер зашатался и упал.

Тщетно пытался он подняться, он не мог этого сделать: увлеченный пылом сражения и горя желанием отомстить за похищение, молодой человек забыл, что, как только он вошел в хижину совета, с него сняли сапоги. Его нежные ноги, исцарапанные колючками, камнями и шипами, были в ужасном состоянии; кровь текла из ран, причинявших ему ужасные страдания и нестерпимую боль.

Анжела первая заметила состояние, в каком он находился; она подозвала отца, и несмотря на энергичное сопротивление графа, охотники положили его на носилки и понесли из зоны огня.

— Нам надо уйти подальше от этой свалки, — сказала Анжела, — вы больше не можете сражаться, друг мой.

— Мое место здесь, я его не покину.

— Боже мой! — в отчаянии вскричала девушка, — мы умрем здесь!

Бой становился все ожесточеннее. Индейцы сомкнулись в ряды в нескольких пунктах и, в свою очередь, грозили уже перейти в наступление; пули падали, как град, вокруг носилок. Анжела, вся поглощенная своей любовью, видела только любимого человека, которого хотела спасти во что бы то ни стало, тогда как сам он упорно хотел умереть. Она бросила умоляющий взор на своего отца.

Изгнанник тотчас же подбежал к ней.

— Господин граф, — отрывисто проговорил он, — мы вломились очертя голову в эту западню, из которой, может быть, ни один из нас не выберется, только с единственной целью спасти вас. Неужели вы хотите, чтобы все труды наши пропали даром? Жизнь ваша драгоценна, и, кроме того, кто же отомстит за вашего брата, если вы дадите убить себя здесь?

Капитан вздрогнул при этих словах, лицо его вспыхнуло.

— Я не хочу больше спорить, — сказал он, — я покоряюсь вам. Но, прежде чем мы расстанемся, я дам вам сначала одно поручение. Бегите в дом к графине и спасите ее, если возможно... Вы должны это сделать.

— Господин граф, эта женщина...

— Никаких но!.. Или я пойду сам! Эта женщина мой непримиримый враг; она должна быть спасена, я этого хочу!

— Я повинуюсь, раз вы этого требуете и, если только она может быть спасена, я ее спасу!

— Благодарю вас!

— А теперь позвольте Анжеле вас проводить. Недалеко отсюда приготовлены лошади. Достанет у вас силы держаться на лошади?

— Надеюсь.

— Хорошо! Завтра на закате солнца вы будете уже в форте Дюкэне. Прощайте, господин де Виллье. — Вы мне дали слово, помните! — Я никогда не изменял своему слову. Изгнанник нежно поцеловал свою дочь, прошептав ей несколько слов на ухо; потом, когда он увидел, как исчезли носилки, на которых уносили капитана, собрал канадцев и кинулся с ними в бой, а следом за ним пошел и Тонкий Слух; они проложили себе путь оружием сквозь толпу индейцев, которые тщетно пытались загородить им дорогу.

В ту же почти минуту отряды Бержэ и барона де Гриньи напали на дом графини.

Индейцы, обезумевшие от страха, покинули деревню, всю пылавшую в огне, и бежали по всем направлениям, оставив позади себя довольно значительное количество трупов.

Успех канадцев был гораздо больше, чем они сами могли ожидать, потому что они остались полными хозяевами поля битвы; но, несмотря на это, они не могли терять ни минуты, если не хотели пасть жертвами пожара, который сами же и зажгли.

Дом был оцеплен со всех сторон охотниками, и главные из них ворвались внутрь дома.

Они проникли в салон, где находились три женщины; две из них ухаживали за третьей, которая лежала на циновке и, по-видимому, была серьезно ранена.

— Маркиза де Буа-Траси! — вскричал барон, остолбенев. При звуке этого голоса, который маркиза тотчас же узнала, она приподнялась.

— Да, — сказала она, — это я, барон, вы не ожидали увидеть меня здесь?

— Извините, маркиза, но я знал о вашем присутствии в этой деревне, равно как и о присутствии в ней графини де Малеваль.

— Что привело вас в этот дом, сударь? — спросила графиня высокомерно. — Вы пришли объявить нам, что мы ваши пленницы?

— Упаси меня Бог, графиня! — вскричал молодой человек. — У меня одно только желание — спасти вас. Я за этим и явился сюда.

— Слишком поздно, барон, — возразила маркиза, — по крайней мере, для меня: моя рана смертельна, я это чувствую.

— О! Вы ошибаетесь, маркиза!

— Нет, барон, я чувствую, что смерть моя уже близка: мне остается жить всего несколько минут.

Она сделала знак графине, та наклонилась к ней, и они поговорили шепотом несколько минут.

— Докажите мне, что вы пришли сюда с добрым намерением, барон, — сказала затем маркиза, обращаясь к молодому человеку.

— Говорите, маркиза: ваше желание для меня равносильно приказанию.

— Предоставьте графине де Малеваль возможность уйти куда она пожелает.

— Никто из нас не станет сопротивляться этому, никто не последует за ней! Даю вам мое честное слово!

— Благодарю вас, барон, но одной ей не выбраться отсюда.

— Я провожу ее! Пусть только она скажет, куда ей хочется отправиться, — сказал Изгнанник, выдвигаясь вперед.

— Хорошо, я согласна! — сказала графиня. Затем, поцеловав в последний раз маркизу, она прибавила с угрозой: — Господин де Гриньи, между вашим другом и мной не все еще кончено! До свидания!

Она знаком приказала служанке следовать за ней и вышла одновременно с Изгнанником в сопровождении трех или четырех охотников, высокомерная и спокойная, точно все, что происходило в эту минуту в деревне, ее нисколько не касалось.

Маркиза проводила ее взором; потом, когда приятельница, наконец, вышла из комнаты, глубокий вздох вырвался из ее стесненной груди, и она повернулась к барону.

— Подойдите, барон, — проговорила она голосом, который с каждой минутой слабел все более и более, — мне нужно сказать вам несколько слов, которых не должен слышать никто, кроме вас.

Молодой человек сделал два или три шага вперед.

— Я весь к вашим услугам, маркиза, — печально проговорил он

— Ближе, пожалуйста, еще ближе Барон стал возле нее на колени, а так как силы, по-видимому, ее покидали, то по настоятельной просьбе маркизы, он обнял ее правой рукой за талию

— Так, хорошо, — продолжала она. — Надеюсь, что Бог даст мне силы сказать вам все.

Эти слова были произнесены голосом таким слабым и взволнованным, что барон невольно вздрогнул.

— Теперь слушайте меня барон. Теперь, когда всего несколько секунд отделяют меня от смерти, мне хочется, чтобы вы знали, что меня убивает

любовь к вам.

— Не говорите этого, маркиза

— Я люблю вас с той поры, как в первый раз увидела; вы не поверили мне и оклеветали меня.

— Но...

— Да, я хорошо знаю, вы оскорбляли меня, но это было очень несправедливо! Вы не имели права осуждать меня, не выслушав того, что я могла сказать в свое оправдание. Арман, я вас всей душой любила! Избегая меня, вы разбились счастье двух людей.

— Леона! Леона!

— Да, зовите меня Леоной! Мне приятно слышать мое имя из ваших уст. Как дурно поступили вы со мной в последний раз, когда судьба нас свела вместе!

— Маркиза, неужели вы находите нормальным, что я встретил вас в то время, когда вы пытались умертвить меня и де Виллье?

— Неблагодарный! — прошептала она, — неблагодарный! Я, если и последовала за графиней, которой руководил демон ненависти и мщенья, то только затем, чтобы охранять, так как она хотела убить и вас вместе с вашим другом. Если бы не я, вы сто раз могли бы погибнуть.

— Неужели это правда?

— Клянусь Богом, перед которым я скоро предстану, что это правда!

— Прости меня Леона, прости!

— Прощаю и люблю вас, Арман! Поцелуйте меня в первый и последний раз!

Молодой человек нагнулся и поцеловал маркизу, которая, казалось, только и ждала этого момента, чтобы умереть.

Барон де Гриньи продолжал стоять на коленях возле тела умершей; он плакал, как ребенок Грубая рука опустилась на его плечо; он поднял голову. Это был Бержэ.

— Послушайте, господин барон, вы будете плакать потом. Уходите! Сначала надо подумать о живых, а потом уже и о мертвых! Уходите! Здесь нам нечего больше делать.

С этими словами Бержэ бросился вон. Охотники последовали его примеру, спеша выбраться из горевшего дома.

В ту минуту, когда дом рухнул, канадский охотник стал машинально искать барона де Гриньи.

Он его нигде не видел и стал спрашивать о нем.

Один из них издал крик ужаса и протянул руку по направлению пожара. Это было его единственным ответом.

Взор Бержэ последовал за рукой охотника, и он остановился как окаменелый. Вот что он увидел.

Барон не покинул места пожара; он все еще продолжал стоять возле тела той, в любовь которой он так долго не верил.

Не имея возможности жить для нее, он умирал вместе с ней!

Сила огня все увеличивалась. О спасении барона нечего было и думать! Впрочем, Бержэ понимал, что несчастный, наверное, отказался бы от всякой помощи с их стороны.

Крыша рухнула, погребая под своими развалинами маркизу де Буа-Траси и барона де Гриньи.

Глава XXI. РАСПЛАТА

Сильное волнение царило в форте Necessite, расположенном на Манонгахеле, одном из притоков Огио.

Гарнизон, состоявший из пятисот человек отборных солдат, усердно работал над окончанием работ по укреплению форта.

Одни втаскивали пушки на батарею, другие готовили артиллерийские снаряды, третьи носили порох, пули и т д., а там, дальше готовили туры и мешки с землей.

Англичане ожидали нападения со стороны французов; известие об этом нападении было принесено в форт два дня тому назад графиней де Малеваль. У нее был продолжительный разговор с майором Вашингтоном; она показывала ему какие-то письма, — словом, она дала ему столь убедительные доказательства того, о чем она говорила, что майор сейчас же собрал военный совет из главных офицеров гарнизона. На совете единогласно было решено, что они немедленно займутся работами по обороне форта, ибо это нужно было сделать еще и потому, что, по словам графини, командовать французскими силами поручено графу Кулону де Виллье, брату несчастного капитана де Жюмонвилля, подло убитого в западне, устроенной самим же майором Джорджем Вашингтоном.

Солдаты, под непосредственным наблюдением офицеров, усердно работали с раннего утра и до поздней ночи, стараясь привести форт в такое состояние, чтобы он мог выдержать осаду до прибытия подкрепления из Виргинии, которое, несомненно, принудит французов отступить.

Графиня де Малеваль просила позволения остаться в форте Necessite, на что комендант охотно изъявил свое согласие.

Каков бы ни был источник, из которого графиня черпала сообщенные ею сведения, она, по-видимому, отлично была осведомлена. Для доказательства стоит только припомнить, что произошло за несколько дней перед тем в форте Дюкэне.

Г. де Контркер в одно утро, в конце июня, попросил капитана де Виллье прийти к нему.

Граф, совершенно оправившийся от своих ран, поспешил на призыв.

Когда он вошел в кабинет коменданта, там, кроме него, находилось еще два лица. Эти лица были Бержэ, канадский охотник, и Тонкий Слух, вождь племени краснокожих. При виде их капитан понял, что его вызвали по важному делу.

— Дорогой капитан, — сказал ему г де Контркер после обмена обычными приветствиями, — наконец то я имею возможность исполнить обещание, данное мною вам уже давно

— Неужели это стало, наконец, возможно! — вскричал капитан, и его обычно печальное лицо осветилось лучом радости.

Последние события в которых он участвовал, и роковая смерть его друга, барона де Гриньи, оставили глубокий след в душе молодого офицера и придали чертам его лица выражение задумчивой меланхолии.

— Да, — продолжал г де Контркер, — все готово для того, чтобы попытаться напасть на форт Necessite. Вы, конечно, понимаете, что я говорю о внезапном нападении с целью захватить неприятеля врасплох; люди, которых я назначил в состав нашего отряда, прославились в подобного рода экспедициях

— Удастся или не удастся нам захватить их врасплох, господин комендант, — отвечал капитан твердым голосом, отчеканивая каждое слово, — но я головой своей ручаюсь вам за успех: форт будет взят или я буду убит во время штурма

— Я буду в отчаянии, если с вами случится какое-нибудь несчастье, дорогой капитан, и, наоборот, надеюсь, что вы еще многие и многие годы будете служить его величеству Такие офицеры, как вы, встречаются нечасто; поэтому берегите себя, друг мой, прошу вас, я приказываю вам это.

Капитан молча поклонился

— Ваш отряд будет состоять из шестисот канадских охотников под командой нашего друга Бержэ и из краснокожих воинов из племени волков-гуронов, цену которых вы уже успели узнать, — продолжал комендант — Тонкий Слух, самый знаменитый вождь своего племени, хочет сам вести их в бой Искренне сожалею, что не могу дать в ваше распоряжение также и отряд регулярных войск, но вам лучше, чем кому-нибудь, известно, как мало у меня здесь солдат.

— Я видел в деле как индейцев, так и канадцев, господин комендант; это люди непобедимой храбрости, львы, которых в битве не остановит никакая сила. С ними и с двумя офицерами вроде старика Бержэ и вождя Гуронов я уверен в успехе Кроме того, Бог будет за нас! Когда прикажете мне отправляться?

— Когда пожелаете! С этой минуты я предоставляю вам полную свободу действий

— Благодарю вас, я воспользуюсь вашим разрешением, чтобы отправиться как можно скорее.

— Вот вам предписание, дорогой капитан, прочтите его!

Граф де Виллье взял бумагу, которую ему протянул комендант, раскрыл ее и быстро пробежал с живым чувством радости.

Это предписание давало капитану самые широкие полномочия.

Молодой человек горячо выразил свою признательность г. де Контркеру Один пункт тронул его особенно сильно, он гласил следующее:

«Приказываем капитану атаковать их, если это окажется возможным, и истребить (англичан) окончательно, дабы этим наказать их за убийство, которым они нарушили самые священные права просвещенных народов».

Этот намек на западню, жертвой которой пал его брат, напомнив капитану клятву отомстить врагам, преисполнил его радостью и энтузиазмом.

— Наконец-то, — сказал он, — мой несчастный брат будет отомщен! Когда придут твои люди, Бержэ?

— Они будут здесь через два часа, господин Луи.

— Хорошо! А ваши, вождь?

— Немного раньше.

— Отлично, друзья мои! Мы дадим им отдохнуть во все остальное время дня и вместе с тем заняться последними приготовлениями; затем, сегодня вечером мы выступим на закате солнца, луна будет освещать нам путь. Согласны?

— Да! — отвечали оба в один голос

— В особенности присматривайте за тем, чтобы все взяли с собой необходимый запас провианта и боевых припасов. У ваших воинов есть ружья, вождь?

— У всех! — горделиво отвечал вождь, — и они покажут моему брату, как хорошо умеют стрелять из них.

— Вот это славно! Перед выступлением я сделаю смотр всему отряду, чтобы убедиться, что все в порядке.

В эту минуту к коменданту подошел сержант и прошептал ему на ухо несколько слов.

— Впустите его, — сказал комендант и затем, обращаясь к капитану, прибавил: — Вот и еще новости.

В кабинет вошел Изгнанник.

Его одежда, разорванная и в грязи, указывала на то, что он сделал длинный переход.

— Э! — сказал Изгнанник, переступая порог, — как мне кажется, я попал сюда в самую нужную минуту, господин комендант!

— Вы не могли бы попасть удачнее, — отвечал комендант с улыбкой.

— Вы пришли из форта Necessite? — спросил его капитан.
— Две минуты тому назад.
— И вы принесли известия?
— Самые свежие.
— Хорошие?
— Как и все новости, они заключают в себе и хорошее и дурное.
— Гм! — проговорил комендант. — Потрудитесь нам их передать; но сначала сядьте, вы, должно быть, сильно утомлены.

— Признаюсь вам, я очень устал... я шел очень быстро и по ужасным дорогам.

Изгнанник сел на стул, который комендант сам ему пододвинул, потому что г. де Контркер выказывал при всяких обстоятельствах самое большое уважение этому человеку, бывшему живой загадкой для всех на границе.

— Разве дороги так плохи, как вы говорите? — спросил его капитан.
— Успокойтесь, — отвечал Изгнанник, улыбаясь. — Я, как птицы... Я всегда иду по прямой линии; мои дороги — не ваши.
— Это меня немного успокаивает... Ну, а теперь мы вас слушаем.
— Англичане предупреждены о готовящемся нападении на них и поэтому вам не удастся захватить их врасплох!
— Это дурное известие! — сказал комендант.
— Э! Мне решительно все равно, знают они или нет о нашем намерении! — вскричал капитан с энергией. — Тем славнее будет победа.
— Продолжайте, пожалуйста, — сказал г. де Контркер Жан-Полю.
— А знаете кто их предупредил? — Графиня де Малеваль.
— Графиня де Малеваль! Вы в этом уверены?
— Да, она. Впрочем, вы, вероятно, будете иметь случай ее видеть, она пожелала остаться в форте.

— Вы, конечно, знаете, друг мой, — заметил тогда комендант графу де Виллье, — что графиня де Малеваль, изменившая своей родине для того, чтобы стать шпионкой наших врагов, декретом губернатора Новой Франции объявлена вне закона. Эта женщина принесла нам страшный вред. Я не знаю и не хочу знать причин, побудивших ее нас предать, но остервенение ее против всего того, что может называться французским, беспримерно... Желая ей, чтобы она не попала в наши руки! Я буду вынужден ее повесить, а этого мне бы, признаюсь вам очень не хотелось.

— Повесить женщину! — попробовал протестовать капитан, чувствуя, что он краснеет.

— Женщина бывает часто опаснее мужчины, друг мой; кроме того, я

получил на этот счет определенное приказание от г Меннесвиля и, если это случится, я не колеблясь исполню свой долг.

Граф де Виллье отвернулся, чтобы скрыть свое замешательство.

— Интересно знать, — продолжал г де Контркер, — какие еще известия принесли вы нам?

— Когда англичане узнали, что им грозит нападение, они отправили четырех курьеров по четырем различным дорогам, причем каждый из них нес губернатору Виргинии просьбу о скорейшей присылке подкреплении людьми, провизией и боевыми припасами

— Черт возьми! Но ведь все это очень печально! — сказал г. де Контркер.

— Да, если бы эти курьеры исполнили возложенное на них поручение, — продолжал Изгнанник с оттенком иронии, — но, по странному стечению обстоятельств, все четверо попали в руки наших индейских лесных бродяг и депеши их погибли вместе с ними.

— Вот это немного лучше!

— Это еще не все: в форте чувствуется недостаток как в провианте, так и в боевых припасах; между прочим, порох попорчен, самое оружие тоже в довольно плохом состоянии; кроме того, что бы они ни говорили, а эти герои боятся нашего появления

— Так что? — сказал капитан.

— Так что я убежден, что если напасть на них быстро и в особенности с сильным отрядом, они не устоят против натиска наших войск и будут разбиты

— Bravo! — вскричал капитан. — Я и сам думаю точно так же Мы отправляемся сегодня же вечером! Жан-Поль, когда вы закончите с комендантом, будьте настолько добры дойти до моей комнаты, мне хочется с вами поговорить.

— Сейчас, если хотите; мне больше нечего говорить и, если только господин комендант во мне не нуждается.

— Нисколько, вы совершенно свободны. Итак, до вечера, господа Затем г де Контркер проводил своих посетителей до дверей кабинета.

Жан-Поль последовал за капитаном.

У двери своей комнаты граф де Виллье застал Золотую Ветвь, которому отдал приказание никого к себе не впускать; потом, затворив дверь и предложив стул Изгнаннику, он тотчас же вступил с ним в разговор, как человек, который спешит покончить с делом, гнетущим ему сердце

— Милостивый государь, — сказал он Изгнаннику, — я не знаю кто вы такой, но я этого у вас и не спрашиваю, это меня даже почти и не

интересует. Но с тех пор, как случай свел нас друг с другом, вы всегда являлись ко мне на помощь и при этом проявляли такую преданность, которой я с вашей стороны ничем не заслуживаю и которую не знаю, чему и приписать.

— Виноват, капитан, восстановите, пожалуйста, факты. Мы в первый раз встретились с вами в ту минуту, когда вы спасли мне жизнь.

— Согласен, — сказал капитан, улыбаясь, — но так как вы с тех пор успели оказать мне такую же услугу, значит, мы с вами квиты.

— Может быть... Продолжайте.

— У меня есть к вам просьба, от которой зависит счастье моей жизни. Я честно иду к цели: я люблю вашу дочь!

— Я это знаю, — отвечал Изгнанник совершенно серьезно, — она мне это говорила. Впрочем, я это заметил и сам.

— Ни в ее, ни в мои интересы не входило хранить от вас в тайне эту любовь; она скромна и совершенно искренна. Я происхожу из старинной и почетной семьи.

— Я знаю вашу семью. Да, я ее знаю, — добавил Изгнанник, вздыхая.

— Как?! — вскричал удивленный граф.

— Как и все, — поспешил ответить отец Анжелы с деланным равнодушием.

— Я прошу у вас руки вашей дочери.

— А вы знаете, какое мне здесь дали прозвище?

— Мне до этого нет дела. Вы человек сердечный, прямой и честный; г. де Контркер питает к вам большое уважение. Если вы и совершили какой-нибудь проступок—это касается только одного вас... Если с вами случилось какое-нибудь несчастье, я могу только вас жалеть. Мы не в Европе. Здесь человека уважают только за то, каков он есть на самом деле. Ваша дочь ангел, я люблю ее и прошу у вас ее руки.

— Вы твердо решились, граф де Виллье?

— Да.

— И вы никогда не сделаете мне ни одного вопроса о моем имени или о моем прошлом? — спросил Изгнанник, как бы нарочно растягивая слова.

— Никогда!

— Вы разрешите мне жить, как я хочу?

— Сколько хотите.

— Если так, граф де Виллье, я отдаю вам руку моей дочери Анжелы, но только помните, Анжелы, дочери Жан-Поля, Изгнанника.

Сердечное рукопожатие запечатлело этот странный договор. Граф сделал только еще один вопрос

— Я отправляюсь в экспедицию, которая должна иметь громадное значение в моей жизни. Я желаю, чтобы моя свадьба состоялась в форте Necessite как только я им овладею; у меня есть некоторые личные причины поступить таким образом.

— Я их угадываю. Говорите безбоязненно, я беру на себя все приготовления к свадьбе. В день взятия форта вы увидите нас, мою дочь и меня, а также и миссионера для совершения таинства брака.

— Хорошо. До скорого свидания, отец!

— Не называйте меня так! — проговорил Жан-Поль, вздрагивая.

— Почему? — спросил с удивлением граф.

— Вы мне обещали не задавать никаких вопросов.

— Это правда! Тогда по крайней мере, поцелуемся.

Изгнанник сделал движение, как бы желая заключить в объятия молодого человека, но затем отступил, обтер слезу и удалился.

Вечером, в назначенный час, после смотра, сделанного капитаном, отряд покинул форт Дюкэн.

3 июля 1754 г., на рассвете, английские часовые, стоявшие на стенах форта Necessite, дали знать о появлении передовых французских разведчиков, и вскоре затем показался весь отряд, который шел, сомкнувшись в колонну, под прикрытием справа и слева индейских разведчиков.

Несмотря на проливной дождь, канадцы быстро шли, болтая и смеясь между собой и, по-видимому, вовсе не обращая внимания на форт, который виднелся впереди, всего в расстоянии пушечного выстрела. В крепости в ту же минуту забили тревогу, и каждый занял свое место на стенах форта.

Подойдя на довольно близкое расстояние, французы рассыпались вправо и влево, и через четверть часа форт был окружен со всех сторон.

Затем, точно по волшебству, нападающие вдруг исчезли; канадцы, отличные стрелки, засели за деревья и утесы.

Прежде чем подать сигнал к атаке, граф де Виллье отправил Бержэ в качестве парламентаря предложить англичанам сдаться.

Это предложение они не удостоили ответом.

Начальник отряда тотчас же отдал приказание немедленно начать битву.

Мы не станем описывать этого сражения. Оно продолжалось десять часов под проливным дождем, который не прекращался ни на одну минуту.

Через десять часов ожесточенного боя французские стрелки принудили английскую артиллерию прекратить огонь.

Все было приготовлено к штурму. В ту минуту, когда тронулись в атаку

штурмовые колонны, на укреплениях показалось белое знамя: неприятель соглашался на капитуляцию.

У англичан было девяносто человек убитых или смертельно раненных и, кроме того, много солдат выбыло из строя вследствие легких ранений. Артиллерия не могла действовать. Дальнейшее сопротивление становилось невозможным. Майор Джордж Вашингтон лично отправился к французскому коменданту.

— Мы могли бы отомстить за убийство, — сказал граф де Виллье Вашингтону, который стоял перед ним бледный, но совершенно спокойный, — но мы не станем подражать вам.

Капитан согласился на предложенные ему условия капитуляции.

Она была подписана в восемь часов вечера.

Эта капитуляция начиналась следующими словами:

«Так как в наши намерения никогда не входило нарушать доброй гармонии, царившей между обоими дружественными государями, но только отомстить за убийство одного из наших офицеров, отправленного парламентом и сопровождавшего его конвоя» и т. д. и т. д.

Статья четвертая гласила следующее:

«Так как в плену у англичан находятся один офицер, двое кадетов и, кроме того, люди, взятые ими в плен во время убийства господина де Жюмонвилля, то они обещают их немедленно освободить» и т. д.

Затем капитуляция оканчивалась следующими словами:

«Составлена в двух экземплярах на одном из постов нашей блокады в день и год нижеозначенные. — Подписано: Джэймс Мэке, Джордж Вашингтон, Кулон де Виллье».

Отмщение было полное, возмездие блистательное: «виновный признавал лично своей подписью совершенное им преступление и был вынужден склониться перед великодушием человека, брата которого он так гнусно убил.

Эта победа, достигнутая так быстро, стоила французам только двух человек убитых и семидесяти раненых.

Едва капитуляция была подписана, как англичане, объятые необъяснимой паникой, бежали по всем направлениям и с такой поспешностью, что забыли даже захватить с собой знамя, которое и досталось победителям.

На следующий день, на рассвете, французы заняли форт и расположились в нем.

Графиня де Малеваль исчезла, не оставив следов; все поиски были бесполезными: никто ее не видел.

Может быть, она воспользовалась беспорядком, наступившим вслед за капитуляцией, и бежала переодетой вместе с английским гарнизоном? Проверить это оказалось невозможным.

Граф, может быть, преднамеренно предупрежденный г. де Контркером об опасности, грозившей графине, если, по несчастью, она попадет в руки французских властей, с помощью Бержэ придумал способ помочь ей бежать из форта. Единственное наказание, которое он хотел заставить ее перенести, заключалось в том, что она должна была присутствовать при его венчании с Анжелой и сделаться свидетельницей его счастья, — но и это мщение от него ускользало.

Около полудня, согласно обещанию, Изгнанник явился имеее с дочерью, их сопровождал миссионер.

В одном из салонов все было приготовлено для предстоящей церемонии. Скромный алтарь был устроен посреди комнаты.

Венчание было самое трогательное. Скромное и наивное дитя не смело верить своему счастью; она прятала, стыдливо и восторженно, с трогательной грацией, свое прелестное лицо на груди отца, который, несмотря на свою грубоватость, чувствовал себя растроганным, видя дочь такой счастливой. Капитан, желая оказать внимание вождю гуронов и отблагодарить за многочисленные услуги, пригласил его быть в числе свидетелей. Время шло. Сахем не показывался.

Вспомогательный отряд индейцев малодисциплинированных и совершенно незнакомых с обычаями войны между цивилизованными народами, видя бегущих англичан, пустился за ними в погоню; ни приказания, ни просьбы не могли их удержать, и вскоре все они покинули лагерь.

Капитан был сильно встревожен этим бегством, которое могло иметь очень серьезные последствия для побежденных; он послал несколько отрядов разыскать индейцев, и около трех часов пополудни краснокожие снова появились, под предводительством вождя, который поспешил отправиться в форт. Вождь шел гордой и в то же время веселой походкой и при этом с аффектацией указывал на десяток кровавых скальпов, висевших у него на поясе.

Тщетно пытался Бержэ заставить его снять эти гнусные трофеи, мало подходящие к готовившейся церемонии.

— Это скальпы, снятые с янки, — отвечал упрямый индеец; — я должен их сохранить. Пусть мой брат посмотрит вот на этот, — добавил он, любезно указывая на один из них, — я никогда не думал, чтобы хоть один бледнолицый обладал такими прекрасными волосами!

И, поклонившись охотнику, он спокойно вошел в салон.

Граф машинально бросил равнодушный взгляд на скальпы, которыми саhem так гордился и, вздрогнув, с ужасом отвернулся.

Он узнал между ними великолепные волосы графини де Малеваль: несчастная пала под ножом свирепого индейца.

Брачное благословение было преподано.

— Вас удивляет мое дружеское отношение к вам, — сказал Изгнанник своему зятю после того, как было совершено венчание. — Один из ваших родственников исчез некогда в пустынях Нового Света. Ну! Предположите, что я сын этого человека, и полюбите меня немного в память об этом родственнике.

Сказав это, он пожал графу руку и ушел.

Пока Изгнанник был жив, графу никогда не удавалось узнать от него более подробных сведений; за неимением лучшего, он был вынужден довольствоваться и этим.

Много лет спустя, когда Изгнанник был уже убит в битве при Красивой реке, где, выражаясь словами самого Вашингтона, шестьсот канадцев постыдно побили две тысячи англичан, граф, которого ничто уже более не удерживало в Америке, собрался отплыть во Францию со своей очаровательной женой и сыном, родившемся у него незадолго перед тем.

В ту минуту, когда граф входил на палубу корабля, отплывающего в Европу, Бержэ остановил графа де Виллье и вручил ему пакет, запечатанный черным сургучом.

— Что это такое, друг мой?

— От Жан-Поля, господин граф.

— Когда же отдал он тебе этот пакет?

— В день вашей свадьбы, и поручил мне передать его вам как можно позднее, в день его смерти, или же в день вашего отъезда. Он умер, я ждал! Но вы уезжаете, вы покидаете нас навсегда, и я исполняю волю моего старого товарища.

— Благодарю!

Граф хотел распечатать письмо, но Бержэ его остановил.

— Вы прочтете это потом, когда меня больше здесь не будет!

— Хорошо, мой милый Бержэ.

Затем граф де Виллье снова возобновил попытку уговорить Бержэ отправиться в Европу.

Канадский охотник упорно отказывался.

— Что я буду там делать? — отвечал он Анжеле, пожимавшей ему руки. — В ваших городах нет воздуха, нет неба; я задохнусь в узких

улицах! Прощайте, друзья мои. Мне нужна пустыня и лес для того, чтобы жить, как мне хочется. Прощайте, господин Луи! Прощайте, графиня де Виллье... Прощайте, маленькая Анжела, будьте счастливы!

И, смахнув две позорные слезинки, медленно стекавшие по его загорелым щекам, он встряхнулся, вскинул ружье на плечо и направился большими шагами в лес, где скоро скрылся из виду.

Оставшись один, граф де Виллье распечатал письмо Изгнанника.

Вот, то, что было в этом письме:

«Я ревновал! Не будьте же вы ревнивым только потому, что вы любите мою дочь! Я жил в том же свете, как и ваш отец, Луи... Ложное подозрение вложило нам оскорбление в уста и железо в руки. Я убил вашего отца, Луи! Вот почему я никогда не называл вас моим сыном! Это было моим наказанием. Я покинул свое отечество вследствие безумств юности. Я не имел твердости сделать мою дочь и вас несчастными, помешав вашему браку, хотя, может быть, мне и следовало бы это сделать.

Простите меня!

Я уношу эту ужасную тайну с собой в могилу. Анжела даже не знает своего настоящего имени. Вы можете сообщить ей это. Простите еще раз. Жан-Поль Изгнанник, герцог де Сент-Эрэм».

— Что с тобой, Луи? — спросила Анжела, видя, что ее муж побледнел.

— Ничего, дитя мое, моя дорогая Анжела! — отвечал граф де Виллье, разрывая письмо и бросая кусочки в море.

Канадские охотники упорно отстаивали независимость Новой Франции.

После уступки Канады они отказались признать английское владычество.

Не желая гнуться под британским игом, они массами покинули свои деревни, покинули все, что имели.

Они удалились в пустыню к не подчиненным англичанам индейским племенам.

Мало-помалу они усвоили большую часть обычаев краснокожих, гостеприимно принявших их в свою среду; но они, как драгоценность, сохранили французский язык, единственное наследство, оставленное им отцами.

Самые смелые лесные бродяги, самые неустрашимые исследователи настоящего времени, все они, что бы там ни говорили, были канадцы.

Если иногда их спрашивают, к какой нации они принадлежат, они с гордостью отвечают, что они французы — и они правы!

Они купили дорогой ценой право на эту национальность, которую

всякий признает за Канадой.

Это цена их крови, пролитой на полях сражений.

Файл из библиотеки OCR Альдебаран: <http://aldebaran.com.ru/>

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Note1

Necessite — необходимость.